

география/этнография

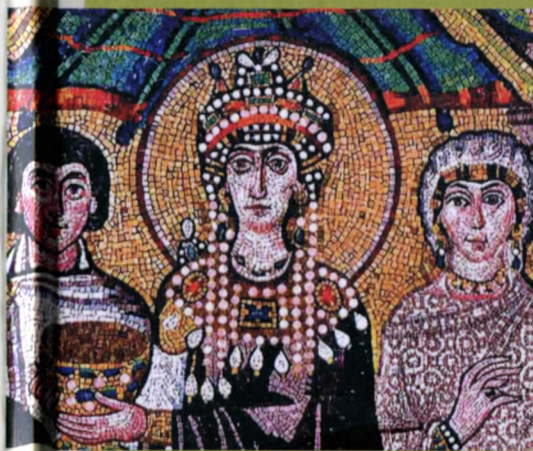
Византия и крестоносцы
Падение Византии

Александр Васильев

Византия
и крестоносцы
Падение
Византии

Александр Васильев

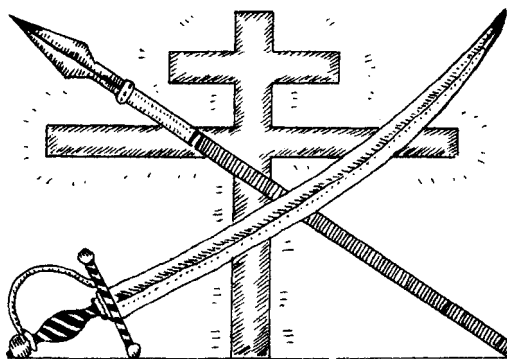
Ломоносовъ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Александр Васильев

Византия
и крестоносцы
Падение Византии

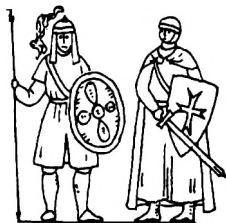

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2014

УДК 94(495).04
ББК 63.3(0)4
В19

Составитель серии Владислав Петров

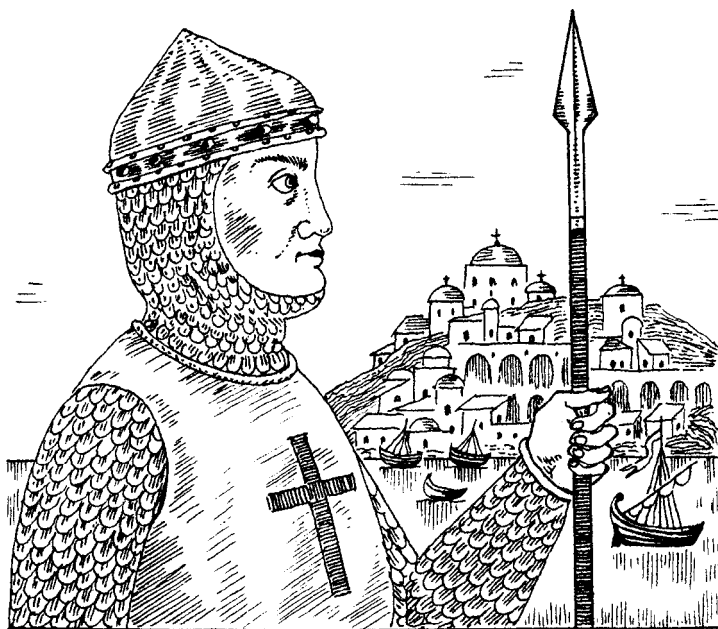
Иллюстрации Ирины Тиболовой

Scan by Greego

Византия и крестоносцы

Эпоха Комнинов (1081–1185)
и Ангелов (1185–1204)

Первая публикация:

Васильев А. А. История Византии. Византия и крестоносцы:
Эпоха Комнинов (1081—1185) и Ангелов (1185—1204).
Пг., Academia, 1923.

Предисловие

Великом средневековом движении крестовых походов, повлекшем за собой целый ряд политических, экономических, религиозных и вообще культурных изменений как на Западе, так и на Востоке, поставившем миру новые запросы и открывшем человечеству неожиданные перспективы, Византии выпало на долю играть трудную и неблагодарную роль посредствующего звена, которое, получая удары с востока от все усиливавшихся сельджукских турок, в то же время подвергалось смертельной опасности со стороны западных ополчений. В то время как для Западной Европы эпоха Крестовых походов была началом новой эры ее жизни, для Византии та же эпоха знаменовала собою начало ее упадка и, по мере развития крестоносных движений, выявляла все яснее и яснее роковые симптомы трагической гибели империи греческих василевсов.

Крестовые походы особенно тяжело и остро отразились на двух сторонах византийской жизни — на политической и экономической. В политическом отношении постепенно и сравнительно быстро выродившаяся идея крестоносных предприятий привела крестоносные полчища к стенам Константинополя, который и перешел в руки латинских завоевателей. Византийская империя с центром в Константинополе в 1204 году прекратила свое существование, а вышедшее из Малой Азии восстановление Византии и обратное отвоевание из рук латинян Константинополя в 1261 году не создали в государстве Палеологов прежней мировой державы, а имели результатом лишь создание небольшого, слабого «эллинского» государства местного значения.

С другой стороны, экономическая мощь и значение Византии, основанные на выгодной роли экономического посредника между Западом и Востоком, со времени Крестовых походов исчезли, так как Западная Европа и мусульманский Восток, столкнувшись лицом к лицу друг с другом, завязали прямые, столь насущные для обеих сторон торговые связи и в посреднике более уже не нуждались.

Большой и живой интерес представляет вопрос вообще о византийской культуре в эпоху Крестовых походов, когда социальные условия жизни, религиозные интересы и задания, литературные веяния и направления менялись и принимали иногда новые формы от взаимодействия византийских и западных влияний.

Имея в виду напечатать ряд отдельных монографий по различным эпохам истории Византии, долженствующих охватить в главных чертах весь ход истории этого государства до момента его трагической гибели, я в настоящем первом очерке и ставлю своей задачей ознакомить читателя с внешним и внутренним положением Византии в эпоху Крестовых походов и, по возможности, выяснить отношение восточной империи к крестовым движениям.

Считаю своим долгом искренне поблагодарить издательство «Academia», давшее мне возможность напечатать мою книжку в серии своих столь полезных для культурной жизни России изданий.

1. Характеристика императоров из дома Комнинов

Революция 1081 года¹ возвела на престол Алексея Комнина, дядя которого, Исаак, в течение короткого времени уже был императором в конце пятидесятых годов (1057—1059).

Греческая фамилия Комнинов, упоминаемая в источниках впервые при Василии II, происходила из одной деревни в окрестностях Адрианополя. Позднее, приобретя большие имения в Малой Азии, Комнины сделались представителями крупного малоазиатского землевладения. Как Исаак, так

и его племянник Алексей выдвинулись благодаря военным талантам. В лице последнего на византийском престоле восторжествовали военная партия и провинциальное крупное землевладение и вместе с тем закончилось смутное время империи. Первые три Комнина сумели подолгу удержаться на престоле и мирно передавали его от отца к сыну.

Энергичное и умелое правление Алексея I (1081—1118) с честью вывело государство из целого ряда суровых внешних опасностей, грозивших иногда самому существованию империи. Еще задолго до смерти Алексей назначил наследником своего сына Иоанна, чем причинил большое неудовольствие своей старшей дочери Анне, знаменитому автору «Алексиады»², которая, будучи замужем за кесарем Никифором Вриеннием, тоже историком, составила сложный план, как добиться от императора удаления Иоанна и назначения наследником ее супруга. Однако престарелый Алексей остался тверд в своем решении, и после его смерти Иоанн был провозглашен императором.

Вступив на престол, Иоанн II (1118—1143) должен был сразу же пережить тяжелые минуты: был раскрыт заговор против него, во главе которого стояла его сестра Анна и в котором замешана была его мать. Заговор не удался. Иоанн очень милостиво отнесся к виновным, большая часть которых лишилась только имущества. Своими высокими нравственными качествами Иоанн Комнин заслужил всеобщее уважение и получил прозвание Калоиоанна (Калояна), то есть Хорошего Иоанна. Интересно, что в высокой оценке нравственной личности Иоанна сходятся как греческие, так и латинские писатели. Он был, по словам Никиты Хониата³, «венцом всех царей (ἡγεμόνων), которые восседали на римском престоле из рода Комнинов». Суровый в оценке византийских деятелей Гиббон⁴ писал об этом «лучшем и величайшем из Комнинов», что сам «философ Марк Аврелий не пренебрег бы его безыскусственными доблестями, пристрастными от сердца, а не заимствованными из школ». Противник ненужной роскоши и излишней расточительности, Иоанн наложил соответствующий отпечаток на свой двор, который при нем жил экономной и строгой жизнью; былых развлечений, веселья и громадных трат при нем не

было. Царствование этого милостивого, тихого и в высокой степени нравственного государя было, как мы увидим ниже, почти одной сплошной военной кампанией.

Полной противоположностью Иоанну явился его сын и преемник Мануил I (1143—1180). Убежденный поклонник Запада, латинофил, поставивший себе идеалом тип западного рыцаря, стремившийся постигнуть тайны астрологии, новый император сразу совершенно изменил суровую придворную обстановку отца. Веселье, любовь, приемы, роскошные празднества, охота, устраиваемые на западный образец поединки-турниры — все это широкой волной разлилось по Константинополю. Посещения столицы иностранными государями: Конрадом III германским, Людовиком VII французским, Кылыч-Арсланом, султаном Иконийским, и различными латинскими князьями Востока — стоили необычайных денег.

Громадное число западноевропейских выходцев появилось при византийском дворе, и в их руки стали переходить наиболее выгодные и ответственные места в империи. Оба раза Мануил был женат на западных принцессах: первая жена его была сестра жены германского государя Конрада III, Берта Зульцбахская, переименованная в Византии в Ирину; вторая жена Мануила была дочь антиохийского князя Мария, по происхождению француженка, замечательная красавица. Все правление Мануила было обусловлено его увлечением западными идеалами, его несбыточной мечтой восстановить единую Римскую империю через отнятие при посредстве папы императорской короны у германского государя и его готовностью заключить унию с западной церковью. Латинское засилье и пренебрежение туземными интересами вызывали в народе общее неудовольствие; настоятельно чувствовалась необходимость в перемене системы. Однако Мануил умер, не увидев крушения своей политики.

Сыну и наследнику Мануила, Алексею II (1180—1183), едва было двенадцать лет. Регентшей была объявлена его мать Мария Антиохийская. Главная власть перешла в руки племянника Мануила протосеваста⁵ Алексея Комнина, любимца правительницы. Новое правительство искало опоры в ненавистном латинском элементе. Народное раздражение

поэтому росло. На столь популярную раньше императрицу Марию стали смотреть как на «иностранку». Французский историк Диль⁶ сравнивает положение Марии с положением в эпоху великой французской революции Марии-Антуанетты, которую народ называл «австриячкой».

Против могущественного протосеваста Алексея составила сильная партия, во главе которой встал Андроник Комнин, одна из любопытнейших личностей в летописях византийской истории, интересный тип как для историка, так и для романиста. Андроник, племянник Иоанна II и двоюродный брат Мануила I, принадлежал к младшей, отстраненной от престола линии Комнинов, отличительным признаком которой была необычайная энергия, направляемая иногда по ненадлежащему пути. Эта линия Комнинов в своем третьем поколении дала государей Трапезундской империи, которые известны в истории под названием династии Великих Комнинов. «Князь-изгой» XII века, «будущий Ричард III византийской истории», в душе которого было «нечто похожее на душу Цезаря Борджиа»⁷, «Алкивид⁸ средневизантийской империи», Андроник являл собой «законченный тип византийца XII века со всеми его достоинствами и пороками»⁹. Красивый и изящный, атлет и воин, хорошо образованный и обаятельный в общении, особенно с женщинами, которые его обожали, легкомысленный и страстный, скептик и, в случае нужды, обманщик и клятвопреступник, честолюбивый заговорщик и интриган, в старости страшный своей жестокостью, Андроник, по мнению Диля, был той гениальной натурой, которая могла бы создать из него спасителя и возродителя изнуренной Византийской империи, для чего ему, может быть, недоставало немного нравственного чувства.

Современный Андронику источник (Никита Хониат) писал о нем: «Кто родился из столь крепкой скалы, чтобы быть в состоянии не поддаться потокам слез Андроника и не быть очарованным вкрадчивостью речей, которые он изливал наподобие темного источника?» Тот же историк в другом месте сравнивает Андроника с «многообразным Протеем», старцем-прорицателем древней мифологии, известным своими превращениями.

Находясь, несмотря на внешнюю дружбу с Мануилом, у него на подозрении и не находя себе деятельности в Византии, Андроник большую часть царствования Мануила провел в скитаниях по различным странам Европы и Азии. Будучи отправлен сначала императором в Киликию, а затем к границам Венгрии, Андроник, обвиненный в политической измене и в покушении на жизнь Мануила, был заключен в константинопольскую тюрьму, где провел несколько лет и откуда, после ряда необычайных приключений, ему по заброшенной водосточной трубе удалось бежать для того, чтобы снова быть пойманным и заключенным еще на несколько лет в темницу. Снова бежав из заключения на север, Андроник нашел убежище на Руси, у князя Галицкого Ярослава Владимировича. Русская летопись отмечает под 1165 годом: «Прибеже ис Царягорода братан царев кюр (то есть кир — господин) Андроник к Ярославу у Галич и прия и Ярослав с великой любовью, и да ему Ярослав неколико городов на утешение». По сведениям византийских источников, Андроник встретил у Ярослава радушный прием, жил в его доме, ел и охотился с ним вместе и даже участвовал в его советах с боярами. Однако пребывание Андроника при дворе галицкого князя казалось опасным Мануилу, так как беспокойный родственник последнего вступал уже в сношения с Венгрией, с которой у Византии начиналась война. Мануил в таких обстоятельствах решил простить Андроника, который «с великой честью», по словам русской летописи, был отпущен Ярославом из Галиции в Константинополь.

Получив в управление Киликию, Андроник недолго пробыл на новом месте. Через Антиохию он прибыл в Палестину, где у него разыгрался серьезный роман с Феодорой, родственницей Мануила и вдовой иерусалимского короля. Разгневанный император отдал приказ ослепить Андроника, который, будучи вовремя предупрежден об опасности, бежал с Феодорой за границу и в течение нескольких лет скитался по Сирии, Месопотамии, Армении, пробыв некоторое время даже в далекой Иверии (Грузии).

Наконец посланцам Мануила удалось захватить страстно любимую Андроником Феодору с их детьми, после чего он

сам, не будучи в состоянии перенести этой потери, обратился с просьбой о прощении к императору. Прощение было дано, и Андроник принес Мануилу полное раскаяние в поступках своей прошлой, бурной жизни. Назначение Андроника правителем малоазиатской области Понта, на побережье Черного моря, явилось как бы почетным изгнанием опасного родственника. В это время, а именно в 1180 году, умер, как известно, Мануил, после которого императором сделался малолетний сын его Алексей II. Андронику тогда было уже шестьдесят лет.

Такова была в главных чертах биография лица, на которое население столицы, раздраженное латинофильской политикой правительницы Марии Антиохийской и ее любимца Алексея Комнина, возлагало все свои надежды. Очень искусно выставляя себя защитником поправленного права малолетнего Алексея II, попавшего в руки злых правителей, и другом ромеев, Андроник сумел привлечь к себе сердца измученного населения, которое его боготворило. По словам одного современника (Евстафия Солунского¹⁰), Андроник «для большинства был дороже самого Бога» или, по крайней мере, «тотчас следовал за Ним».

Подготовив в столице надлежащую обстановку, Андроник двинулся к Константинополю. При известии о движении Андроника многочисленная столичная толпа дала волю своей ненависти по отношению к латинянам: она с остревением набросилась на латинские жилища и начала избиение латинян, не различая пола и возраста; опьяненная толпа громила не только частные дома, но и латинские церкви и благотворительные учреждения; в одной больнице были перебиты лежавшие в постелях больные; папский посол после поругания был обезглавлен; много латинян было продано в рабство на турецких рынках. Этим избиением латинян 1182 года, по словам Ф. И. Успенского¹¹, «действительно, если не посеяно, то полито зерно фанатической вражды Запада к Востоку». Всесильный правитель Алексей Комнин был заточен в темницу и ослеплен. После этого Андроник совершил торжественный въезд в столицу. Для укрепления своего положения он начал постепенно уничтожать родственников Мануила и велел задушить императрицу-мать Марию

Антиохийскую. Затем, заставив провозгласить себя соимператором и дав, при ликовании народа, торжественное обещание охранять жизнь императора Алексея, он несколько дней спустя отдал распоряжение тайно его задушить. После этого, в 1183 году, Андроник, шестидесяти трех лет от роду, сделался полновластным императором ромеев.

Появившись на престоле с задачами, о которых речь будет ниже, Андроник мог поддерживать свою власть лишь путем террора и неслыханных жестокостей, на что и было направлено все внимание императора. Во внешних делах он не проявил ни силы, ни инициативы. Настроение народа изменилось не в пользу Андроника; недовольство росло. В 1185 году вспыхнула революция, возведшая на престол Исаака Ангела. Попытка Андроника бежать не удалась. Он подвергся страшным мучениям и оскорблениям, которые перенес с необыкновенной стойкостью. Во время своих нечеловеческих страданий он лишь повторял: «Господи, помилуй! Зачем вы сокрушаете сломанный тростник?» Новый император не позволил, чтобы растерзанные останки Андроника удостоились хоть какого-либо погребения. Такой трагедией закончила свое существование последняя славная на византийском престоле династия Комнинов.

2. Алексей I и внешняя политика до Первого крестового похода

По словам Анны Комниной, образованной и литературно одаренной дочери нового императора Алексея, последний в первое время после своего вступления на престол, ввиду турецкой опасности с востока и норманнской с запада, «замечал, что царство его находится в предсмертной агонии». Действительно, внешнее положение империи было очень тяжелым и с годами становилось еще более затруднительным и сложным.

Герцог Апулии, Роберт Гвискар, покончив с завоеванием византийских южноитальянских владений, имел гораздо более широкие замыслы. Желая нанести удар в самое серд-

це Византии, он перенес военные действия на Адриатическое побережье Балканского полуострова. Оставив управление Апулией старшему сыну Рожеру, Роберт с младшим сыном Боэмундом, известным впоследствии деятелем Первого крестового похода, располагая уже значительным флотом, выступил в поход против Алексея, имея ближайшей целью приморский город в Иллирии Диррахий (прежний Эпидамн; по-славянски Драч; теперь Дураццо). Диррахий, главный город одноименной образованной при Василии II Болгаробойце¹² фемы-дуката, то есть области с дукой во главе управления, прекрасно укрепленный, по справедливости считался ключом к империи на западе. От Диррахия начиналась построенная еще в римское время известная военная Егнатиева дорога (via Egnatia), шедшая на Солунь и дальше на восток к Константинополю. Поэтому вполне естественно, что главное внимание было направлено Робертом на этот пункт. Эта экспедиция была прелюдией Крестовых походов.

Алексей Комнин, чувствуя невозможность одними своими силами справиться с норманнской опасностью, обратился за помощью на Запад, между прочим к германскому государю Генриху IV. Но последний, испытывая в это время затруднения внутри государства и не закончив еще своей борьбы с папой Григорием VII, не мог быть полезным византийскому императору. Отозвалась на призыв Алексея Венеция, преследовавшая, конечно, собственные цели и интересы. Император обещал республике св. Марка за оказанную помощь флотом, которого у Византии было мало, обширные торговые привилегии, о чем речь будет ниже. В интересах Венеции было помочь восточному императору против норманнов, которые, в случае успеха, могли захватить торговые пути с Византией и Востоком, то есть захватить то, что венецианцы надеялись сами со временем получить в свои руки. Кроме того, для Венеции была налицо и непосредственная опасность: норманны, завладевшие Ионическими островами, особенно Корфу и Кефалонией, и западным побережьем Балканского полуострова, закрыли бы для венецианских судов Адриатическое море.

Норманны, завоевав остров Корфу, осадили Диррахий с суши и с моря. И хотя подошедшие венецианские корабли

освободили осажденный город со стороны моря, прибывшее во главе с Алексеем сухопутное войско, в состав которого входили македонские славяне, турки, варяго-английская дружина и некоторые другие народности, потерпело сильное поражение. В начале 1082 года Диррахий отворил ворота Роберту. Однако на этот раз вспыхнувшее восстание в Южной Италии заставило Роберта удалиться с Балканского полуострова, где оставшийся Боэмунд после нескольких успехов был в конце концов побежден. Предпринятый Робертом новый поход против Византии окончился также неудачей. Среди его войска открылась какая-то эпидемия, жертвой которой пал и сам Роберт Гвискар, умерший в 1085 году на острове Кефалония, о чем до сих пор еще напоминает своим названием небольшая бухта и деревня у северной оконечности острова Фискардо — Гвискардо. Со смертью Роберта норманнское нашествие в византийские пределы прекратилось, и Диррахий снова перешел к грекам.

Отсюда видно, что наступательная политика Роберта Гвискара на Балканском полуострове потерпела неудачу. Но зато вопрос о южноитальянских владениях Византии был при нем решен окончательно. Роберт основал итальянское государство норманнов, так как ему первому удалось соединить в одно целое различные графства, основанные его соплеменниками, и образовать Апулийское герцогство, пережившее при нем свой блестящий период. Наступивший после смерти Роберта упадок герцогства продолжался около пятидесяти лет, когда основание Сицилийского королевства открыло новую эру в истории итальянских норманнов. Однако, Роберт Гвискар, по словам Шаландона¹³, «открыл для честолюбия своих потомков новую дорогу: с тех пор итальянские норманны будут обращать свои взоры к востоку: за счет греческой империи Боэмунд, двенадцать лет спустя, задумает создать для себя княжество».

Венеция, оказавшая помощь флотом Алексею Комнину, получила от императора громадные торговые привилегии, которые создали для республики св. Марка совершенно исключительное положение. Помимо великолепных подарков венецианским церквям и почетных титулов с определенным

содержанием дожу и венецианскому патриарху с их преемниками императорская грамота Алексея, или хрисовул, как назывались в Византии грамоты с золотой императорской печатью, предоставляла венецианским купцам право купли и продажи на всем протяжении империи и освобождала их от всяких таможенных, портовых и других, связанных с торговлей, сборов; византийские чиновники не могли осматривать их товары. В самой столице венецианцы получили целый квартал с многочисленными лавками и амбарами и три морских пристани, которые назывались на Востоке скалами, где венецианские суда могли свободно грузиться и разгружаться. Хрисовул Алексея дает любопытный список наиболее важных в торговом отношении византийских пунктов, приморских и внутренних, открытых для Венеции, в Северной Сирии, Малой Азии, на Балканском полуострове и Греции, на островах, кончая Константинополем, который в документе назван Мегалополис, то есть Великий Город. В свою очередь, венецианцы пообещали быть верными подданными империи.

Дарованные венецианским купцам льготы ставили их в более благоприятное положение, чем самих византийцев. Хрисовулом Алексея Комнина было положено твердое основание колониальному могуществу Венеции на Востоке и созданы такие условия для ее экономического преобладания в Византии, которые, казалось, должны были на долгое время сделать невозможным появление других конкурентов в данной области. Однако эти же исключительные экономические привилегии, дарованные Венеции, послужили впоследствии, при изменившихся обстоятельствах, одной из причин политических столкновений Восточной империи с республикой св. Марка.

3. Борьба империи с турками и печенегами

Турецкая опасность с востока и севера, то есть со стороны сельджуков и печенегов, столь грозная при предшественниках Алексея Комнина, еще более усилилась и обострилась

при нем. Если победа над норманнами и смерть Гвискара позволили Алексею возвратить византийскую территорию на западе до Адриатического побережья, то на других границах, благодаря нападениям турок и печенегов, империя значительно уменьшилась в своих размерах. Анна Комнина пишет, что «в то время, о котором идет речь, восточную границу Ромейского владычества образовывал соседний Босфор, западную — Адрианополь».

Казалось, что в Малой Азии, почти целиком завоеванной сельджуками, обстоятельства складывались благоприятно для империи, так как среди малоазиатских турецких правителей (эмиров) шла междоусобная борьба за власть, что ослабляло турецкие силы и приводило страну в состояние анархии. Но Алексей не мог направить всего своего внимания на борьбу с турками ввиду нападений на империю с севера печенегов.

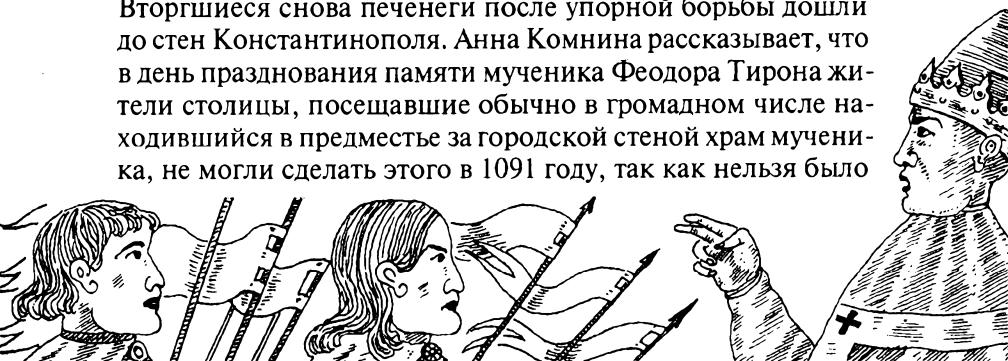
Последние в своих действиях против Византии нашли союзников внутри империи в лице живших на Балканском полуострове павликиан. Павликиане представляли собой восточную дуалистическую религиозную секту, одну из главных отраслей манихейства, основанную в III веке Павлом Самосатским и преобразованную в VII веке. Живя в Малой Азии, на восточной границе империи, и твердо отстаивая свое вероучение, они были вместе с тем прекрасными воинами, доставлявшими немало хлопот византийскому правительству. Как известно, одним из излюбленных приемов византийского правительства было переселение различных народностей из одних областей в другие, так, например, славян в Малую Азию, а армян на Балканский полуостров. Подобная судьба постигла и павликиан, которые в большом количестве были переселены с восточной границы во Фракию в VIII веке Константином V Копроном и в X веке Иоанном Цимисхием. Центром павликианства на Балканском полуострове сделался город Филиппополь. Поселив восточную колонию в окрестностях этого города, Цимисхий, с одной стороны, достиг удаления упорных сектантов из их укрепленных городов и замков на восточной границе, где с ними трудно было справиться; а с другой стороны, он рассчитывал, что на месте

нового поселения павликиане будут служить крепким оплотом против частых нападений на Фракию северных «скифских» варваров. В X же веке павликианство распространилось по Болгарии благодаря преобразователю этого учения попу Богомилу, по имени которого византийские писатели называют его последователей богомилами. Из Болгарии богомильство позднее перешло в Сербию и Боснию, а затем и в Западную Европу, где последователи восточного дуалистического учения носили различные названия: патарены в Италии, катары в Германии и Италии, побликаны (то есть павликиане) и альбигойцы во Франции и т. д.

Византийское правительство, однако, ошиблось в своих расчетах на роль поселенных на Балканском полуострове восточных сектантов. Во-первых, оно не предполагало возможности быстрого и широкого распространения ереси, что на самом деле случилось. Во-вторых, богомильство сделалось выразителем национальной славянской и политической оппозиции против тяжелого византийского управления в церковной и светской областях, особенно в пределах покоренной при Василии II Болгарии. Поэтому вместо того, чтобы защищать византийские пределы от северных варваров, богомилы призывали печенегов для борьбы против Византии. К печенегам присоединились куманы (половцы).

Борьба с печенегами, несмотря на временные удачи, была очень тяжела для Византии. В конце восьмидесятых годов Алексей Комнин потерпел у Дристра (Силистрии), на Нижнем Дунае, страшное поражение и сам едва спасся от плена. Только раздоры из-за дележа добычи, возникшие между печенегами и куманами, не позволили первым на этот раз вполне использовать свою победу.

После короткого отдыха, купленного у печенегов, Византия должна была пережить ужасное время 1090—1091 годов. Вторгшиеся снова печенеги после упорной борьбы дошли до стен Константинополя. Анна Комнина рассказывает, что в день празднования памяти мученика Феодора Тирона жители столицы, посещавшие обычно в громадном числе находившийся в предместье за городской стеной храм мученика, не могли сделать этого в 1091 году, так как нельзя было

открыть городских ворот из-за стоявших под стенами печенегов.

Положение империи сделалось еще более критическим, когда с юга стал грозить столице турецкий пират Чаха, прошедший молодые годы в Константинополе при дворе Никифора Вотаниата, пожалованный византийским чином и убежавший в Малую Азию при вступлении на престол Алексея Комнина. Овладев Смирной и некоторыми другими городами западного побережья Малой Азии и островами Эгейского моря при помощи созданного им флота, Чаха задумал нанести удар Константинополю с моря, отрезав таким образом для него пути к пропитанию. Но, желая, чтоб задуманный им удар был сильнее, он вступил в сношения с печенегами на севере и с малоазиатскими сельджуками на востоке. Уверенный в успехе своего предприятия, Чаха уже заранее называл себя императором (василевсом), украшал себя знаками императорского достоинства и мечтал сделать Константинополь центром своего государства. Не надо упускать из виду и того, что как печенеги, так и сельджуки были тюрками, пришедшими благодаря сношениям к сознанию своего родства. В лице Чахи для Византии явился враг, который, по словам В. Г. Васильевского, «с предприимчивой смелостью варвара соединял тонкость византийского образования и отличное знание всех политических отношений тогдашней Восточной Европы, который задумал сделаться душой общего турецкого движения, который хотел и мог дать бессмысленным печенежским блужданиям и разбоям разумную и определенную цель и общий план». Казалось, что на развалинах Восточной империи должно было основаться турецкое сельджуко-печенежское царство. Византийская империя, по выражению того же В. Г. Васильевского, «тонула в турецком нападении». Другой русский византинист, Ф. И. Успенский, так пишет о данном моменте: «Положение Алексея Комнина в зиму 1090—1091 года может быть сравнимо разве с последними годами империи, когда османские турки окружили Константинополь со всех сторон и отрезали его от внешних сношений».

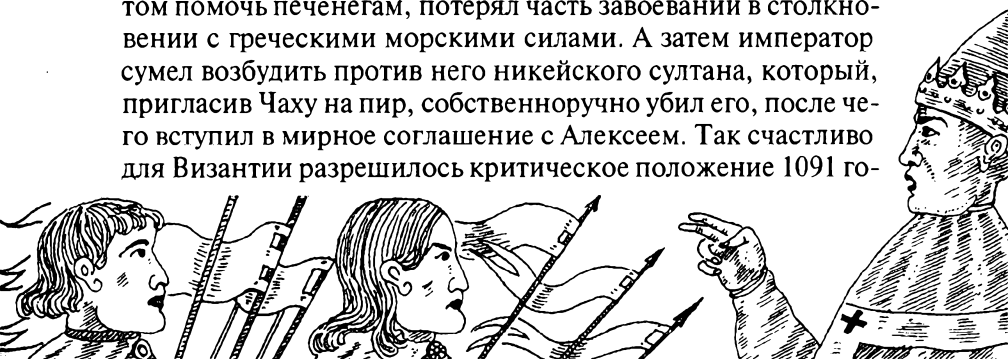
Алексей понимал весь ужас положения империи и, следуя обычной византийской дипломатической тактике настраи-

вать одних варваров против других, обратился к половецким ханам, этим «союзникам отчаяния», которых просил помочь ему против печенегов. Хорошо известные русской летописи дикие и суровые половецкие ханы, Тугоркан и Боняк, были приглашены в Константинополь, где встретили самый льстивый прием и получили роскошную трапезу. Византийский император униженно просил о помощи варваров, державших себя с императором панибратски. Дав Алексею слово, половцы сдержали его. 29 апреля 1091 года произошла кровопролитная битва, в которой вместе с половцами, вероятно, участвовали и русские. Печенеги были разгромлены и беспощадно истреблены. По этому поводу Анна Комнина замечает: «Можно было видеть необычайное зрелище: целый народ, считавшийся не десятками тысяч, но превышавший всякое число, с женами и детьми, целиком погиб в этот день». Только что упомянутое сражение нашло отражение в сложенной тогда византийской песне: «Из-за одного дня скифы (так Анна Комнина называет печенегов) не увидели мая».

Своим вмешательством в пользу Византии половцы оказали громадную услугу христианскому миру. «Их предводители, — по словам Анны Комниной, — Боняк и Тугоркан, должны быть по справедливости названы спасителями Византийской империи».

Алексей с торжеством возвратился в столицу. Лишь небольшая часть пленных печенегов не была перебита, и эти остатки столь страшной орды были поселены на восток от реки Вардара и вошли позднее в ряды византийской армии, где составляли особый род войска. Печенеги же, успевшие спастись от истребления за Балканы, были настолько ослаблены, что в течение тридцати лет не предпринимали ничего в Византии.

Страшный для Византии Чаха, не успевший своим флотом помочь печенегам, потерял часть завоеваний в столкновении с греческими морскими силами. А затем император сумел возбудить против него никейского султана, который, пригласив Чаху на пир, собственноручно убил его, после чего вступил в мирное соглашение с Алексеем. Так счастливо для Византии разрешилось критическое положение 1091 го-

да, и следующий 1092 год протекал уже для империи в совершенно изменившейся обстановке.

В страшные дни 1091 года Алексей искал себе союзников не только в лице варварских половцев, но и среди людей латинского Запада. Анна Комнина пишет: «Он приложил все усилия, чтобы письмами вызвать отовсюду наемное войско». То, что такие послания были отправлены на Запад, видно и из другого пассажа того же автора, которая пишет, что вскоре Алексей получил «наемное войско из Рима».

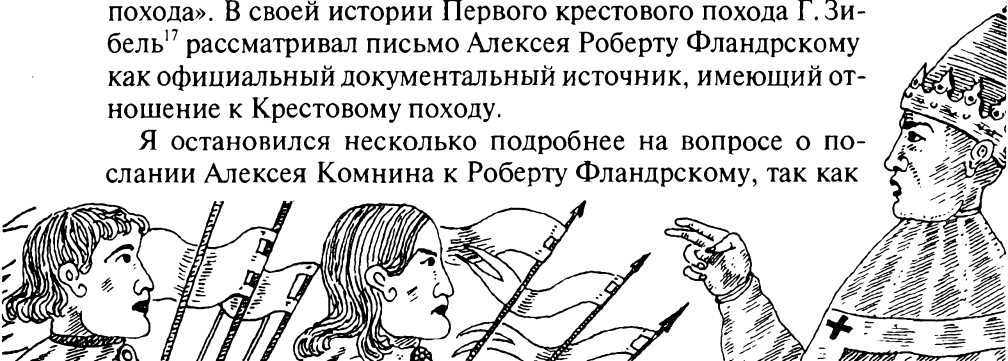
В связи с изложенными событиями историками разбирается обыкновенно известное в литературе послание Алексея Комнина к его старому знакомому, проезжавшему за несколько лет перед тем из Святой земли через Константинополь, графу Роберту Фландрскому. В этом послании император рисует отчаянное положение «святейшей империи греческих христиан, сильно утесняемой печенегами и турками», говорит об убийствах и поруганиях христиан, детей, юношей, жен и дев, о том, что почти вся территория империи занята уже врагами; «остался почти лишь один Константинополь, который враги угрожают в ближайшем времени у нас отнять, если к нам не подоспеет быстрая помощь Божия и верных христиан латинских»; император «бежит перед лицом турок и печенегов» из одного города в другой и предпочитает отдать Константинополь в руки латинян, чем язычников. Послание, для возбуждения ревности латинян, перечисляет длинный ряд святынь, хранившихся в столице, и напоминает о накопленных в ней бесчисленных богатствах и драгоценностях. «Итак, спешите со всем народом вашим, напрягите все ваши силы на то, чтобы такие сокровища не попали в руки турок и печенегов... Действуйте, пока имеете время, дабы христианское царство и, что еще важнее, Гроб Господень не были для вас потеряны и дабы вы могли получить не осуждение, но награду на небеси. Аминь!»

В. Г. Васильевский, относивший это послание к 1091 году, писал: «В 1091 году с берегов Босфора донесся до Западной Европы прямой вопль отчаяния, настоящий крик утопающего, который уже не может различать, дружеская или неприязненная рука протянется для его спасения. Ви-

зантийский император не усомнился теперь раскрыть перед глазами посторонних всю ту бездну стыда, позора и унижения, в которую была низвергнута империя греческих христиан».

Этот документ, рисуемый в столь ярких красках критическое положение Византии около 1090 года, вызвал целую литературу. Дело в том, что он дошел до нас лишь в латинской редакции. Мнения ученых разделились: в то время как одни ученые, и между ними русские ученые В. Г. Васильевский и Ф. И. Успенский, считают послание подлинным, другие (из более новых — француз Риан¹⁴) считают его подложным. Новейшие историки, занимавшиеся данным вопросом, склоняются с некоторыми ограничениями к подлинности послания, то есть признают существование не дошедшего до нас оригинала послания, адресованного Алексеем Комнином Роберту Фландрскому. Французский историк Шаландон признает, что средняя часть послания была составлена при помощи оригинального письма; дошедшее же до нас латинское послание в целом было составлено кем-нибудь на Западе для возбуждения крестоносцев незадолго до первого похода. В существенных чертах соглашается с мнением В. Г. Васильевского относительно подлинности послания и позднейший издатель и исследователь последнего, немецкий ученый Гагенмейер¹⁵. Наконец, в 1928 году Л. Брейе¹⁶ писал: «Возможно, если следовать гипотезе Шаландона, что, прибыв во Фландрию, Роберт забыл о своих обещаниях. Алексей тогда послал к нему посольство и письмо с текстом, конечно, полностью отличным от того, который дошел до нас. Что же касается этого апокрифического письма, то оно могло быть составлено с помощью подлинного, в момент осады Антиохии, в 1098 году, чтобы попросить поддержки на Западе. Письмо Алексея не имеет, таким образом, ничего общего с предысторией Крестового похода». В своей истории Первого крестового похода Г. Зибель¹⁷ рассматривал письмо Алексея Роберту Фландрскому как официальный документальный источник, имеющий отношение к Крестовому походу.

Я остановился несколько подробнее на вопросе о послании Алексея Комнина к Роберту Фландрскому, так как

с ним связан отчасти важный вопрос о том, призывал ли император Запад к Крестовому походу или нет, о чем будет сказано ниже. Во всяком случае, исходя из точного указания современницы Анны Комниной о том, что Алексей отправлял послания на Запад, мы можем признавать и факт отправления им послания к Роберту Фландрскому, легшего в основу разукрашенного дошедшего до нас латинского текста. Очень вероятно, что это послание Алексея было отправлено именно в критический для Византии 1091 год. Весьма также возможно, что в 1088—1089 годах послание императора было послано хорватскому королю Звонимиру с просьбой принять участие в борьбе Алексея «против язычников и неверных».

Успех в отношении внешних врагов сопровождался таким же успехом по отношению к врагам внутренним. Заговорщики и претенденты, хотевшие в своих выгодах воспользоваться затруднительным положением государства, были разоблачены и наказаны.

Еще до времени Первого крестового похода, кроме вышеупомянутых народов, при Алексее Комнине стали играть уже некоторую роль сербы и мадьяры. Во второй половине XI века Сербия добилась независимости, которая была оформлена принятием сербским князем титула короля (краля). Это было первое сербское королевство со столицей в Шкодре (Шкодер, Скадар, Скутари). Сербы участвовали в войске Алексея во время уже известной нам войны его с норманнами, но покинули в опасный момент императора. После же возвращения Византией от норманнов Диррахия у Алексея с Сербией начались враждебные действия, которые, ввиду рассказанных уже тяжелых условий для империи, не могли быть особенно успешными для императора. Однако незадолго до Крестового похода между сербами и империей был заключен мир.

Отношения к Венгрии (Угрии), которая принимала еще раньше деятельное участие в болгаро-византийской борьбе X века при Симеоне, также несколько осложнились во время Алексея Комнина благодаря тому, что в конце XI века континентальная Венгрия при государях из династии Арпада стала стремиться на юг к морю, а именно к побережью

Далмации, что вызывало недовольство как со стороны Венеции, так и со стороны Византии.

Итак, международная политика империи ко времени Первого крестового похода сильно разрослась и усложнилась и ставила государству новые задачи.

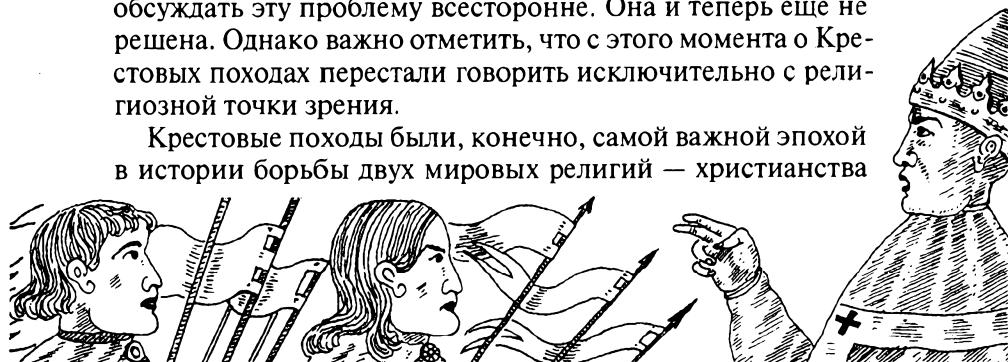
Однако к середине девяностых годов XI века Алексей Комнин, освободившийся от многочисленных грозивших империи опасностей и создавший, казалось, для государства условия мирной жизни, мог постепенно собраться с силами для борьбы с восточными сельджуками. Для этой цели императором был предпринят ряд оборонительных работ.

Но в это время Алексей Комнин услышал о приближении к границам своего государства первых крестоносных отрядов. Начался Первый крестовый поход, изменивший планы Алексея и направивший его и империю по новому, сделавшемуся позднее роковым для Византии пути.

4. Первый крестовый поход и Византия

Эпоха Крестовых походов является одной из наиболее важных в мировой истории, особенно с точки зрения экономической истории и культуры в целом. Длительное время религиозные проблемы заслоняли другие стороны этого сложного и разнородного движения. Первой страной, где была полностью осознана значимость Крестовых походов, была Франция, где в 1806 году Французская академия и затем Национальный институт учредили специальную премию за лучшую работу на тему: «О влиянии Крестовых походов на гражданскую свободу европейских народов, их цивилизацию и прогресс науки, торговли и промышленности». Конечно, в начале XIX века было еще преждевременно обсуждать эту проблему всесторонне. Она и теперь еще не решена. Однако важно отметить, что с этого момента о Крестовых походах перестали говорить исключительно с религиозной точки зрения.

Крестовые походы были, конечно, самой важной эпохой в истории борьбы двух мировых религий — христианства

и ислама, — борьбы, тянувшейся с седьмого века. В этом историческом процессе играли роль не только одни религиозные мотивы. Уже в Первом крестовом походе, наиболее сильно отразившем в себе идею крестоносного движения за освобождение святых мест из рук неверных, можно отметить мирские цели и земные интересы. «Среди рыцарей было две партии — партия религиозно настроенных и партия политиков». Цитируя эти слова немецкого ученого Б. Куглера¹⁸, французский ученый Ф. Шаландон добавляет: «Это утверждение Куглера совершенно верно». Однако чем внимательнее историки изучают внутренние условия жизни Западной Европы в XI веке, в особенности экономическое развитие итальянских городов этого времени, тем более они убеждаются, что экономические явления также сыграли весьма значительную роль в подготовке и проведении Первого крестового похода. С каждым новым Крестовым походом эта мирская струя пробивалась в них все сильнее, чтобы одержать наконец окончательную победу над первоначальной идеей движения во время Четвертого крестового похода, когда крестоносцы взяли Константинополь и основали Латинскую империю.

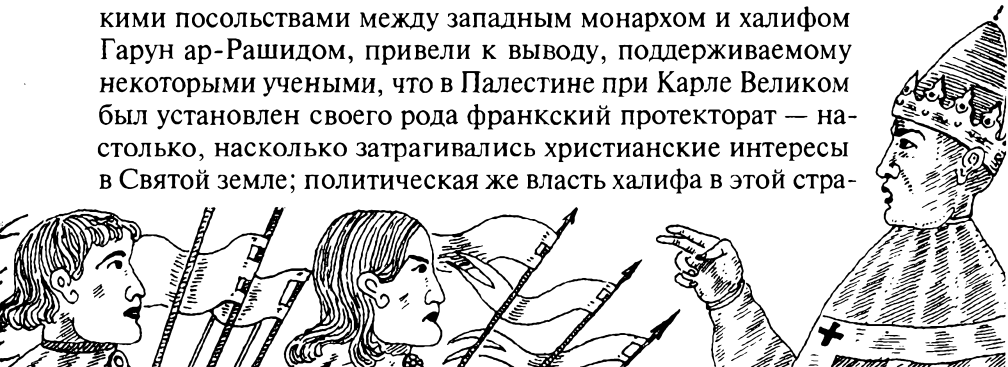
Византия играла настолько важную роль в данной эпохе, что изучение Восточной империи совершенно необходимо для более глубокого и всестороннего понимания как генезиса, так и самого хода развития Крестовых походов. Более того, большинство исследователей, которые изучали Крестовые походы, рассматривали проблему с излишне «западной» точки зрения, с тенденцией сделать из Греческой империи, по Шаландону, «козла отпущения всех ошибок крестоносцев».

Со времени своего первого выступления на арене всемирной истории в тридцатых годах VII века арабы, как известно, с поразительной быстротой завоевали Сирию, Палестину, Месопотамию, восточные области Малой Азии, прикавказские страны, Египет, северное побережье Африки, Испанию. Во второй половине VII и в начале VIII века они дважды осаждали Константинополь, от которого были оба раза не без труда отбиты благодаря энергии и талантам императоров Константина IV Погоната и Льва III Исавра.

В 732 году вторгнувшиеся из-за Пиренеев в Галлию арабы были остановлены Карлом Мартеллом при Пуатье. В IX веке арабы завоевали остров Крит, а к началу X века в их руки перешли остров Сицилия и большая часть южноитальянских владений Византии.

Эти арабские завоевания имели очень большое значение для политической и экономической ситуации в Европе. Как сказал А. Пиренн¹⁹, «молниеносное продвижение арабов изменило облик мира. Их внезапное вторжение разрушило древнюю Европу. Оно положило конец средиземноморскому союзу, который составлял ее силу... Средиземное море было римским озером. Оно стало в значительной мере озером мусульманским». Это утверждение бельгийского историка должно быть с некоторыми оговорками принято. Экономические связи Западной Европы с восточными странами были ограничены мусульманами, но не прерваны. Торговцы и паломники продолжали путешествовать в обе стороны, и экзотические восточные продукты были в Европе доступны, например, в Галлии.

Первоначально ислам отличался терпимостью. Отдельные случаи нападений на церкви христиан, не имевшие по большей части под собой религиозной подкладки, бывали в X веке; но подобные прискорбные факты являлись лишь случайными и преходящими. В отвоеванных у христиан областях они по большей части сохраняли церкви, христианское богослужение и не творили препятствий для дел христианской благотворительности. В эпоху Карла Великого, в начале IX века, в Палестине восстанавливались и строились новые церкви и монастыри, для чего Карлом посылалась обильная «милостыня»; при церквях устраивались библиотеки. Паломники беспрепятственно ездили по святым местам. Эти взаимоотношения между франкской империей Карла Великого и Палестиной, в связи с обменом несколькими посольствами между западным монархом и халифом Гарун ар-Рашидом, привели к выводу, поддерживаемому некоторыми учеными, что в Палестине при Карле Великом был установлен своего рода франкский протекторат — настолько, насколько затрагивались христианские интересы в Святой земле; политическая же власть халифа в этой стра-

не оставалась неизменной. С другой стороны, другая группа историков, отрицая важность этих отношений, говорит, что протекторат никогда не существовал и что «это миф, подобный легенде о Крестовом походе Карла в Палестину». Заглавие одной из последних статей по этому вопросу — «Легенда о протекторате Карла в Святой земле». Термин «франкский протекторат», как и многие другие, условен и достаточно неопределен. Здесь важно то, что с начала IX века франкская империя имела весьма обширные интересы в Палестине. Это был очень важный факт для последующего развития международных отношений, которые предшествовали Крестовым походам.

Во второй половине X века блистательные победы византийского оружия при Никифоре Фоке и Иоанне Цимисхии над восточными арабами сделали Алеппо и Антиохию вассалами империи, и после этого византийская армия, возможно, вошла в Палестину. Эти военные успехи Византии имели свой отклик в Иерусалиме, так что в результате французский историк Л. Брейе считал возможным говорить о византийском протекторате в Святой земле, который положил конец протекторату франкскому.

Переход Палестины во второй половине X века (969 год) под власть египетской династии Фатимидов, по-видимому, не внес сначала какого-либо существенного изменения в благоприятное положение восточных христиан и в безопасность приезжавших паломников. Однако в XI веке обстоятельства изменились. Из этого времени для нашего вопроса необходимо отметить два важных факта. Сумшедший фатимидский халиф ал-Хаким, этот «египетский Нерон», открыл жестокое гонение на христиан и иудеев на всем пространстве своих владений. По его велению в 1009 году храм Воскресения и Голгофа в Иерусалиме подверглись разрушению. В своей ярости разрушения церквей он остановился только потому, что боялся аналогичной судьбы мечетей в христианских областях.

Однако в любом случае только после смерти ал-Хакима в 1021 году для христиан наступило время терпимости. Между Византией и Фатимидами был заключен мир, и византийские императоры получили возможность приступить

к восстановлению храма Воскресения, постройка которого была закончена в половине XI века при императоре Константине Мономахе. Христианский квартал был обнесен крепкой стеной. Паломники после смерти ал-Хакима снова получили свободный доступ в Святую землю, и источники за это время отмечают среди других лиц одного из наиболее знаменитых пилигримов, а именно — Роберта Дьявола, герцога Норманнии, который умер в Никее в 1035 году, по пути из Иерусалима. Может быть, в это же время, то есть в тридцатых годах XI века, приезжал в Иерусалим со скандинавской дружиной, пришедшей вместе с ним с севера, и знаменитый варяг той эпохи Гаральд Гардрад, сражавшийся против мусульман в Сирии и Малой Азии.

Храм Воскресения был, очевидно, восстановлен после разрушения с надлежащим великолепием, о чем свидетельствует, например, русский паломник игумен Даниил, посетивший Палестину в первые годы XII века, то есть в первое время существования Иерусалимского королевства, основанного в 1099 году, после Первого крестового похода. Даниил перечисляет колонны храма, говорит о выложенном мраморном поле и шести дверях и дает интересные сведения о мозаиках. У него же мы находим сообщения о многих церквях, святынях и местах Палестины, связанных с новозаветными воспоминаниями. По словам Даниила и современного ему англосаксонского паломника Зевульфа, «поганые сарацины» (то есть арабы) были неприятны тем, что скрывались в горах и пещерах, нападали иногда с целью грабежа на проезжавших по дорогам пилигримов. «Сарацины всегда устраивали западни для христиан, прячась в горных долинах и пещерах скал, сторожа день и ночь за теми, на кого они могли напасть».

Мусульманская терпимость в отношении христиан проявлялась и на Западе. Когда, например, в конце XI века испанцы отняли у арабов город Толедо, то, к своему удивлению, нашли христианские храмы в городе нетронутыми и узнали, что в них беспрепятственно совершалось богослужение. Одновременно, когда в конце того же XI века норманны завоевали у мусульман Сицилию, они, несмотря на более чем двухвековое господство последних на острове, на-

шли на нем громадное число христиан, свободно исповедовавших свою веру. Итак, первым событием XI века, которое больно отозвалось на христианском Западе, было разрушение храма Воскресения и Голгофы в 1009 году. Другое событие, связанное со Святой землей, произошло во второй половине XI века.

Турки-сельджуки, после того как они разбили византийские войска при Манцикерте в 1071 году, основали Румийский, иначе Иконийский, султанат в Малой Азии и стали успешно продвигаться во всех направлениях. Их военные успехи имели отзвук в Иерусалиме: в 1070 году турецкий полководец Атциг направился в Палестину и захватил Иерусалим. Вскоре после этого город восстал, так что Атциг вынужден был начать осаду города снова. Иерусалим был взят вторично и подвергнут страшному разграблению. Затем турки захватили Антиохию в Сирии, обосновались в Никее, Кизике и Смирне в Малой Азии и заняли острова Хиос, Лесбос, Самос и Родос. Условия пребывания европейских паломников в Иерусалиме ухудшились.

Разрушение храма Воскресения в 1009 году и переход Иерусалима в руки турок в 1078 году были теми двумя фактами, которые глубоко подействовали на религиозно настроенные массы Западной Европы и вызвали в них сильный порыв религиозного воодушевления. Многим наконец стало ясно, что в случае гибели Византии под натиском турок весь христианский Запад подвергнется страшной опасности.

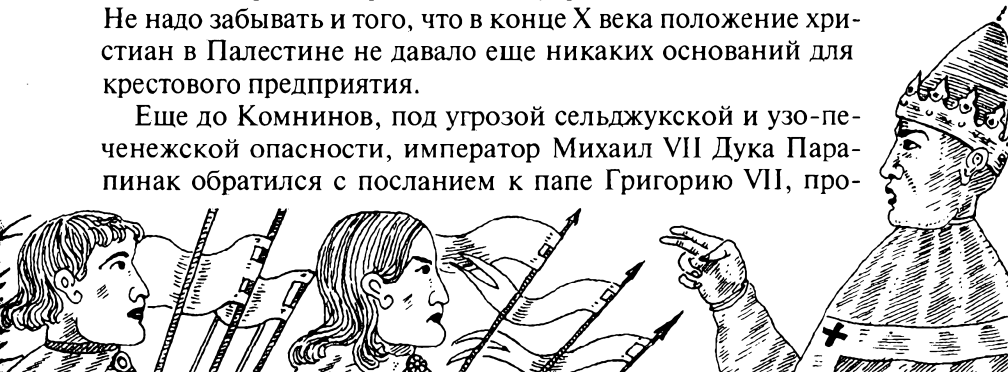
Ближайшую же опасность от все возрастающего усиления турок испытывали византийские императоры, которые после манцикертского поражения, как им казалось, уже не могли справиться с турками одними собственными силами. Взоры их были направлены на Запад, главным образом на папу, который, как духовный глава западноевропейского мира, мог своим влиянием побудить западноевропейские народы оказать посильную помощь Византии. Иногда же, как мы уже видели на примере обращения Алексея Комнина к графу Роберту Фландрскому, императоры обращались и к отдельным светским правителям на Западе. Алексей, однако, имел в виду скорее некоторое количество

вспомогательных сил, чем мощные и хорошо организованные армии.

Папы отнеслись весьма сочувственно к призывам восточных басилевсов. Помимо чисто идейной стороны дела, а именно помощи Византии, а с нею и всему христианскому миру, и освобождения святых мест из рук неверных, папы, конечно, имели в виду и интересы католической церкви в смысле дальнейшего усиления, в случае успеха предприятия, папской власти и возможности возвращения Восточной церкви в лоно церкви католической. Церковного разрыва 1054 года папы забыть не могли. Первоначальная мысль византийских государей получить с Запада лишь вспомогательные наемные отряды превратилась впоследствии, постепенно, преимущественно под влиянием папской проповеди, в идею о Крестовом походе Западной Европы на Восток, то есть о массовом движении западноевропейских народов с их государями и наиболее выдающимися военными вождями.

Еще во второй половине XIX века ученые полагали, что первая идея о Крестовых походах и первый призыв к ним вышел в конце X века из-под пера знаменитого Герберта, бывшего папой под именем Сильвестра II²⁰. Но в настоящее время в послании «От лица разоренной Иерусалимской церкви к церкви Вселенской», находящемся в собрании писем Герберта, в котором Иерусалимская церковь обращается к Вселенской с просьбой прийти ей на помощь своими щедротами, лучшие знатоки вопроса о Герберте видят, во-первых, произведение Герберта, написанное им еще до времени папствования, вопреки мнению некоторых о позднейшей фальсификации послания, и, во-вторых, видят в нем не проект Крестового похода, а простое окружное послание к верующим для побуждения их к посылке милостыни на поддержание христианских учреждений Иерусалима. Не надо забывать и того, что в конце X века положение христиан в Палестине не давало еще никаких оснований для крестового предприятия.

Еще до Комнинов, под угрозой сельджукской и узбекской опасности, император Михаил VII Дука Параниак обратился с посланием к папе Григорию VII, про-

ся его о помощи и обещая за это соединение церквей. Папа отправил целый ряд посланий с увещеваниями помочь гибнущей империи. В письме к графу Бургундскому он писал: «Мы надеемся... что, после подчинения норманнов, мы переправимся в Константинополь на помощь христианам, которые, будучи сильно удручены частыми нападениями сарацин, жадно просят, чтоб мы им протянули руку помощи». В другом письме Григорий VII упоминает «о жалкой судьбе столь великой империи». В письме к германскому государю Генриху IV папа писал о том, что «большая часть заморских христиан истребляется язычниками в неслыханном поражении и наподобие скота ежедневно избивается и что род христианский уничтожается»; они смиренно молят нас о помощи, «чтобы христианская вера в наше время, чего не дай Боже, совершенно не погибла»; послушные папскому убеждению, итальянцы и другие европейцы готовят уже армию свыше 50 000 человек и, поставив, если возможно, во главе экспедиции папу, хотят подняться против врагов Бога и дойти до Гроба Господня. «К этому делу, — пишет далее папа, — меня особенно побуждает также и то обстоятельство, что Константинопольская церковь, не согласная с нами относительно Святого Духа, стремится к согласию с апостольским престолом».

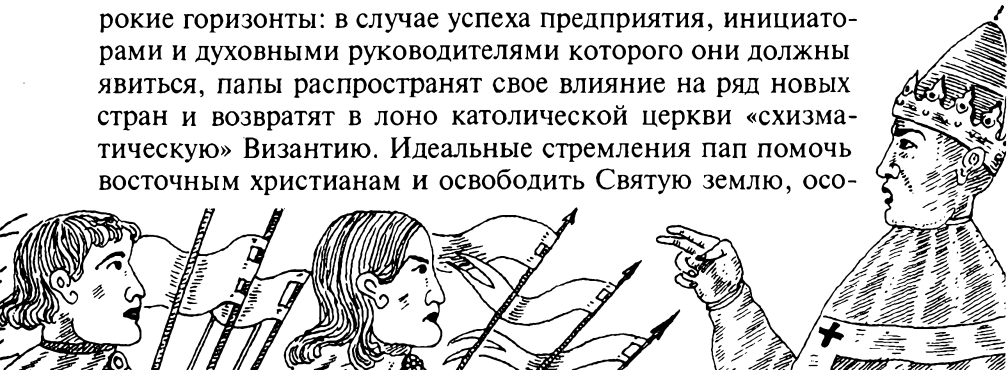
Как видно, в этих письмах речь идет далеко не только о Крестовом походе для освобождения Святой земли. Григорий VII рисовал план экспедиции в Константинополь для спасения Византии, этой главной защитницы христианства на Востоке. Принесенная папой помощь обуславливалась воссоединением церквей, возвращением в лоно католической церкви «схизматической» церкви восточной. То есть идет речь более о защите Константинополя, чем об отвоевании святых мест. Поэтому возможно предположить, что в планах Григория VII священная война против ислама стояла на втором месте и что папа, вооружая западное христианство на борьбу с мусульманским Востоком, имел в виду «схизматический» Восток. Последний же для Григория VII был более ужасен, чем ислам. В одном послании о землях, занятых испанскими маврами, папа открыто заявлял, что он предпочел бы эти земли оставить в руках не-

верных, то есть мусульман, чем увидеть, чтобы они попали в руки непокорных сынов церкви. Считая послания Григория VII первым планом Крестовых походов, нужно отметить связь между этим планом и разделением церквей 1054 года.

Подобно Михаилу VII Параспинаку, Алексей Комнин, переживая ужасы 1091 года, также обращался к Западу, прося о присылке наемных вспомогательных отрядов. Но благодаря вмешательству половцев и насильственной смерти турецкого пирата Чахи опасность для столицы миновала без западной помощи, так что в следующем, 1092 году, с точки зрения Алексея, вспомогательные западные отряды казались уже ненужными для империи. Между тем дело, начатое на Западе Григорием VII, приняло широкие размеры, главным образом благодаря убежденному и деятельному папе Урбану II. Скромные просьбы Алексея Комнина о вспомогательных войсках были забыты. Речь шла теперь о массовом вторжении.

Историческая наука, еще со времени критического исследования Первого крестового похода немецким историком Зибелем (первое издание его книги вышло в 1841 году), отмечает следующие главные — с западной точки зрения — причины Крестовых походов: 1) Общее религиозное настроение Средневековья, усилившееся еще в XI веке благодаря клюнийскому движению; в обществе, подавленном сознанием греховности, замечается стремление к аскетизму, отшельничеству, к духовным подвигам, к паломничеству; под таким же влиянием находились тогдашние богословие и философия. Это настроение являлось первой общей причиной, поднявшей массы на подвиг освобождения Гроба Господня. 2) Возвышение папства в XI веке, особенно при Григории VII. Для папства Крестовые походы представлялись в высшей степени желательными, так как открывали для дальнейшего развития его могущества широкие горизонты: в случае успеха предприятия, инициаторами и духовными руководителями которого они должны явиться, папы распространят свое влияние на ряд новых стран и возвратят в лоно католической церкви «схизматическую» Византию. Идеальные стремления пап помочь восточным христианам и освободить Святую землю, осо-

бенно характерные для личности Урбана II, перемешивались таким образом с их стремлениями увеличить папскую власть и могущество. 3) Мирские, светские интересы также играли значительную роль у различных общественных классов. Феодалное дворянство, бароны и рыцари, участвуя в общем религиозном порыве, видели в крестоносном предприятии прекрасный случай удовлетворить свое славолубие, воинственность и увеличить свои средства. Подавленные тяжестью феодального бесправия крестьяне, увлеченные религиозным чувством, видели в Крестовом походе по крайней мере временное освобождение от тяжелых условий феодального гнета, отсрочку в уплате долгов, уверенность в защите оставляемых семей и скудного имущества со стороны церкви и избавление от грехов.

Первый крестовый поход является первым организованным наступлением христианского мира против неверных, и это наступление не ограничивалось Центральной Европой, Италией и Византией. Он начинался в юго-западном углу Европы, в Испании, и кончался в бескрайних степях России.

Что касается Испании, папа Урбан II в своем письме 1089 года испанским грандам, епископам и другим знатым и могущественным лицам призывал их остаться в своей собственной стране вместо того, чтобы идти в Иерусалим, и направить свою энергию на восстановление христианских церквей, разрушенных маврами. Это был правый фланг крестоносного движения против неверных.

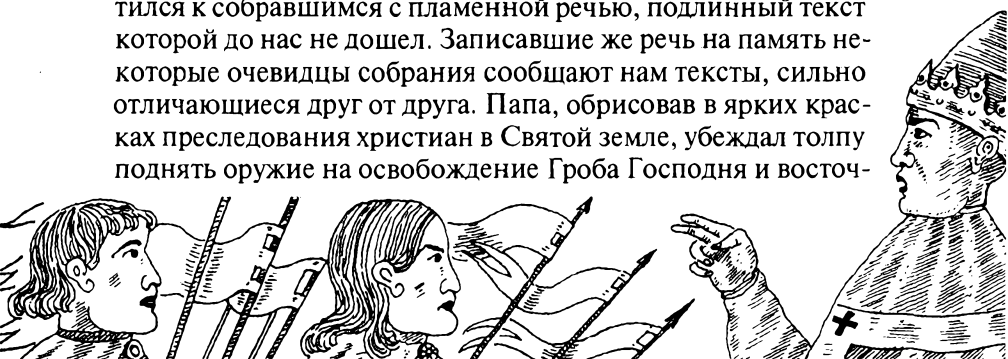
На северо-востоке Русь отчаянно сражалась с дикими ордами куманов (половцев), которые появились в южных степях около середины XI века, разорили эти места и привели в расстройство торговлю, заняв все дороги, ведущие из Руси на восток и на юг. В. О. Ключевский писал в этой связи: «Эта почти двухвековая борьба Руси с половцами имеет свое значение в европейской истории. В то время как Западная Европа крестовыми походами предприняла наступательную борьбу на азиатский Восток, когда и на Пиренейском полуострове началось такое же движение против мавров, Русь своей степной борьбой прикрывала левый фланг европейского наступления. Но эта ис-

торическая заслуга Руси стоила ей очень дорого: борьба сдвинула ее с насиженных днепровских мест и круто изменила направление ее дальнейшей жизни». Таким образом, Русь участвовала в общем западноевропейском крестовом движении, защищая себя и в то же время Европу от варваров-язычников.

Скандинавские царства также участвовали в Первом крестовом походе, однако они присоединялись к основной армии небольшими соединениями. В 1097 году датский дворянин Свейн привел отряд крестоносцев в Палестину. В северных странах избыточный религиозный энтузиазм не проявлялся, и, насколько известно, большая часть скандинавских рыцарей была движима в меньшей степени христианскими устремлениями, чем любовью к войне и приключениям, надеждой добычи и славы.

В это время было две христианские страны на Кавказе — Армения и Грузия. Однако после поражения византийской армии при Манцикерте в 1071 году Армения попала под власть турок, так что не было даже вопроса об участии кавказских армян в Первом крестовом походе. Что касается Грузии, то сельджуки захватили страну в XI веке, и только после того, как крестоносцы захватили Иерусалим в 1099 году, Давид Строитель изгнал турок. Это произошло около 1100 года, или, как утверждает грузинская хроника, тогда, когда «франкская армия двинулась вперед и, с Божьей помощью, взяла Иерусалим и Антиохию, Грузия стала свободной, и Давид стал могущественным».

В ноябре 1095 года в Клермоне (в Оверни, в Центральной Франции) собрался знаменитый собор, на который съехалось так много народа, что в городе не нашлось достаточно жилья для всех прибывших и многие разместились под открытым небом. По окончании собора, на котором был рассмотрен ряд наиболее важных текущих дел, Урбан II обратился к собравшимся с пламенной речью, подлинный текст которой до нас не дошел. Записавшие же речь на память некоторые очевидцы собрания сообщают нам тексты, сильно отличающиеся друг от друга. Папа, обрисовав в ярких красках преследования христиан в Святой земле, убеждал толпу поднять оружие на освобождение Гроба Господня и восточ-

ных христиан. С криками «Dieu le veut!»* толпа бросилась к папе. По его предложению будущим участникам похода были нашиты на одежду красные кресты (отсюда название «крестоносцы»). Им было объявлено отпущение грехов, прощение долгов и защита имущества церковью на время их отсутствия. Крестоносный обет считался непреложным, и его нарушение влекло за собой отлучение от церкви. Из Оверни воодушевление распространилось на всю Францию и в другие страны. Создавалось обширное движение на Восток, истинные размеры которого на Клермонском соборе нельзя было и предвидеть.

Вопрос о Первом крестовом походе был практически решен в Клермоне. Новости об этом дошли до Алексея как неожиданный и приведший в замешательство сюрприз, ибо он не ждал и не хотел помощи в виде Крестового похода. Когда Алексей призывал наемников с Запада, он приглашал их для защиты Константинополя, то есть, иными словами, своего собственного государства. Идея же освобождения Святой земли, которая не принадлежала империи более четырех столетий, имела для него второстепенное значение.

Для Византии проблема Крестового похода в XI веке не существовала. Религиозный энтузиазм не процветал ни в массах, ни у императора, не было и проповедников Крестового похода. Для Византии политическая проблема спасения империи от ее восточных и северных врагов не имела ничего общего с далекой экспедицией в Святую землю. Византия имела свои собственные «крестовые походы». Были блистательные и победоносные экспедиции Ираклия против Персии в VII веке, когда Святая земля и Крест Животворящий были возвращены империи. Были победоносные кампании при Никифоре Фоке, Иоанне Цимисхии и Василии II против арабов в Сирии, когда императоры планировали окончательно вернуть себе власть над Иерусалимом. Этот план не осуществился, и Византия, под угрожающим нажимом ошеломляющих турецких успехов в Малой Азии в XI веке, отказалась от всякой надежды возвращения

---

* С Божьей помощью! (фр.)

Святой земли. Для Византии палестинская проблема в это время была избыточна. В 1090—1091 годах она была в двух шагах от гибели, и, когда Алексей обратился за западной помощью, а в ответ получил известие о походе крестоносцев, его первой мыслью стало спасение империи. В написанной Алексеем поэме «Музы», являющейся, как можно думать, своего рода политическим завещанием сыну и наследнику Иоанну, имеются интересные строчки о Первом крестовом походе, из которых можно заключить, что Алексей относит крестоносцев к той же категории, что и варваров, угрожающих империи, — турков и печенегов.

Весной 1096 года благодаря проповеди Петра Амьенского, называемого иногда «Пустынником», которому отвергнутая теперь историческая легенда приписывает возбуждение крестоносного движения, во Франции собралась толпа, по большей части из бедных людей, мелких рыцарей, бездомных бродяг с женами и детьми, почти без оружия, и двинулась через Германию, Венгрию и Болгарию к Константинополю. Это недисциплинированное ополчение под предводительством Петра Амьенского и другого проповедника, Вальтера Неимушего, не дававшее себе отчета, где оно проходило, и не приученное к повиновению и порядку, по пути своего прохождения грабило и разоряло страну. Подойдя к Константинополю и расположившись в его окрестностях, крестоносцы стали, по обыкновению, заниматься грабежом. Обеспокоенный император поспешил переправить их в Малую Азию, где они были почти все перебиты турками около Никеи. Петр Пустынник еще до этой катастрофы возвратился в Константинополь.

История с неудачным ополчением Петра и Вальтера была как бы введением в Первый крестовый поход. Неблагоприятное впечатление, оставленное этими крестоносцами в Византии, распространялось и на последующих крестоносцев. Турки же, легко покончив с неподготовленными толпами Петра, получили уверенность в такой же легкой победе и над другими крестоносными ополчениями.

Летом 1096 года на Западе началось крестоносное движение графов, герцогов и князей, то есть собралось уже настоящее войско.

Ни один из западноевропейских государей не принял участия в походе. Германский государь Генрих IV был всецело занят борьбой с папами за инвеституру. Французский король Филипп I находился под церковным отлучением за свой развод с законной женой и женитьбу на другой женщине. Вильгельм Рыжий Английский, благодаря своему тираническому правлению, находился в непрерывной борьбе с феодалами, церковью и народными массами и с трудом удерживал в руках власть.

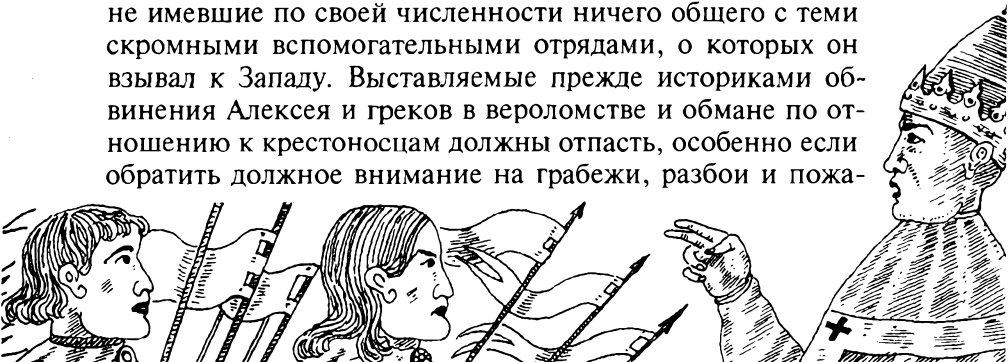
Среди предводителей рыцарских ополчений были следующие наиболее известные лица: Готфрид Бульонский, герцог Нижней Лотарингии, которому позднейшая молва придала настолько церковный характер, что трудно отличить его действительные черты; на самом деле это был не лишенный религиозности, но далеко не идеалистически настроенный феодал, желавший вознаградить себя в походе за потери, понесенные им в своем государстве. С ним отправились два брата, среди которых был Балдуин — будущий король Иерусалимский.

Под предводительством Готфрида выступало лотарингское ополчение. Роберт, герцог Норманнии, сын Вильгельма Завоевателя и брат английского государя Вильгельма Рыжего, принял участие в походе из-за неудовлетворенности незначительной властью в своем герцогстве, которое он за известную сумму перед отправлением в поход заложил английскому королю. Гуго Вермандуа, брат французского короля, исполненный тщеславия, искал известности и новых владений; он пользовался большим уважением среди крестоносцев. Грубый и вспыльчивый Роберт Фриз, сын Роберта Фландрского, также принял участие в походе. За крестоносные подвиги его прозвали Иерусалимским. Последние три лица стали во главе трех ополчений: Гуго Вермандуа во главе среднефранцузского, Роберт Норманнский и Роберт Фриз во главе двух северофранцузских ополчений. Во главе южнофранцузского, или провансальского, ополчения встал Раймунд, граф Тулузский, известный боец с испанскими арабами, талантливый полководец и искренне религиозный человек. Наконец, Боэмунд Тарентский, сын Роберта Гвискара, и его племянник Танкред, ставшие во

главе южноитальянского норманнского ополчения, приняли участие в походе без каких-либо религиозных оснований, а в надежде, при удобном случае, свести свои политические счёты с Византией, по отношению к которой они являлись убежденными и упорными врагами, и, очевидно, Боэмунд нацелил свои желания на овладение Антиохией. Норманны внесли в крестоносное предприятие чисто мирскую, политическую струю, которая шла вразрез с основным положением крестоносного дела. Армия Боэмунда была, возможно, подготовлена лучше всех других крестоносных отрядов. Все крестоносные армии преследовали самостоятельные задачи; не было ни общего плана, ни главнокомандующего. Как видно, главная роль в Первом крестовом походе принадлежала французам.

Одна часть крестоносных ополчений направилась в Константинополь сухим путем, другая часть — морем. По дороге крестоносцы, наподобие предыдущего ополчения Петра Амьенского, грабили проходимые местности и производили всяческие насилия. Современник этого прохождения крестоносцев, Феофилакт, архиепископ Болгарский, в письме к одному епископу, объясняя причину своего долгого молчания, обвиняет в этом крестоносцев; он пишет: «Мои губы сжаты; во-первых, прохождение франков, или нападение, или, я не знаю, как это назвать, настолько всех нас захватило и заняло, что мы даже не чувствуем самих себя. Мы вдоволь испили горькую чашу нападения... Так как мы привыкли к франкским оскорблениям, то переносим легче, чем прежде, несчастья, ибо время есть удобный учитель всему».

К таким защитникам Божьего дела Алексей Комнин должен был питать недоверие. Не нуждаясь вообще в данный момент ни в какой иностранной помощи, император с неудовольствием и опасением взирал на приближавшиеся к его столице с разных сторон крестоносные ополчения, не имевшие по своей численности ничего общего с теми скромными вспомогательными отрядами, о которых он взывал к Западу. Выставляемые прежде историками обвинения Алексея и греков в вероломстве и обмане по отношению к крестоносцам должны отпасть, особенно если обратить должное внимание на грабежи, разбои и пожа-

ры, учиняемые крестоносцами во время похода. Отпадает также жесткая и антиисторическая характеристика Алексея, данная Гиббоном, который писал: «В стиле менее важным, чем стиль истории, я, может быть, сравнил бы императора Алексея с шакалом, который, как говорят, идет по следам льва и пожирает его объедки». Конечно, Алексей не представлял собой человека, смиренно подбиравшего то, что оставляли ему крестоносцы. Алексей Комнин проявил себя государственным человеком, понявшим, какую грозную опасность несут с собой для существования его империи крестоносцы; поэтому главной мыслью его и было переправить как можно скорее беспокойных и опасных пришельцев в Малую Азию, где они должны были делать то дело, за которым и пришли на Восток, то есть вести борьбу с неверными.

Ввиду этого между пришедшими латинянами и греками сразу создалась атмосфера взаимного недоверия и недоброжелательства; в их лице встретились не только схизматики, но и политические противники, которые впоследствии должны будут решить между собой спор оружием. Просвещенный греческий патриот и ученый литератор XIX века Викелас²¹ писал: «Для Запада Крестовый поход является благородным следствием религиозного чувства; это есть начало возрождения и цивилизации, и европейская знать может ныне по праву гордиться тем, что она — внучка крестоносцев. Но восточные христиане, когда они увидели, как эти варварские орды грабят и разоряют византийские провинции, когда они увидели, что те, кто называли себя защитниками веры, убивали священников под тем предлогом, что последние были схизматики, — восточные христиане забыли, что эти экспедиции имели первоначально религиозную цель и христианский характер». По словам того же автора, «появление крестоносцев знаменует собой начало упадка империи и предвещает ее конец». Новейший историк Алексея Комнина, француз Шаландон, считает возможным приложить отчасти ко всем крестоносцам характеристику, данную Гиббоном спутникам Петра Амьенского, а именно: «Разбойники, которые следовали за Петром Пустынником, были дикими зверьми, без разума и человечности».

Первый рассказ о впечатлении, которое произвело на народы Востока начало крестового движения, исходит от арабского историка двенадцатого века Ибн ал-Каланиси: «В этом году (490 год хиджры — от 19 декабря 1096 года до 8 декабря 1097 года) начала приходить целая серия сообщений о том, что армии франков появились со стороны моря в Константинополе с силами, которые невозможно сосчитать из-за их множества. Когда эти сообщения стали следовать одно за другим и передаваться из уст в уста повсеместно, людей охватил страх и растерянность».

После того как крестоносцы постепенно собрались в Константинополе, Алексей Комнин высказал желание, чтобы он был признан главой похода и чтобы крестоносцы принесли ему вассальную присягу и дали обещание передавать ему, как их сюзерену, завоеванные крестоносцами области на Востоке. Крестоносцы исполнили это желание императора: присяга была принесена и обещание дано. К сожалению, текст вассальной клятвы, которую дали лидеры крестового движения, в подлинном виде не сохранился. По всей вероятности, требования Алексея в отношении различных земель были неодинаковы. Он искал прямых приобретений в тех областях Малой Азии, которые незадолго перед тем были утрачены империей после поражения при Манцикерте (1071 год) и которые являлись необходимым условием силы и прочного существования византийского государства и греческой народности. Что же касается Сирии и Палестины, уже давно потерянных Византией, император не выставлял подобных требований, а ограничивался притязаниями верховного ленного господства.

Переправившись в Малую Азию, крестоносцы приступили к военным действиям. В июне 1097 года после осады крестоносцам сдалась Никея, которую они вынуждены были в силу заключенного с императором договора передать византийцам. Следующая победа крестоносцев при Дорилее (теперь Эски-Шехир) заставила турок очистить западную часть Малой Азии и отойти внутрь страны, после чего Византии представлялась полная возможность восстановить свою власть на малоазиатском побережье. Несмотря на природные затруднения, климатические условия и со-

противление мусульман, крестоносцы продвинулись далеко на восток и юго-восток. Балдуин Фландрский завладел в Верхней Месопотамии городом Эдессой и образовал из его области свое княжество, явившееся первым латинским владением на Востоке и оплотом христиан против турецких нападений из Азии. Но пример Балдуина имел свою опасную, отрицательную сторону: другие бароны могли последовать ему и основать свои княжества, что, конечно, должно было послужить к великому ущербу самой цели похода. Это опасение впоследствии оправдалось.

После долгой изнурительной осады главный город Сирии — прекрасно укрепленная Антиохия сдалась крестоносцам, и дорога к Иерусалиму была свободна. Однако из-за Антиохии разыгралась жестокая распря между вождями, закончившаяся тем, что Боэмунд Тарентский, следуя примеру Балдуина, сделался владельческим антиохийским князем. Ни в Эдессе, ни в Антиохии крестоносцы уже не приносили вассальной присяги Алексею Комнину.

Так как с вождями, основывавшими свои княжества, оставалось и большинство их ополчения, то к Иерусалиму подошли лишь жалкие остатки крестоносцев, в числе 20 000—25 000 человек; пришли они изнуренными и совершенно ослабевшими. После ожесточенной осады крестоносцы 15 июля 1099 года штурмом взяли Иерусалим, конечную цель их похода, произвели в нем страшное кровопролитие и разграбили его; многие сокровища были увезены вождями; знаменитая мечеть Омара была разграблена. Завоеванная страна, занимавшая узкую береговую полосу в области Сирии и Палестины, получила название Иерусалимского королевства, королем которого избрали Готфрида Бульонского, согласившегося принять титул «Защитника Гроба Господня». Устроено новое государство было по западному феодальному образцу.

Крестовый поход, вылившийся в образование Иерусалимского королевства и нескольких отдельных латинских княжеств на Востоке, создал сложную политическую обстановку. Византия, довольная ослаблением турок в Малой Азии и возвращением значительной части последней под власть империи, была в то же время встревожена появлени-

ем крестоносных княжеств в Антиохии, Эдессе, Триполи, которые стали представлять собой для Византии нового политического врага. Подозрительность империи постепенно усилилась настолько, что Византия в XII веке, открывая враждебные действия против своих прежних союзников — крестоносцев, не останавливается перед заключением союзов с прежними врагами — турками. В свою очередь, крестоносцы, обосновавшиеся в своих новых владениях, боясь опасного для себя усиления империи, точно так же заключают союзы с турками против Византии. В одном этом уже заключается полное вырождение в XII веке самой идеи крестоносных предприятий.

О полном разрыве Алексея Комнина с крестоносцами говорить нельзя. Император, если и был недоволен особенно образованием латинянами самостоятельных княжеств, не приносивших Алексею вассальной присяги, тем не менее не отказывал крестоносцам в посильной помощи, например при перевозке их с Востока домой, на Запад. Разрыв состоялся между императором и Боэмундом Тарентским, который чрезмерно, с точки зрения Византии, усилился в Антиохии за счет соседей, слабых турецких эмиров, и византийской территории. Антиохия и сделалась главным центром устремлений Алексея, с которым сблизился глава провансальского ополчения Раймунд Тулузский, недовольный своим положением на Востоке и также видевший в Боэмунде своего главного соперника. Судьба Иерусалима для Алексея имела в данный момент интерес второстепенный.

Борьба между императором и Боэмундом была неминуема. Удобный момент для Византии, казалось, настал тогда, когда Боэмунд неожиданно был захвачен в плен турками, а именно эмиром из династии Данишмендов, завоевавших в самом конце XI века Каппадокию и образовавших самостоятельное владение, которое во второй половине XII века, однако, было уничтожено сельджуками. Переговоры Алексея с эмиром о выдаче ему за известную сумму денег Боэмунда не удалась. Выкупленный другими, последний возвратился в Антиохию и на требование императора, ссылавшегося на заключенные с крестоносцами условия передать ему Антиохию, ответил решительным отказом.

В 1104 году мусульмане одержали большую победу над Боэмундом и другими латинскими князьями при Харране, на юг от Эдессы. Это поражение крестоносцев чуть не повлекло за собой разрушения христианских владений в Сирии, но, с другой стороны, окрылило надежды как Алексея, так и мусульман; те и другие с удовольствием взирали на неминуемое ослабление Боэмунда. Действительно, Харранская битва разрушила его планы основать на Востоке сильное норманнское государство; он понял, что у него нет достаточно сил, чтобы снова вступить в борьбу с мусульманами и со своим заклятым врагом, императором византийским. Дальнейшее пребывание на Востоке уже цели для Боэмунда не имело. Для того чтобы сломить византийскую мощь, надо было ей нанести удар в Константинополе с новыми набранными в Европе силами. Ввиду всех этих обстоятельств Боэмунд сел на корабль и направился в Апулию, оставив вместо себя в Антиохии племянника Танкреда. Анна Комнина не без юмора рассказывает о том, как Боэмунд, для большей безопасности во время морского путешествия от нападения греков, притворился мертвым, был положен в гроб и в гробу совершил свой путь до Италии.

Возвращение Боэмунда в Италию было встречено с большим энтузиазмом. Люди собирались в толпы, чтобы посмотреть на него, как говорит средневековый автор, «словно они собирались увидеть самого Христа». Собрав войско, Боэмунд начал враждебные действия против Византии. Сам папа благословил намерения Боэмунда.

Войска Боэмунда были, вероятнее всего, набраны во Франции и Италии, однако, по всей вероятности, в его армии были также англичане, немцы и испанцы. План его заключался в повторении кампании его отца, Роберта Гвискара, в 1081 году — то есть взять Диррахий и затем через Салоники идти на Константинополь. Но поход оказался для Боэмунда неудачным. Он потерпел под Диррахией поражение и вынужден был заключить с Алексеем мир на унижительных для себя условиях. Вот главные пункты договора: Боэмунд объявлял себя ленником Алексея и его сына Иоанна, обязуясь помогать империи против всех ее врагов, бу-

дут ли это христиане или мусульмане; обещал передавать Алексею все завоеванные земли, которые раньше принадлежали Византии; что же касается земель, не принадлежавших Византии и которые в будущем могут быть им отняты у турок или армян, Боэмунд должен был рассматривать их как земли, уступленные ему императором; своего племянника Танкреда он должен был считать за врага, если тот не согласится подчиниться императору; антиохийский патриарх должен был назначаться императором из лиц, принадлежащих к Восточной церкви. Города и области, гарантировавшиеся Боэмунду, перечислены в соглашении. Документ завершается торжественной клятвой Боэмунда на кресте, терновом венце, гвоздях и копье Христа в том, что пункты договора будут им соблюдаться.

Этим крушением всех планов Боэмунда и заканчивается, собственно говоря, его бурная и, пожалуй, роковая для Крестовых походов деятельность. В последние три года жизни он уже никакой роли не играл. Он умер в 1111 году в Апулии.

Смерть Боэмунда затруднила положение Алексея, так как Танкред Антиохийский не соглашался исполнять договора своего дяди и передать Антиохию императору. Для последнего предстояло все начинать снова. Был обсуждаем план похода на Антиохию, не приведенный, однако, в исполнение. Очевидно, у империи не было возможности предпринять эту нелегкую экспедицию. Делу похода под Антиохию даже не помогла смерть Танкреда, умершего вскоре после Боэмунда. Последние годы правления Алексея были заняты преимущественно почти ежегодными и часто успешными для империи войнами с турками в Малой Азии.

Во внешней жизни империи Алексей выполнил трудную задачу. Очень часто Алексея судили с точки зрения его отношения к крестоносцам, упуская из виду совокупность его деятельности, что является совершенно неправильным. В одном из своих писем современник Алексея, архиепископ Болгарский Феофилакт, пользуясь выражением псалма (Пс. 79, 13), сравнивает Болгарскую фему с виноградной лозой, которую «обрывают... все проходящие по пути». Это сравнение, по справедливому замечанию французского ис-

торика Шаландона, можно приложить и к Восточной империи времени Алексея. Все его соседи старались использовать слабость империи, чтобы вырвать у него те или другие области. Норманны, печенег, сельджуки и крестоносцы грозили Византии. Алексей, получивший государство в состоянии слабости и смуты, сумел дать им всем надлежащий отпор и остановил этим на довольно продолжительное время процесс распада Византии. Государственные границы при Алексее, как в Европе, так и в Азии, расширились. Повсюду враги империи должны были отступить, так что с территориальной стороны его правление знаменует собой безусловный прогресс. Обвинения против Алексея, особенно часто высказываемые раньше, за его отношения к крестоносцам должны отпасть, если мы взглянем на Алексея как на государя, отстаивавшего интересы своего государства, которым западные пришельцы, охваченные жадной грабительством и добычи, представляли серьезную опасность. Таким образом, в области внешней политики Алексей, успешно преодолев все трудности, улучшил международное положение государства, расширил его границы и на некоторое время остановил успехи напиравших со всех сторон на империю врагов.

5. Внешняя политика при Иоанне II

Расширение контактов с западными странами

Сын и наследник Алексея, Иоанн II, представлял собой тип императора-воина, проведшего большую часть своего правления среди войск и военных предприятий. Чего-нибудь нового в области внешней политики этот император не ввел; он являлся главным образом продолжателем политики отца, который наметил уже все важные вопросы, европейские и азиатские, наиболее интересовавшие империю. Иоанн задался целью пойти дальше по уготовленному отцом политическому пути; отец остановил нападавших на Византию врагов; сын задумал, как пишет Шаландон, «отнять у сосе-

дей захваченные от греков провинции и мечтал о восстановлении Византийской империи в ее прежнем блеске».

Отчетливо понимая положение вещей, Иоанн мало интересовался европейскими делами. Как мы увидим ниже, он должен был временами вести борьбу и в Европе, но там его войны имели ярко выраженный оборонительный характер. Лишь к концу правления, благодаря грозному усилению норманнов, выразившемуся в соединении Южной Италии с Сицилией и образовании Сицилийского королевства, европейские дела получили для Византии очень большую важность. Главный же интерес внешней политики Иоанна был сосредоточен на Востоке, а именно в Малой Азии. В отношениях Иоанна к Западу, игравших в общем второстепенную роль во внешней политике империи в его время, можно отметить все увеличивавшееся, сравнительно с прошлым, количество западноевропейских государств, с которыми Византии приходилось вступать в те или другие сношения.

Опасность со стороны норманнов заставила Алексея сблизиться с Венецией, обязавшейся помогать Византии флотом, и даровать за это республике св. Марка исключительные по выгоде торговые привилегии. Нахлынувшие в империю, особенно в Константинополь, венецианцы богатели и вскоре составили в столице венецианскую колонию, столь многочисленную и столь разбогатевшую, что она стала иметь преобладающее значение. Мало-помалу венецианцы, забыв, что они были не у себя на родине и не в покоренной стране, стали вести себя настолько вызывающе и гордо по отношению не только к низшим классам населения империи, но и к высокопоставленным и знатным византийцам, что вызвали сильное неудовольствие в стране.

Пока жив был Алексей, отношения между византийцами и венецианцами еще не принимали особенно острых форм. Но с его смертью обстоятельства изменились. Иоанн II, зная, что в норманнской Апулии происходили смуты, и рассчитывая поэтому на то, что норманнская опасность для Византии миновала, решил уничтожить торговый договор отца с Венецией. Рассерженные венецианцы отправили тогда свой флот, который стал нападать на византийские остро-

ва Адриатического и Эгейского морей. Видя невозможность оказать надлежащее сопротивление венецианским кораблям, Иоанн вынужден был еще в первые годы своего правления вступить с Венецией в переговоры, которые и привели к полному восстановлению торгового договора 1082 года. Другие итальянские приморские города, Пиза и Генуя, также пользовались при Иоанне некоторыми торговыми привилегиями, ничего общего, конечно, по размерам не имевшими с привилегиями Венеции.

В первые же годы царствования Иоанна был окончательно решен печенежский вопрос. Разгромленные при помощи половцев при Алексее Комнине печенеги в течение тридцати лет не тревожили византийских пределов. В начале правления Иоанна оправившиеся печенеги, перейдя Дунай, вторглись на византийскую территорию. Однако императорские войска нанесли им тяжкое поражение. В память этой победы Иоанн установил даже особый «печенежский праздник», который, по свидетельству византийского историка Никиты Хониата, совершался еще в конце XII века. Со времени поражения печенегов Иоанном последние уже более не играют никакой роли во внешней истории Византии. Лишь внутри государства взятые в плен и поселенные в пределах империи печенеги составили особый род византийского войска, который принимал участие в военных действиях уже на стороне Византии.

Стремление Венгрии (Угрии) к адриатическому побережью вызвало, как известно, недовольство Алексея Комнина и обострило его отношения с мадьярами. Брак Иоанна с мадьярской принцессой, казалось, должен был улучшить отношения. Но эта связь, по словам русского историка К. Грота²², «не могла уничтожить тех чувств взаимного недоверия и соперничества, которые успели образоваться с течением времени у обоих соседних государств». Помимо опасного для Византии утверждения мадьяр на далматинском побережье империя была недовольна и сближением Угрии с сербами. Последние, вынужденные вместе с болгарами подчиниться Византии в начале XI века, при Василии II Болгаробойце, уже в середине этого столетия,

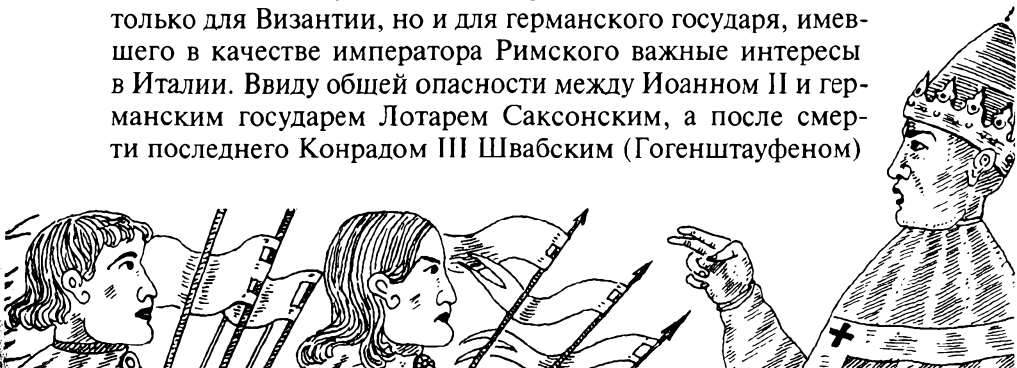

начали поднимать восстания. Конец XI и начало XII века является для Сербии временем первого освобождения из-под византийского владычества. Таким образом, на северо-западе к концу правления Иоанна образовалась новая тревожная для Византии сила в виде сблизившихся Угрии и Сербии.

Военные экспедиции Иоанна против них были весьма успешны, но не имели ясного результата. Анонимный панегирист Иоанна, однако, восхваляет его военные успехи на Балканах в следующих напыщенных словах: «Сколь славны ваши военные походы против европейских народов. Он [Иоанн] разбил далматинцев, внушил ужас скифам и норманнам, всем народам, живущим, в палатках и неорганизованным. Он окрасил Дунай, так же как и многие быстро текущие реки, кровью».

В последние десять лет правления Иоанна совершенно изменились отношения с Южной Италией, где после некоторого периода смуты настала новая эпоха силы и могущества. Рожер II соединил в своих руках Сицилию и Южную Италию и в первый день Рождества 1130 года в торжественной обстановке был венчан в Палермо королевской короной. Благодаря такому соединению земель Рожер II сразу сделался одним из самых могущественных государей Европы. Для Византии это было страшным ударом. Император теоретически еще сохранял притязания на южно-итальянские земли и занятие их норманнами считал лишь временным. Возвращение Италии являлось для императоров XII века излюбленной мечтой. Принятие Рожером королевского титула казалось оскорблением императорскому достоинству; признание же этого титула знаменовало бы отречение византийского базилевса от всяких прав на итальянские провинции.

Но внезапное усиление Рожера было нежелательно не только для Византии, но и для германского государя, имевшего в качестве императора Римского важные интересы в Италии. Ввиду общей опасности между Иоанном II и германским государем Лотарем Саксонским, а после смерти последнего Конрадом III Швабским (Гогенштауфеном)

произошло соглашение, вылившееся несколько позднее в форму настоящего союза двух империй, имевшего главной целью сломить норманнское могущество в Италии. Но этот союз двух империй показал себя главным образом уже при преемнике Иоанна, Мануиле I.

Отношение Иоанна к Востоку

В Малой Азии Иоанн совершал почти ежегодные и большей частью успешные для византийского оружия походы, так что в тридцатых годах XII века смог возратить империи давно утерянные территории. После этого Иоанн считал силы турок настолько надломленными, что решил, не нарушая интересов государства, прервать военные действия против них и предпринять новую, более отдаленную, кампанию на юго-восток против армянской Киликии и крестового Антиохийского княжества.

Киликийская Армения, или Малая Армения, была основана в конце XI века беженцами из собственно Армении, которые покинули свою страну перед продвижением турок. Среди прочих знатных фамилий фамилия Рупенов (Рубенов) начинает играть главную роль в управлении новой страной. Малая Армения, расширившая свои пределы, между прочим, за счет Византии, вступила в союзные отношения с латинскими князьями на Востоке, выказав этим свое враждебное отношение к империи. Иоанн Комнин выступил в поход, желая наказать восставшую Малую Армению и вместе с тем решить вопрос об Антиохийском княжестве, которое, как известно, еще в эпоху первого похода не принесло императору вассальной присяги и позднее не подчинилось ему вопреки договору Алексея Комнина с Бозмундом.

Поход Иоанна увенчался полным успехом. Киликия была покорена, и армянский князь со своими сыновьями отправлен в Константинополь. Увеличенная присоединением Малой Армении византийская территория достигла границ Антиохийского княжества. В борьбе с последним Иоанн также достиг полного успеха. Осажденная Антиохия

должна была просить у него мира, который и был дарован Иоанном на условии признания антиохийским князем сюзеренитета империи. Князь получил из рук императора инвеституру на уступаемые земли, а в знак взятия Антиохии Иоанном на антиохийской цитадели был поднят императорский штандарт. Через год император, вернувшись в Антиохию, совершил в качестве сюзерена торжественный въезд в город, окруженный сыновьями, придворными и многочисленными воинами. Триумфальное шествие двигалось по разукрашенным улицам. Рядом с императором, в качестве как бы его оруженосца, ехал антиохийский князь. Встреченный у городских ворот патриархом во главе с его клиром, Иоанн, среди громадной толпы, при пении гимнов и псалмов, при звуках музыки, проехал сначала в собор, а затем во дворец.

Планы императора шли дальше. Судя по некоторым указаниям источников, он мечтал о восстановлении византийского владычества в долине Евфрата и, кажется, хотел вмешаться в дела Иерусалимского королевства; может быть, в представлении Иоанна подобное вмешательство основывалось на возможности признания иерусалимским королем императорского сюзеренитета, как это было в Антиохии.

Однако этим планам не суждено было сбыться. Во время похода против турок, на охоте в горах Киликии, Иоанн ранил себя в руку отравленной стрелой, вследствие чего и умер в 1143 году вдали от столицы, успев перед смертью назначить наследником младшего сына Мануила. С его смертью латинские владетели на Востоке избавились от грозившей им опасности. Посвятив все свое царствование войне против врагов империи, Иоанн передал в руки наследника государство еще более сильным и обширным, чем то, которое он сам получил от своего энергичного и талантливого отца. Панегирист Иоанна, считая его выше Александра Македонского и Ганнибала, восклицает: «Крепок был кельтский дуб, но ты вырвал его с корнями. Киликийский кедр поднялся, а ты, перед нами, его поднял и обратил в пыль».

6. Внешняя политика Мануила I и Второй крестовый поход

Взаимоотношения с турками

Если Иоанн обращал во внешней политике главное внимание на Восток, то преемник его Мануил, особенно благодаря своим симпатиям к Западу, был вовлечен главным образом в западную политику, что для империи имело печальные последствия. Сельджукская опасность, не находившая в лице Мануила надлежащего отпора, снова стала грозой на восточной границе.

Византийская граница в Малой Азии подвергалась обычным опустошительным набегам мусульман, разорявшим, истреблявшим и изгонявшим христианское население. Мануилу нужно было обеспечить спокойствие в пограничных областях, для чего он построил или восстановил целый ряд укрепленных центров, преимущественно на тех путях, по которым неприятель производил нападения. Нельзя сказать, однако, чтобы военные действия Мануила против турок были удачны. Вступив в первые годы своего правления в союз с мусульманскими эмирами Каппадокии, уже упомянутыми выше Данишмендами, Мануил имел своим врагом в Малой Азии одного иконийского, или румского, султана, с которым и начал войну. Императорские войска успешно дошли до главного города султаната Икония (Конии); но, узнав, вероятно, о полученных султаном подкреплениях, они только разграбили городские предместья и отступили, причем на обратном пути потерпели сильное поражение от сельджуков, чуть не повлекшее за собой настоящей катастрофы для отступавшего войска. Впрочем, известие о Крестовом походе, который являлся угрозой как для императора, так и для султана, заставило обоих врагов искать мира, который и был заключен.

Союз двух империй

Западная политика Мануила в первые годы правления была основана, как и при его предшественнике, на идее союза с Германией, вызванного сознанием общей опасности перед усилением итальянских норманнов. Прервавшиеся за смертью императора Иоанна переговоры с германским государем Конрадом III были возобновлены. Снова возобновились и успешно завершились переговоры, начатые еще при Иоанне, о бракосочетании Мануила с родной сестрой жены германского государя Бертой Зульцбахской. В своем письме к Мануилу Конрад писал, что этот брак должен быть залогом «вечного союза постоянной дружбы», что германский государь обещает быть «другом друзей императора и врагом его врагов» и в случае опасности для империи явиться к ней на помощь не только в виде вспомогательных отрядов, но, если нужно, прийти лично со всеми силами германского государства.

Брачный союз Мануила с Бертой Зульцбахской, переименованной в Византии в Ирину, скрепил союз двух империй. Это дало надежду Мануилу освободиться от опасности, грозившей его государству от Рожера II, который, имея перед собой таких двух противников, как византийский и германский государь, уже не имел прежних шансов на успех в борьбе с Византией.

Но неожиданное событие быстро разрушило мечты Мануила. Второй крестовый поход совершенно, по крайней мере на время, изменил положение вещей: он, как мы увидим ниже, лишил Византию германской поддержки и подверг ее двойной опасности — со стороны крестоносцев и норманнов.

Второй крестовый поход

После первого крестового похода христианские государи на Востоке — император византийский и латинские правители Антиохии, Эдессы и Триполи, отчасти и король иерусалимский — вместо того, чтобы общими силами стараться сломить силу мусульман, занялись распрями между собой,

смотря с недоверием на политическое усиление своего соседа. Особенно губительны были для общего дела враждебные отношения Византии к Антиохии и Эдессе. Подобные обстоятельства дали возможность ослабленным и отодвинутым крестоносцами первого похода мусульманам оправиться и снова угрожать христианским владениям со стороны Месопотамии.

В 1144 году один из мусульманских правителей-атабегов Мосула, как назывались сделавшиеся независимыми сельджукские наместники, Зенги неожиданно овладел Эдессой. Анонимная сирийская хроника дает детальное описание осады и взятия Эдессы Зенги. Последний, как говорит хронист, «покинул Эдессу через четыре дня после ее взятия... Жители Эдессы выкупили своих пленников, и город был вновь заселен. Правитель Зайн-эд-Дин, неплохой по характеру своему человек, отнесся к ним очень хорошо». Однако после смерти Зенги в 1146 году бывший князь Эдессы Жоселин вновь овладел городом. Тогда сын Зенги, Нур ад-Дин, вновь без большого труда захватил Эдессу. На этот раз произошло избиение христиан. Женщин и детей продавали в рабство, и город был почти полностью разрушен. Это стало тяжелым ударом для христианского дела на Востоке, так как Эдесское княжество по своему географическому положению являлось форпостом крестоносцев — его задачей было принимать на себя первую тяжесть мусульманского натиска. Ни Иерусалим, ни Антиохия, ни Триполи помочь эдесскому князю не могли; а между тем после Эдессы и этим латинским владениям, особенно Антиохии, стала серьезнее угрожать мусульманская опасность.

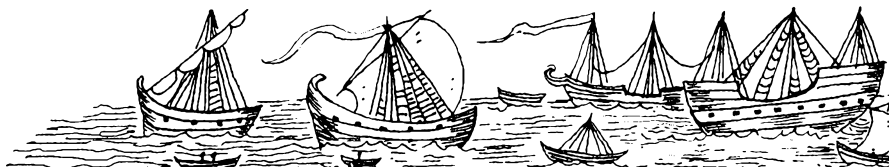
Падение Эдессы произвело сильное впечатление на Западе. Однако папа того времени Евгений III не мог стать инициатором и вдохновителем нового крестового предприятия, так как разыгравшееся в сороковых годах в Риме демократическое движение, в котором принимал деятельное участие знаменитый Арнольд Брешианский²³, создавало для папы в «Вечном городе» ненадежную обстановку и даже заставило Евгения III на время покинуть Рим. Настоящим инициатором похода был, по-видимому, француз-

ский король Людовик VII, а проповедником его, приведшим эту идею в исполнение, знаменитый монах Бернард из Клерво, огненное слово которого сначала подняло Францию. Перейдя затем в Германию, он убедил принять крест германского государя Конрада III и воодушевил к походу немцев.

Надо сказать, что западные народы, наученные горьким опытом первого похода и немало разочарованные в его результатах, уже не выказывали прежнего воодушевления, и на собрании в Везеле (в Бургундии) французские феодалы были настроены против похода. Не без труда Бернард одержал победу над ними благодаря своему пылкому и убедительному красноречию. В представлении Бернарда первоначальный план Людовика VII принял широкие размеры, которые видоизменяли основную идею походов, а именно освобождение святых мест из рук мусульман; Крестовые походы стали выражать идею похода вообще против язычников. Так благодаря Бернарду одновременно с походом на Восток было решено организовать еще две экспедиции: против мусульман, которые в это время владели Лиссабоном, и против полабских славян-язычников.

Историки сурово относятся к замыслу Бернарда привлечь к Крестовому походу Германию. Немецкий ученый, специально занимавшийся вторым походом, Куглер, считает это «в высшей степени несчастной мыслью»; русский ученый Ф. И. Успенский называет это «роковым шагом и большой ошибкой со стороны св. Бернарда» и приписывает участию немцев в походе его печальные результаты. Действительно, вражда между французами и немцами во время похода была одной из его отличительных черт и не могла, конечно, содействовать его успеху.

Весть о Крестовом походе обеспокоила Мануила, который в нем видел опасность для своего государства и для своего влияния на латинских князей на Востоке, особенно в Антиохии, которые, получив поддержку с Запада, могли перестать считаться с византийским императором. Кроме того, участие Германии в походе лишало Византию гарантий, положенных в основу союза двух империй. Германский государь, уезжая из своей страны надолго на Восток,

не мог уже учитывать западных интересов византийского государства, которое оставалось, таким образом, открытым для честолюбивых замыслов Рожера. Зная, сколь опасны были для столицы первые крестоносцы, Мануил приказал исправить ее стены и башни, не рассчитывая, очевидно, на союзные и родственные отношения к Конраду.

По словам В. Г. Васильевского, «Мануил, без сомнения, питал надежду стоять во главе всего христианского ополчения против общих врагов христианства». Это возможно, так как, помимо наибольшей заинтересованности Византии в грядущих судьбах мусульманства на Востоке, для подобной надежды Мануила в эпоху второго похода были и внешние данные: в это время христианский мир имел лишь одного императора, именно Мануила, так как Конрад III Гогенштауфен, не будучи коронован папой в Риме, не носил титула императора.

После переговоров крестоносцы в 1147 году решили двинуться к Константинополю сухим путем, которым шли крестоносцы первого похода. Первым через Венгрию выступил Конрад; месяц спустя этой же дорогой направился Людовик. Движение крестоносцев к Константинополю сопровождалось такими же насилиями и грабежами, как и в первый раз.

Когда германские войска остановились у стен столицы, Мануил все усилия употребил на то, чтобы их переправить в Азию до прихода французского ополчения, что, после крупных препирательств с родственником и союзником Конрадом, императору наконец удалось. В Малой Азии немцы стали сразу страдать от недостатка пропитания, а затем, подвергшись нападению турок, были перебиты; лишь жалкие остатки германской армии возвратились в Никею. Некоторые историки приписывают эту неудачу германского похода интригам Мануила, который будто бы даже вступил в соглашение с мусульманами, побуждая их к нападению на крестоносцев. Некоторые историки, например Зибель, за ним Ф. И. Успенский, даже говорят о заключении Мануилом союза с сельджуками.

Но другие исследователи, и, в частности, Шаландон, склоняются к тому, что подобные обвинения Мануила по-

строены на очень слабых основаниях, не дающих возможности считать императора ответственным за неудачу немцев.

Подступившие к столице вскоре после переправы немцев в Малую Азию французы еще более тревожили Мануила. Людовик VII, с которым незадолго до похода вступил в переговоры Рожер, убеждавший французского короля идти на Восток через его итальянские владения, был особенно подозрителен императору как возможный тайный «неофициальный союзник Сицилии». Подозрения Мануила имели под собой серьезную почву.

Рожер, зная, что Мануил был в это время всецело поглощен Крестовым походом и своими отношениями к крестоносцам, неожиданно захватил остров Корфу и опустошил целый ряд других византийских островов; по свидетельству некоторых западных источников, были захвачены даже Афины. Наконец, отряды норманнов захватили Фивы и Коринф, знаменитые в то время богатством, производством шелка и шелковых тканей. Не довольствуясь захватом большого количества драгоценных материй, как пишет Шаландон, «норманны, среди прочих многочисленных пленных, увезли в Сицилию наиболее искусных шелководов и ткачих». На основании этого факта, однако, нельзя говорить, как мы иногда находим у историков, что отправленные в Палермо шелководы и ткачихи будто создали там шелковое производство. На самом деле шелковое производство и разведение шелковичного червя были известны в Сицилии и раньше. Но прибытие пленных гречанок дало там новый подъем этой отрасли промышленности. Афины также не были пощажены норманнами.

Когда известие об успешном набеге норманнов на Грецию дошло до стоявших перед Константинополем французов, то последние, раздраженные уже слухами о соглашении Мануила с турками, заволновались. Некоторые приближенные Людовика даже советовали ему овладеть Константинополем. В столь опасном положении император только и мечтал о том, чтобы переправить французов следом за немцами в Малую Азию.

Наконец, распространили слух, будто бы немцы успешно действуют в Малой Азии. Тогда Людовик согласился

переправиться через Босфор и даже принес Мануилу ленную присягу. Только очутившись на другом берегу, Людовик узнал правду о горькой судьбе германского войска. Государи свиделись и вместе направились дальше. Как известно, французско-немецкое ополчение, после целого ряда испытаний и бедствий, потерпело позорную неудачу под Дамаском. Разочарованный Конрад на греческом корабле покинул Палестину и направился в Солунь, где находился Мануил, готовившийся к военным действиям против норманнов. Встретившиеся в Солуни Мануил и Конрад, обсудив общее положение вещей, окончательно заключили союз для общих действий против Рожера. После этого Конрад вернулся в Германию.

Оставшийся на востоке Людовик, видя полную невозможность что-либо сделать с находившимися у него средствами, спустя несколько месяцев через Южную Италию, где имел свидание с Рожером, возвратился во Францию.

Столь блестяще начатый второй поход окончился самым жалким образом. Мусульмане на Востоке не только не были ослаблены; наоборот, нанеся несколько поражений крестоносцам, они укрепились духом и надеялись теперь на уничтожение христианских владений на Востоке. Кроме того, раздоры между французскими и немецкими войсками и между палестинскими и европейскими христианами не служили к чести крестоносцев. Мануил был рад окончанию похода, так как это ему развязывало руки в политике, направленной против Рожера, чему способствовало заключение формального союза с Германией. Но тем не менее несправедливо было бы возлагать на императора весь неуспех похода; неудачу предприятия скорее надо отнести к недостаточной организации и общей недисциплинированности крестоносцев. Рожер своим нападением на острова и Грецию также внес немало губительного элемента в общее дело похода. Религиозная основа крестоносных предприятий отступала на второй план, и все яснее давали себя чувствовать мирские, политические мотивы.

Внешняя политика Мануила
после Второго крестового похода

Еще во время Крестового похода Мануил принял серьезные меры для борьбы с Рожером, которому желал отомстить за предательский набег на острова и Грецию и который продолжал занимать Корфу. Венеция, смотревшая, как и прежде, с некоторым опасением на усиление норманнов, охотно согласилась поддержать своим флотом византийское предприятие и получила за эту помощь новые торговые привилегии в империи: в Константинополе венецианцам, помимо переданных им по прежним торговым договорам кварталов и пристаней, были отведены новые места и новая пристань. Пока шли эти переговоры, император деятельно готовился к войне против «западного дракона», «нового Амалека»²⁴, «островного (то есть сицилийского) дракона, думавшего изрыгать пламя своего гнева выше кратеров Этны», как характеризовали Рожера современные ему источники. Планы Мануила не ограничивались вытеснением врага с византийской территории; император рассчитывал перенести затем военные действия в Италию и попытаться восстановить там византийские владения.

Временно отвлеченный от подготовленного предприятия переходом через Дунай и нападением на византийские пределы куманов (половцев), с которыми ему удалось быстро справиться, Мануил, при помощи венецианского флота, овладел Корфу.

Рожер, видя, какая опасность может ему грозить от союза Византии с Германией, обещавшей сухопутное войско, и Венецией, приславшей флот, развил искусную дипломатическую деятельность, которая должна была создать Византии всевозможные затруднения. Благодаря сицилийским интригам против Конрада внутри Германии поднялся герцог Вельф, давний враг Гогенштауфенов, что помешало германскому государю выступить в Италию в союзе с Византией; сербы, поддержанные уграми (венграми), также открыли военные действия против Мануила, что отвлекло внимание последнего на север. Наконец, Людовик VII,

огорченный неудачей Крестового похода, раздраженный против греков и вступивший на обратном пути в дружественное соглашение с Рожером, принялся готовить новый Крестовый поход, который грозил Византии неминуемой опасностью. Инициатором нового крестоносного предприятия являлся аббат Сугерий, управлявший Францией во время отъезда Людовика во второй поход, а знаменитый Бернард Клервоский был даже готов сам стать во главе ополчения. Один французский аббат²⁵ писал сицилийскому королю: «Наши сердца, сердца почти всех наших французов горят стремлением и любовью к миру с вами; к этому побуждает нас низкое, неслыханное и подлое предательство греков и негодного короля (regis) их в отношении к нашим пилигримам... Восстань на помощь народа Божия... отомсти за толикие обиды!»

Кроме того, Рожер сблизился и с папой. Запад вообще относился неодобрительно к союзу «правоверного» германского государя со «схизматическим» византийским императором. В Италии находили, что Конрад заражен греческим непослушанием, и папская курия делала попытки повлиять на его возвращение на путь истины и усердного служения католической церкви. Папа Евгений III, аббат Сугерий и Бернард Клервоский прилагали старания, чтобы разорвать союз двух империй. Таким образом, в середине XII века, по словам В. Г. Васильевского, «против Мануила и Византии готовилась образоваться сильная коалиция, во главе которой стоял король Рожер, к которой уже принадлежала Венгрия с Сербией, к которой готовилась присоединиться Франция, а также и папа, к которой старались привлечь Германию и ее короля. Если бы удалось последнее, то Константинополю уже теперь грозил бы 1204 год».

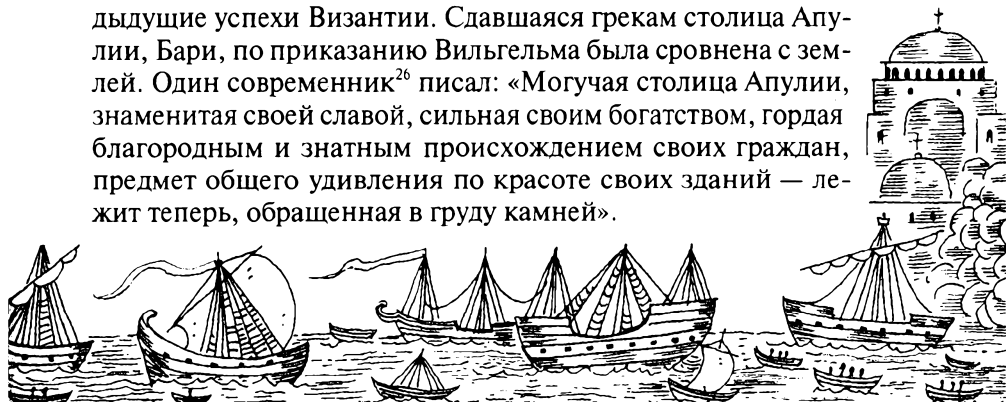
Однако проект французского похода не был приведен в исполнение из-за холодного отношения к этой идее французского рыцарства и последовавший вскоре смерти Сугерия. Конрад же оставался верным союзу с Восточной империей.

Но в тот момент, когда Мануил мог ожидать особенной пользы от этого союза, Конрад III умер (1152). Это произошло в то самое время, когда был решен поход в Италию,

и вызвало в Германии толки о неестественной смерти — будто бы короля отравили придворные доктора, которых тогда поставляла Италия, где была находившаяся во владениях Рожера знаменитая медицинская школа в Салерно. Наследник Конрада, Фридрих I Барбаросса, вступивший на престол с идеей о дарованной ему Богом неограниченной императорской власти, не мог примириться с мыслью о том, чтобы делить ее в Италии с восточным императором. В трактате, заключенном вскоре после вступления Фридриха на престол между ним и папой, германский государь, величая Мануила гех, а не *imperator*, как обращался к последнему Конрад, обязывался изгнать восточного императора из Италии и не дать ему возможности там обосноваться. Однако вскоре, в силу каких-то невыясненных причин, Фридрих изменил свои планы и, по-видимому, решил возвратиться к идее византийского союза.

В 1154 году страшный враг Византии Рожер II умер. Новый сицилийский король Вильгельм I поставил своей целью расторгнуть союз двух империй и союз Византии с Венецией. Республика св. Марка, зная о планах Мануила утвердиться в Италии, не могла им сочувствовать; для нее это было бы то же самое, если бы на другом берегу Адриатики утвердились норманны, то есть оба берега находились бы в одних руках, что закрыло бы венецианским судам свободное пользование Адриатическим морем. В таких обстоятельствах Венеция порвала союзные отношения с Византией и заключила союз с Вильгельмом I, получив при этом крупные торговые выгоды в Сицилийском королевстве.

После некоторых удач византийского оружия в Южной Италии, выразившихся во взятии Бари и других городов, Вильгельм нанес войскам Мануила суровое поражение у Брундузия (Бриндизи), которое сразу уничтожило все предыдущие успехи Византии. Славшаяся грекам столица Апулии, Бари, по приказанию Вильгельма была сровнена с землей. Один современник²⁶ писал: «Могучая столица Апулии, знаменитая своей славой, сильная своим богатством, гордая благородным и знатным происхождением своих граждан, предмет общего удивления по красоте своих зданий — лежит теперь, обращенная в груду камней».

Неудачная кампания Мануила в Италии окончательно порвала и без того уже ослабнувшие узы византийского союза. Современный Фридриху Оттон Фрейзингенский²⁷ писал: «Хотя (Фридрих) ненавидел Вильгельма, однако он не желал, чтобы посторонние люди отнимали границы его империи, несправедливо захваченные неистовой тиранией Рожера». Всякая надежда на примирение с Барбароссой у Мануила исчезла, а вместе с этим исчезли и надежды на итальянские завоевания. В 1158 году между Мануилом и Вильгельмом Сицилийским был заключен мир, условия которого точно не известны, означавший для Византии отречение от долго лелеемых ею блестящих планов и вместе с тем, как пишет Васильевский, «разрыв дружбы и союза между двумя империями, завязанных еще при Лотаре Саксонском и Калоюанне и еще более скрепленных личными отношениями Конрада и Мануила... С этих пор византийские вооруженные силы уже не видали более Италии».

Благодаря создавшимся новым условиям задачи византийской политики изменились. Она теперь противодействовала стремлениям Гогенштауфенов присоединить Италию, которая, с точки зрения Фридриха Барбароссы, должна была признавать его власть. Византийская дипломатия стала деятельно работать в новом направлении. Мануил, желая порвать отношения между Фридрихом и папой, искал у папского престола поддержки в своей борьбе с Фридрихом и соблазнял папу перспективой возможной церковной унии Восточной церкви с Западной. Вызвав борьбу между папой и германским государем, Мануил надеялся «восстановить Восточную империю во всей полноте ее прав и уничтожить аномалию, которая представлялась его взору в виде Западной империи» (Шаландон). Однако эти переговоры не удались, так как папы вовсе не желали попасть в зависимость от одного императора к другому; наоборот, упоенные теократическими идеалами папы XII века сами хотели достичь верховенства над императором византийским.

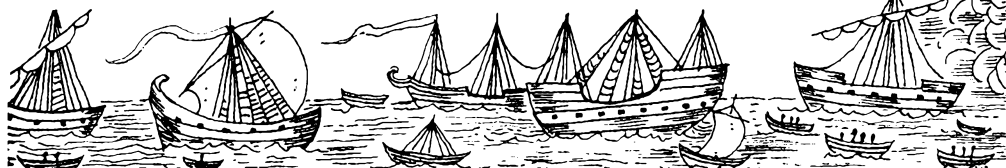
Когда началась борьба между Фридрихом Барбароссой и североитальянскими городами, Мануил деятельно помогал последним деньгами. Разрушенные Фридрихом стены Милана были восстановлены при помощи византийского

императора. Особенно деятельны были его сношения с Генуей, Пизой и Венецией, которая под угрозой немецкой опасности снова обратилась к Византии. Но Мануил, может быть желая из-за недостатка средств воспользоваться громадными богатствами венецианских купцов на территории его государства, неожиданно велел арестовать всех находившихся в Византии венецианцев и конфисковать их имущество. Возмущенная Венеция отправила против Византии флот, который, однако, из-за эпидемии вернулся назад. По всей вероятности, при жизни Мануила добрые отношения между Венецией и Византией восстановлены не были.

Желая ответить на византийскую политику в Италии тем же, Фридрих Барбаросса вступил в сношения с самым опасным врагом Византии на востоке — иконийским султаном Кылыч-Арсланом; он убеждал последнего напасть на греческую империю в надежде, что малоазиатские затруднения отвлекут Мануила от европейских дел.

Ситуация в Малой Азии становилась все более угрожающей. В Киликии, которая была завоевана Иоанном Комнином, вспыхнуло восстание под предводительством Тороса. Две армии Мануила, посланные против Тороса, потерпели поражение. Ситуация стала еще более тревожной, когда Торос вошел в союз со своим бывшим врагом, князем антиохийским Рено Шатийонским. Они выступили против греков вдвоем. В то же самое время Рено осуществил успешный морской набег на Кипр. Мануил прибыл в Киликию лично. Его прибытие оказалось столь неожиданным, что Торос едва не попал в плен и бежал. В 1158 году Мануил снова стал хозяином положения в Киликии. Торос подчинился императору и был им прощен. Теперь настала очередь Антиохии.

Рено Шатийонский, понимая, что он не в состоянии противостать византийским войскам, решил добиться прощения Мануила. Император был в Мопсуестии (Мамистра крестоносцев) в Киликии, где и разыгралась унижительная сцена. С голыми ногами, Рено пал ниц перед императором и протянул ему рукоять своего меча, отдавая себя в его распоряжение. В то же время, как пишет Гийом Тирский²⁸, «он кричал о прощении, и кричал так долго, что все почувство-

вали тошноту от этого и многие французы стали его презирать и осуждать». Здесь же присутствовали послы от большинства восточных народов, включая отдаленных абасгов (абхазов) и иберов, и все находились под сильным впечатлением. «Эта сцена сделала латинян презираемыми во всей Азии». Рено признал себя вассалом империи, так что позже (в 1178—1179 годах) некто Роберт был послан ко двору Генриха II, короля Англии, послом от двух стран — Византии и Антиохии.

Король иерусалимский Балдуин III лично прибыл в Мопсуестию, где в лагере Мануила был с почестями принят императором. Впрочем, почести не оградили Балдуина от необходимости заключить с Мануилом договор, который включал обязательство оказывать императору военную помощь. Евстафий Солунский в своей речи, посвященной Мануилу, упоминает короля, который «прибежал к нам из Иерусалима, изумленный славой и деяниями императора и признавая издавека его величие».

В апреле 1159 года Мануил торжественно вступил в Антиохию. Эскортом за ним шли пешком и без оружия Рено Шатийонский и другие латинские князья. Король иерусалимский ехал на лошади, но тоже без оружия. Император следовал по улицам, украшенным коврами, драпировками и цветами, под звуки труб и барабанов и пение гимнов к собору, ведомый патриархом Антиохийским. Восемь дней императорские штандарты реяли над городскими стенами.

Подчинение Рено Шатийонского и вход Мануила в Антиохию в 1159 году знаменовали триумф византийской политики по отношению к латинянам. Это был результат более чем шестидесяти лет усилий и борьбы. Несмотря на многие трудности и войны, византийские императоры «никогда не упускали из вида проблему антиохийского княжества, проблему, поставленную во время Первого крестового похода и с того времени так и не решенную» (Шаландон).

В церкви Рождества в Вифлееме сохранилась надпись, датированная 1169 годом, текст которой гласит: «Эта работа была завершена художником и мозаистом Эфраимом в царствование императора Мануила Багрянородного Комнина и в дни Великого короля иерусалимского Амори, и в дни

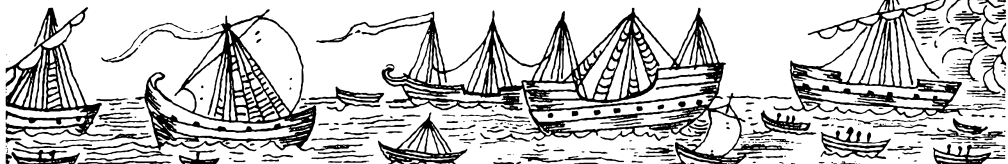

святейшего епископа святого Вифлеема в год 6677, индикта второго». Связь имени Мануила с именем Амори I может указывать, что своего рода сюзеренитет греческого императора был установлен и над иерусалимским королем.

Что касается взаимоотношений Мануила с мусульманскими предводителями, то он и Кылыч-Арслан несколько лет имели дружеские отношения, и в 1161—1162 годах султан даже приезжал в Константинополь, где ему был устроен торжественный прием. Этот прием детально описан в греческих и восточных источниках. Султан провел в Константинополе восемь дней. Все сокровища и богатства столицы были нарочито показаны знаменитому гостю. Слепленный блеском дворцового приема, Кылыч-Арслан даже не рискнул сесть рядом с императором. Турниры, скачки и даже морской праздник с демонстрацией знаменитого «греческого огня» были организованы в честь султана. Дважды в день еда приносилась ему на золотой и серебряной посуде, которая не уносилась, а оставлялась в распоряжении гостя. Однажды, когда император и султан обедали вместе, вся посуда и украшения стола были предложены Кылыч-Арслану в качестве подарка.

Однако политические результаты визита Кылыч-Арслана в столицу были невелики. Был заключен договор о дружбе, но действовал он недолго. Несколькими годами позже султан глумливо заявил, что чем больший вред причиняет он империи, тем более ценные подарки получает он от императора.

В таких обстоятельствах мир на восточной границе долго длиться не мог. Под воздействием различных местных причин, а может быть, не без влияния Фридриха в 1176 году вспыхнули военные действия. Мануил сам встал во главе войска. Целью похода была столица султаната — Иконий (Кония). Византийские войска углубились в горные ущелья Фригии вблизи крепости Мириокефалон и здесь 17 сентября 1176 года подверглись неожиданному нападению турок сразу с нескольких сторон. Поражение византийцев было полным; император с трудом избежал плена и спас свою жизнь. Византийский историк Никита Хониат писал: «Зрелище было поистине достойно слез, или, вернее сказать, зло

было так велико, что его невозможно было оплакать: рвы, доверху наполненные трупами, в оврагах целые холмы убитых, в кустах горы мертвецов... Никто без слез и стонов не проходил мимо, но все рыдали и по именам называли погибших друзей и родственников».

Несмотря на прискорбный результат сражения при Мириокефалоне, анонимный панегирист Мануила ставит само бегство Мануила от турок в разряд его блистательных деяний, говоря: «Столкнувшись с массой захватчиков-исмаилитов, он обратился в бегство один, не опасаясь такого количества мечей, стрел и копий».

Гийом Тирский, проводший некоторое время в Константинополе в 1179 году, так описывает состояние Мануила после поражения при Мириокефалоне: «С этого дня поражение так крепко запечатлелось в его памяти, что, хотя обычно настроение его было веселым, он никогда больше не показывал, несмотря на все усилия придворных, ни малейшей радости и до своей смерти не обрел своей физической силы, ранее такой большой. Он был настолько раздавлен постоянной пыткой, которую ему создавала мысль об этом поражении, что он не мог ни успокоить свой ум, ни обрести обычное спокойствие духа».

Следует заметить, однако, что в силу каких-то совершенно загадочных причин Кылыч-Арслан не использовал своей победы и начал переговоры с императором, которые и привели к заключению мира, который вполне устраивал Византию.

В длинном письме, адресованном своему западному другу, королю Англии Генриху II Плантагенету, Мануил сообщает об этом поражении, стараясь, впрочем, немного смягчить ситуацию. Это письмо интересно, во-первых, детальным описанием сражения, и, во-вторых, там можно прочесть интересную информацию о роли в сражении англичан, которые с 1066 года были на византийской службе, в частности состояли в императорской гвардии.

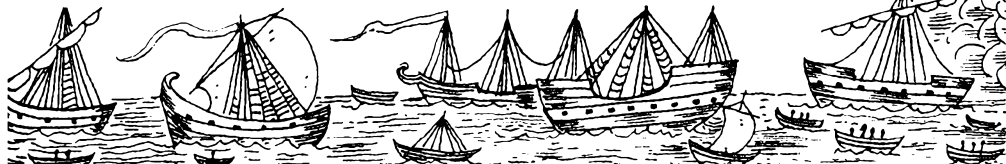
В свое время сражение при Манцикерте в 1071 году нанесло владычеству Византии в Малой Азии смертельный удар. Но современники этого не понимали и все еще надеялись поправить дела и избавиться от сельджукской опасно-

сти. Поражение при Мириокефалоне в 1176 году разрушило эти надежды Византии. О какой-либо серьезной наступательной политике империи на Востоке после этого не могло быть и речи. Теперь она с трудом могла охранять границу и отражать сельджуков, не перестававших проникать на византийскую территорию. Сражение при Мириокефалоне, по словам историка Куглера, «решило навсегда судьбу всего Востока».

Почти одновременно с поражением при Мириокефалоне Мануил получил ответ на свое письмо к Фридриху Барбароссе (в этом письме он говорил о плачевном положении сельджукского султана — при том, что Фридрих знал правду о сокрушительном поражении Мануила, — и упрекал германского государя по поводу его сношений с иконийским султаном). Фридрих писал, что германские императоры, получившие власть от славных императоров римских, должны управлять не только Римской империей, но и «греческим королевством» (*ut non solum Romanum imperium nostro disponatur moderamine, verum etiam regnum grecie ad nutum nostrum regi et sub nostro gubernari debeat imperio*); поэтому он приглашает Мануила признать сюзеренитет западного императора и подчиниться авторитету папы; закончил свое письмо Фридрих заявлением, что в будущем будет сообразовывать свое поведение с поведением Мануила, напрасно сеющего смуту среди вассалов Западной империи.

Итак, в представлении властного Гогенштауфена Византийская империя должна подчиниться ему как западному императору. Как видно, идея о единой империи не перестала жить и в XII веке; сначала о ней вспоминает Мануил, а потом, когда обстоятельства изменились не в его пользу, о единой империи мечтает Фридрих.

Сражение при Леньяно (1176 год), закончившееся полным поражением Фридриха в Северной Италии и повлекшее за собой торжество североитальянских городов и поддерживавшего их папства, должно было, казалось, несколько поправить дела Мануила в Италии. Но в следующем году Венецианский конгресс, в котором участвовали Фридрих, папа и представители итальянских городов, примирил германского государя с папой. Другими слова-

ми, этим был положен конец той вражде, которая существовала между Германией, ломбардскими городами и папской курией и на которой Мануил строил свои дипломатические расчеты.

По словам Ф. И. Успенского, «Венецианский конгресс был таким же ударом для Византийской империи, как и поражение, нанесенное ей иконийским султаном при Мириокефалоне. Сблизив в одно и то же время враждебные Византии элементы на Западе, он был предвестником коалиции, завоевавшей в 1204 году Константинополь и образовавшей на Востоке латинские государства». Для Венеции конгресс 1177 года имел чрезвычайное значение; в город прибыло более десяти тысяч иностранцев — блестящее европейское общество во главе с западным императором и папой, — и все удивлялись красоте, богатству и мощи этого города.

Незадолго до смерти Мануилу удалось добиться дипломатического успеха — женить своего сына и наследника Алексея на восьмилетней дочери французского короля Людовика VII — Агнессе, получившей в Византии имя Анны. Обострение отношений, возникшее между Византией и Францией после Второго крестового похода, благодаря этому браку должно было, по-видимому, сгладиться. Евстафий Солунский (Фессалоникийский) составил хвалебную речь по поводу прибытия в Мегалополис, то есть в Константинополь, императорской невесты из Франции.

Кроме того, письмо, посланное Мануилом английскому королю Генриху II после поражения при Мириокефалоне, способствовало установлению дружественных отношений между двумя государями; есть свидетельства о появлении византийских посланников в Вестминстере в последние годы правления Мануила. Принимал их, по поручению Генриха II, дипломат Джеффри де Хей. Тот же Джеффри был в свою очередь послан в Константинополь. Генрих II, как кажется, был хорошо информирован об увлечениях Мануила, среди которых не на последнем месте была охота, — в подарок византийскому императору на корабле, отплывшем из Бремена, была отправлена свора собак.

Но это были частные успехи. Политика Мануила не походила на осторожную и продуманную политику его деда и от-

ца. Будучи охвачен несбыточной мечтой восстановить единство империи, направляя усилия на борьбу и в то же время на установление отношений с Западом и тяготея всем существом своим к западному укладу жизни, он оставил без надлежащего внимания Восток, не сумел помешать дальнейшему развитию Иконийского султаната и увидел крушение всех надежд империи после разгрома при Мириокефалоне.

Предпочтение, отдаваемое Мануилом Западу, чуждому Византии и в те времена еще не могшему равняться с культурой византийской, принесло пагубные плоды для государства. Принимая с распростертыми объятиями иностранцев и раздавая им наиболее ответственные и выгодные места, Мануил возбудил сильное негодование среди своих подданных, что закладывало повод для кровавых столкновений при первом удобном случае.

Новейший историк времени Мануила так оценивает его политику: «Мануилу выпало на долю счастье умереть довольно рано, чтобы не видеть печальных последствий своей политики, последствий, которые уже замечали прозорливые умы некоторых его современников. Тяжело было получить наследство императора, и никто из его преемников не сможет восстановить дел империи. В последующие годы падение пойдет весьма быстро вперед: справедливо сказать, что оно началось со времени царствования Мануила».

Может быть, правильнее будет сказать, что падение империи началось гораздо раньше, еще в эпоху Македонской династии, после смерти Василия II Болгаробойцы, то есть с 1025 года. Первые два Комнина, Алексей и Иоанн, сумели задержать этот процесс, но не смогли его остановить. Ошибочная политика Мануила повела империю по пути в пропасть, и на этот раз окончательно. С Мануилом, по словам Герцберга²⁹, «навек погрузился в могилу древний блеск и древнее величие Византии». С этим мнением историка XIX века можно сопоставить слова известного писателя конца XII века, Евстафия Фессалоникийского, современника Комнинов и Ангелов, который писал: «По Божьему определению, со смертью басилевса Мануила Комнина погибло все, что еще оставалось целым у ромеев, и всю нашу землю окутал мрак, как бы при затмении солнца».

7. Последние два Комнина. Алексей II и Андроник I

«Пятилетний период, обнимающий царствование двух последних Комнинов, Алексея и Андроника, — пишет Ф. И. Успенский, — любопытен именно как период реакции и государственных реформ, которые имели вполне народную основу и вызывались совершенно справедливо понятыми недостатками прежней системы управления». Как было уже сказано выше, после смерти Мануила на престоле оказался его двенадцатилетний сын Алексей II (1180—1183); правительницей была объявлена его мать Мария Антиохийская; всеми делами государства распоряжался любимец последний протосеваст Алексей Комнин, племянник Мануила. Ожесточенная борьба придворных партий и продолжавшееся латинское засилье привели к тому, что в столицу был призван знаменитый Андроник, давно уже исполненный честолюбивых замыслов овладеть императорским престолом и выступивший теперь в роли защитника слабого, окруженного злыми советниками императора Алексея II и греческих национальных интересов. Незадолго до его вступления в столицу там в 1182 году разыгралась резня латинян. Интересно отметить, что венецианские источники совершенно умалчивают об этом событии, хотя и венецианские купцы пострадали немало.

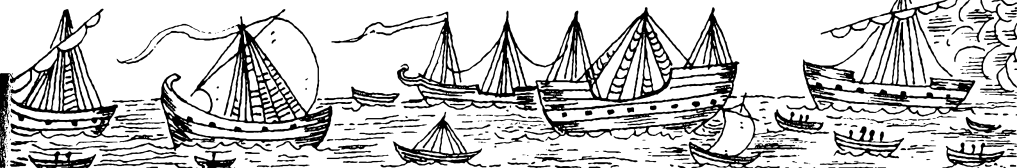
В том же 1182 году Андроник вступил в Константинополь и, вопреки торжественным обещаниям, стал стремиться к единодержавию. По его приказанию правительница Мария Антиохийская и немного времени спустя несчастный император Алексей II были задушены. Правитель Алексей Комнин был схвачен и ослеплен. В 1183 году шестидесятирехлетний Андроник сделался полновластным государем империи. Для укрепления своего положения он женился на вдове Алексея II — Агнесе (Анне) Французской, которой в момент смерти своего фиктивного (несчастному Алексею было около четырнадцати лет) супруга было лишь двенадцать лет. Разница в возрасте не остановила Андроника.

Тот восторг, с которым встретило население Андроника, объясняется ожиданиями народа. У нового императора было две главных задачи во внутренней жизни империи: во-первых, установить национальное правительство и освободить Византию от латинского засилья; во-вторых, ослабить служилую аристократию и крупное поместное дворянство, так как преобладание крупных землевладельцев влекло за собой разорение и гибель крестьянского сословия. Подобная программа, сколь она ни была трудна для выполнения, конечно, должна была встретить полное сочувствие народа.

Архиепископ Афинский Михаил Акоминат (Хониат), один из наиболее ценных источников по внутреннему положению в империи в XII веке, писал в восторженных тонах: «И прежде всего я хочу напомнить, как в смутное и мучительное время империя ромеев возвала к своему бывшему любимцу, великому Андронику, чтобы сбросить угнетающую латинскую тиранию, которая, как сорная трава, привилась на молодом побеге царства. И он привел с собой небольшое количество пеших и всадников; однако, вооруженный только справедливостью, он легко шел к любимому городу. Первое, что он дал столице в ответ на ее чистую любовь, было освобождение от тиранической латинской наглости и освобождение империи от варварских примесей».

«Этот последний представитель династии Комнинов, — писал Ф. И. Успенский, — был, или по меньшей мере казался, народным царем, царем крестьян. Народ пел песни о нем и слагал поэтические сказания, следы которых сохранились в летописях и пометках на полях неопубликованных рукописей “Истории” Никиты Хониата». Среди прочих вещей Никита писал о том, что Андроник велел воздвигнуть себе статую около северного входа в церковь Сорока Мучеников. Император был там представлен не в имперских одеждах, не с золотыми украшениями, подобающими правителю, а в качестве утомленного трудом работника, с косой и в весьма скромных одеждах.

Андроник усердно принялся за реформы. Жалованье многих чиновных лиц империи было повышено, чтобы сделать их менее доступными подкупу; судьями назнача-

лись честные и неподкупные люди; податные тяготы были облегчены, и корыстные сборщики податей подвергались суровым наказаниям. Против крупных землевладельцев принимались строгие меры, и многие представители византийской аристократии были подвергнуты казни. Михаил Хониат писал: «Мы уже давно знали, что ты мягок к бедному, ужасен по отношению к алчному, что ты защитник слабого и враг насильника, что ты не склоняешь весы Фемиды ни влево, ни вправо, что у тебя руки чисты от любой коррупции».

Новейшему историку Ф. Коньяссо³⁰ данной эпохи борьба Андроника с аристократией напоминает борьбу Ивана IV Грозного с боярством. «Как Андроник, — пишет этот историк, — намеревался разрушить преобладание византийской аристократии, так Иван — могущество бояр, и оба, но русский царь в большей степени, прибегли, по необходимости, к насильственным средствам. Однако было плохо то, что, ослабляя аристократию, они оба ослабили государство: Иван IV оказался безоружным перед поляками Стефана Батория, как Андроник перед норманнами Вильгельма II. Иван, государь молодого и крепкого народа, смог быстрыми мерами спасти свое дело и Россию; Андроник пал раньше, чем империя преобразовалась и укрепилась. Старый организм не мог более быть поддержан, а новое органическое тело, о котором мечтал Андроник, было слишком быстро доверено неопытным рукам».

Но конечно, произвести коренную реформу социального строя, явившегося результатом длительного исторического процесса, было не под силу Андронику. Представители гонимой землевладельческой аристократии ждали только удобного момента, чтобы избавиться от ненавистного государя и заменить последнего лицом, придерживающимся социальных воззрений первых трех Комнинов. Чувствуя повсюду измену и заговоры, Андроник вступил на путь террора, который, разя без разбора правого и виноватого, и не только уже в среде высших классов, создал вокруг государя обстановку раздражения и ненависти. Народ, так недавно еще торжественными криками встречавший своего избранника, отвернулся от него как от человека, который не дал

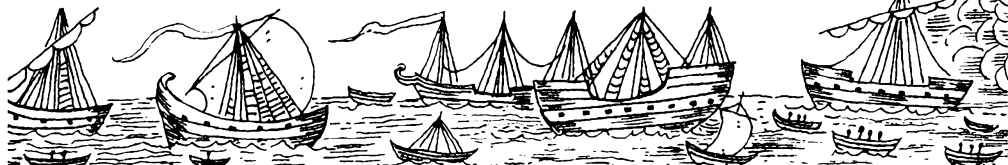
того, что обещал, и уже искал нового претендента на престол. Никита Хониат дал впечатляющее описание изменчивости настроения константинопольской толпы в это время: «В любом городе толпа лишена разума и подчиняется своим неорганизованным движениям. Толпа же в Константинополе особенно шумна, яростна и изворотливого поведения, ввиду того, что состоит из разных народов... Безразличие по отношению к императорам является их прирожденным недостатком. Того, кого они сегодня поднимают на трон, на следующий год они третируют как преступника».

Угрожающее внутреннее положение осложнилось еще более неудачами внешней политики. Андроник пришел к выводу, что политическая изоляция империи невыгодна с точки зрения ее основных жизненных интересов. Для спасения ситуации он должен был возобновить отношения с западными державами, к которым он испытывал столь явное отвращение.

И в самом деле, отношение Запада к Византии было исключительно угрожающим. После смерти Мануила в Западной Европе было у Византии два врага: Германия и Сицилийское королевство. Союз двух империй, бывший основой западноевропейской политики в течение некоторого времени правления Мануила, прекратился, а помощь, оказанная Византией ломбардским городам в их борьбе против Фридриха Барбароссы, сделала последнего врагом Восточной империи, который пошел по пути все более тесного сближения с Сицилийским королевством.

Латиняне, бежавшие в 1182 году из Константинополя от учиненного там погрома, явились на Запад в свои государства и, рассказав об ужасах пережитого испытания, просили отомстить за оскорбление и убытки. Особенно были раздражены торговые итальянские республики, понесшие крупные финансовые потери. Представители некоторых знатных византийских фамилий, преследуемые Андроником, также убежали в Италию и побуждали итальянские правительства к открытию военных действий против Византии.

Между тем западная опасность для Восточной империи продолжала расти. Фридрих Барбаросса устроил брак своего сына и наследника Генриха с наследницей Сицилийско-

го королевства Констанцией; о помолвке объявили в Германии за год до смерти Андроника. Это было очень важным событием, так как после смерти Фридриха его наследник присоединял к владениям германского государя Неаполь и Сицилию. Этим самым для Византии из двух отдельных врагов создавался единый страшный враг, политические интересы которого уже никак не могли примириться с интересами Восточной империи. Весьма вероятно даже, что брачный союз с норманнским королевским домом имел целью создать для западного императора в сицилийском государстве опорный пункт для его замыслов против Византии, чтобы при помощи норманнов легче было завоевать «королевство» греков. По крайней мере, один западный средневековый историк³¹ пишет: «Император, враждебный королевству греков, старается соединить дочь Рожера, короля Сицилии, со своим сыном».

Современный Андронику сицилийский король Вильгельм II, пользуясь внутренними замешательствами в Византии, подготовил против нее обширную экспедицию, целью которой было, конечно не только отомстить за погром 1182 года или помочь какому-то подозрительному претенденту на византийский трон, а завладение греческим престолом.

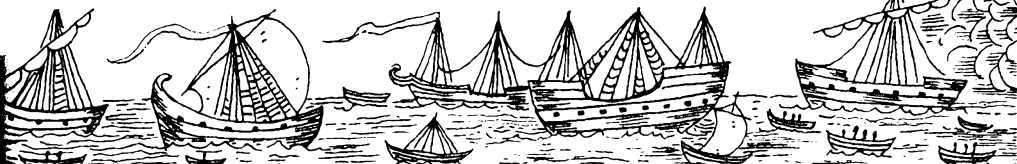
Андроник же в это время решил начать переговоры как с Западом, так и с Востоком. До начала 1185 года он сумел заключить договор с Венецией, согласившись отпустить венецианцев, находившихся в заточении после избиения 1182 года, и даже обещал платить каждый год известную сумму в возмещение причиненных убытков. Он начал на деле соблюдать этот договор, и первая сумма была уплачена в 1185 году. Он также постарался сблизиться с папой, явно надеясь на его помощь в обмен на известные гарантии католической церкви. В конце 1182 года папа Луций III послал легата в Константинополь. Одна западная хроника приводит весьма интересный материал, согласно которому в 1185 году Андроник против воли патриарха построил в Константинополе церковь, которую он снабдил богатым доходом. Там латинские католические священники совершали культ по своему обряду.

Наконец, незадолго до смерти, Андроник заключил формальный союз с султаном Египта Саладином. По словам западного хрониста, «движимый болью и огорчением [Андроник] должен был прибегнуть к совету и поддержке Саладина». Условия этого союза, скрепленного клятвой, звучат следующим образом. Если Саладин сможет с помощью советов и при помощи императора захватить Иерусалим, то он будет владеть им под сюзеренитетом Андроника. За эту уступку Саладин получит любую другую область, которую Андроник и Саладин смогут завоевать вместе. Император же будет владеть всеми завоеванными у иконийского султана территориями до Антиохии и Малой Армении, если новые союзники смогут их завоевать. Однако вследствие смерти Андроника эти планы не были реализованы. Впрочем, ни соглашение с Венецией, ни уступки папе, ни союз с Саладином не помогли Андронику сохранить власть.

Сначала в восточной части Средиземноморья отделился от империи и провозгласил независимость Кипр под своим правлением направленный туда наместником Исаак Комнин. Не имея хорошего флота, Андроник не смог подавить восстание. Кипр был потерян. Это стало серьезным ударом по империи, так как остров был важным стратегическим и торговым пунктом, приносившим казне большие доходы, особенно благодаря торговле с латинскими государствами на Востоке.

Однако основной и решительный удар был нанесен Андронику с запада, когда против империи подняла паруса хорошо организованная экспедиция Вильгельма II Сицилийского. Военные действия открылись, как часто бывало, у Дураццо, быстро перешедшего в руки норманнов, которые затем по Егнатиевой военной дороге направились к Фессалонике (Солуни). Туда же прибыл и сильный норманнский флот. Венеция в этой войне, по-видимому, придерживалась строгого нейтралитета.

Началась десятидневная осада Фессалоники с моря и суши. Велеречивый, но тем не менее драгоценный рассказ об этой осаде написан современником и очевидцем ее, фессалоникийским архиепископом Евстафием, из которого черпал свои сведения о норманно-византийской войне другой

историк — Никита Хониат. В августе 1185 года Фессалоника была взята норманнами, которые произвели во втором после Константинополя городе империи страшный разгром. Это было мстью латинян за константинопольскую резню 1182 года. По поводу этого события мы находим у Никиты Хониата следующие знаменательные слова: «Таким образом, между нами и ими утвердилась величайшая пропасть вражды; мы не можем соединиться душами и совершенно расходимся друг с другом, хотя и поддерживаем внешние отношения и часто живем в одном и том же доме».

После нескольких дней грабежа и убийств норманнское войско двинулось далее на восток, по направлению к Константинополю.

При известии о взятии Фессалоники и о приближении норманнских войск к столице население Константинополя подняло восстание, обвиняя Андроника в нерешительности и слабости. Андроник был низложен и умер мучительной смертью. С неожиданной быстротой был провозглашен императором Исаак Ангел. Переворотом 1185 года заканчивается эпоха византийских Комнинов. С Исаака Ангела начинается новая династия Ангелов.

8. Характеристика императоров из дома Ангелов

Династия Ангелов, возведенная на престол революцией 1185 года на смену Комнинов, происходила от современника Алексея Комнина — Константина Ангела, родом из малоазиатского города Филадельфии, человека незнатного происхождения, женатого на дочери императора Алексея и приходившегося дедом Исааку II Ангелу, первому императору из этого дома; по женской линии он, следовательно, был родственник Комнинам.

Одной из целей покойного Андроника было создание национального правительства. Решить эту задачу ему не удалось. Однако после его смерти необходимость национального правительства продолжала ощущаться не менее сильно.

Итальянский историк, исследователь царствования Исаака II Ангела, Ф. Коньяссо, писал: «Революция 12 сентября 1185 года была в основном национальной и аристократической по своим планам. Так что все классы, кроме византийской аристократии, не получили выгод и преимуществ от этой революции».

Исаак II (1185—1195), представлявший собой, по словам Гельцера³², «воплощенную злую совесть, севшую на подгнивший трон цезарей», не обладал никакими государственными талантами. Чрезмерная роскошь двора и безграничная расточительность, связанные с непомерными и произвольными поборами и хищениями, слабость воли и отсутствие какого-либо определенного плана в управлении государством в соединении с внешними осложнениями, особенно на Балканском полуострове, где создалась новая опасная для империи сила в виде Второго Болгарского царства, и в Малой Азии, где продолжалось успешное продвижение турок, не остановленное безрезультатным Третьим крестовым походом, — все это создало атмосферу недовольства и возмущения в стране. Временами вспыхивали восстания в пользу того или другого претендента на престол. Однако, наверно, основной причиной общего недовольства была «усталость от бесконечного продолжения двух бедствий, отмеченных еще Андроником, — ненасытности фискальной администрации и высокомерия знати». Наконец, в 1195 году против Исаака был составлен заговор его братом Алексеем, который, с помощью части знати и войска, низложил императора. Исаак был ослеплен и брошен в тюрьму, а Алексей сел на престол. Он известен как Алексей III Ангел (1195—1203), или Ангел Комнин, прозываемый иногда Бамбакорабд³³.

Новый император по своим внутренним качествам и способностям почти ничем не отличался от своего брата. Та же безумная расточительность, то же отсутствие всякого политического таланта и интереса к управлению, та же военная неспособность быстрыми шагами вели империю по пути распада и унижения. Не без злой иронии замечает об Алексее III Никита Хониат: «Какую бы бумагу ни поднес кто царю, он тотчас подписывал, будь там бессмысленный набор

слов и если бы проситель требовал, чтобы по суше плавали на кораблях, а море пахали, или чтобы переставили горы на середину морей, или, как говорится в басне, чтобы Афон поставили на Олимп». Поведение императора находило подражателей среди столичной знати, которая наперебой друг перед другом старалась соперничать в тратах и роскоши. Восстания происходили как в столице, так и в провинциях. Жившие в Константинополе иностранцы — венецианцы и пизанцы — устраивали кровавые столкновения между собой на улицах столицы. Внешняя политика точно так же не отличалась какими-либо успехами.

Между тем сыну низвергнутого Исаака II молодому царевичу Алексею удалось бежать на пизанском корабле из Византии в Италию, откуда он отправился в Германию ко двору германского государя Филиппа Швабского, женатого на его сестре и дочери низложенного Исаака Ангела — Ирине. Это было время начала Четвертого крестового похода. Царевич просил у папы и германского государя, своего зятя, помочь вернуть византийский престол слепому отцу Исааку. После стечения целого ряда обстоятельств Алексею удалось направить крестоносцев на венецианских кораблях вместо предполагавшегося Египта на Константинополь. Крестоносцы в 1203 году захватили столицу Византии и, низложив Алексея III, восстановили на престоле престарелого, лишенного зрения Исаака (1203—1204) и посадили его сына рядом с отцом на троне в качестве соправителя Алексея IV. При этом крестоносцы остались около Константинополя, ожидая от Исаака и Алексея выполнения заключенных с ними условий.

Положение соправителей было незавидное. С одной стороны, они эти условия выполнить не могли, а с другой, полностью зависели от крестоносцев; в конце концов в столице началось возмущение, которое завершилось провозглашением императором некоего Алексея V Дуки Мурзуфла (1204), родственника фамилии Ангелов, женатого на дочери Алексея III. Исаак II и Алексей IV погибли во время смуты. Тогда крестоносцы, видя, что Мурзуфл, выступающий под знаменем антилатинского движения, является их врагом, и понимая, что шансы от них начинают ускользать, ре-

шили взять Константинополь еще раз, но теперь уж исключительно в целях собственной наживы.

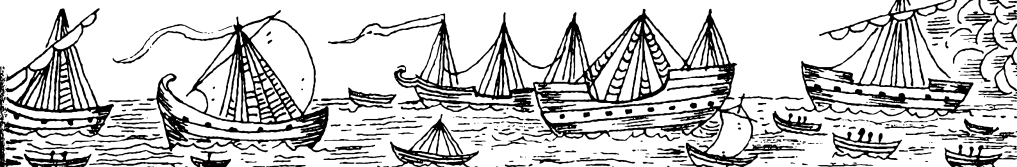
13 апреля 1204 года, после отчаянного сопротивления, Константинополь перешел в руки западных рыцарей и подвергся ужасающему разгрому и разграблению. Император Мурзуфл успел бежать из города. Византийская империя пала, и на ее месте образовалась феодальная Латинская империя со столицей в Константинополе и рядом вассальных государств в различных областях Восточной империи.

Греческая по своему происхождению династия Ангелов, или Ангелов-Комнинов, не давшая империи ни одного более или менее талантливого императора, ускорила гибель ослабленного извне государства.

9. Образование Второго Болгарского царства

В момент революции 1185 года, низвергшей Андроника I и возведшей на престол Исаака Ангела, положение империи было очень опасным. Сухопутные войска норманнов, после взятия Фессалоники, двигались к столице, около которой уже находился норманнский флот. Однако опьяненные своими успехами норманны, слишком пренебрежительно относясь к византийскому войску, занялись грабежом захваченных областей и заплатились за это: византийцы нанесли им удар и вынудили очистить Фессалонику и Диррахий. Неудача норманнов на суше заставила удалиться из-под Константинополя их корабли. Мирный договор, заключенный между Исааком Ангелом и Вильгельмом II, закончил столь грозную для Византии норманнскую войну. Что касается сельджукской опасности в Малой Азии, то Исаак Ангел смог на некоторое время ослабить ее щедрыми подарками и ежегодной данью турецкому султану.

Для Исаака Ангела было в высшей степени крупной удачей прекращение, хотя бы и временное, враждебных действий с норманнами, так как в это время события чрезвычайной важности разыгрались на Балканском полуострове.

Покоренная еще во времена Василия II Болгаробойцы Болгария, после нескольких неудачных попыток вернуть независимость, свергла византийское иго и в 1186 году образовала так называемое Второе Болгарское царство. В конечном успехе болгарского движения сыграли видную роль не только славяне, но и половцы, а также романский элемент в лице валахов. Особенно следует отметить живое участие в восстании на стороне болгар валахов.

Во главе этого движения стояли два брата — Петр (или Калопетр) и Иван Асени. Вопрос об их происхождении, так же как и об участии валахов в восстании 1186 года, обсуждался многократно. Историки ранее полагали, что оба брата выросли среди валахов и приняли их язык. «В лице вождей, — говорил В. Г. Васильевский, — воплощалось именно то слияние двух национальностей, болгарской и валахской, в одно целое, которое действительно обнаруживается во всех рассказах о борьбе за освобождение и которое отмечено новыми историками». В последнее время болгарские историки связывают происхождение Петра и Ивана с кумано-болгарским этническим элементом на севере Болгарии и стремятся уменьшить роль валахско-румынского элемента в событиях 1186 года; они предпочитают считать образование Второго Болгарского царства в Тырново национальным делом болгар. Современные румынские историки, однако, всячески подчеркивают значение той роли, которую сыграли валахи в образовании Второго Болгарского царства, и говорят, что династия нового царства была валахского, то есть румынского, происхождения.

Греческий историк Никита Хониат ясно говорит, что восстание было поднято валахами и что их лидеры, Петр и Иван, были валахами. Западный священник Анасберт, который сопровождал императора Фридриха Барбароссу в Крестовом походе (1189—1190), рассказывал, что на Балканах император должен был сражаться против греков и валахов, и называет Петра, или Калопетра, «императором валахов и большей части болгар», или «императором валахов и куманов», или просто «император валахов, который назывался ими императором Греции». Наконец, папа Иннокентий III в своих письмах к болгарскому царю Ивану (Ка-

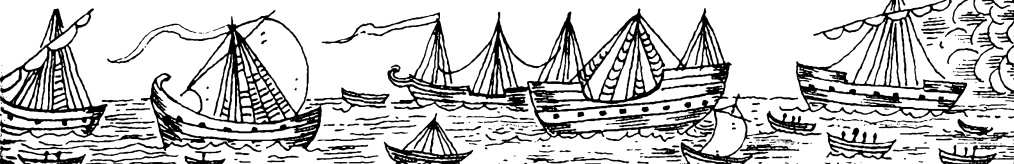

лояну) в 1204 году обращался к нему как к царю «болгар и валахов». В своем ответе папе Иван называет себя «императором всех болгар и валахов», однако же подписывался «император Болгарии Калоян».

Среди валахов, начавших освободительное движение, болгары, без сомнения, играли активную роль и, возможно, немало способствовали внутренней организации нового царства. Куманы также участвовали в этом движении. Новое болгарское царство в этническом смысле было валашско-болгарско-куманским, а его династия, если утверждение Никиты Хониата можно принять, была валашской. Причиной восстания было недовольство византийским владычеством, ощущавшееся и валахами, и болгарами, а также их стремление к независимости. Время, казалось, было особенно благоприятно для них, так как империя, переживая последствия смуты времени Андроника и революции 1185 года, не могла с надлежащими средствами приступить к ликвидации восстания. Никита Хониат с наивностью лишет о том, что причиной восстания стало отнятие скота у валахов для празднеств по случаю свадьбы Исаака Ангела с дочерью короля Венгрии.

Петр, этот «отпавший лукавый раб», как его назвал митрополит Афинский Михаил Хониат, и Иван сначала понесли несколько поражений от византийских сил. Но затем они смогли заручиться поддержкой половцев, живших по ту сторону Дуная, и в конце концов империи пришлось договариваться с Асенями. В результате Петр, с самого начала восстания принявший царский титул, надел подобающие одежды и принял знаки царского достоинства. Новое болгарское царство со столицей в Тырново было признано независимым от Византии. Была признана и независимость национальной церкви. Новое царство известно как Болгарское царство Тырново.

Одновременно с болгарским восстанием происходило аналогичное движение в сербских землях; причем основатель династии Неманичей, великий жупан Стефан Неманя, положивший начало объединению Сербии, вступил в союзные отношения с Петром Болгарским для общей борьбы против империи.

В 1189 году германский государь Фридрих Барбаросса, участник Третьего крестового похода, двигался через Балканский полуостров по направлению к Константинополю. Сербы и болгары возымели намерение использовать момент и при помощи Фридриха добиться своей цели. Во время своего пребывания в Нише германский государь принимал сербских послов и самого великого жупана Стефана Неманю и там же вел переговоры с болгарами. Сербы и болгары предлагали крестоносцам союз против византийского императора, но с тем условием, чтобы Фридрих позволил Сербии присоединить Далмацию и сохранить отвоеванные у Византии земли, а Асеням предоставил бы в бесспорное владение Болгарию и обеспечил за Петром императорский титул. Насколько можно судить, Фридрих не дал им решительного ответа и двинулся дальше. В. Г. Васильевский по этому поводу замечает: «Был момент, когда разрешение славянского вопроса на Балканском полуострове находилось в руках западного императора; был момент, когда Барбаросса почти готов был принять содействие болгарского и сербского вождей против Византии, что неминуемо повело бы к разрушению Греческой империи».

Вскоре после перехода крестоносцев в Малую Азию византийское войско потерпело сильное поражение от болгар. Сам император с трудом спасся от плена. «Многочисленные потери убитыми, — по словам Никиты Хониата, — наполнили города плачем и заставили деревни петь горькие песни».

В 1195 году, как мы уже говорили, произошел в Византии государственный переворот, лишивший престола Исаака и возведший на трон его брата Алексея. Последний должен был прежде всего заботиться об укреплении своем на престоле и поэтому даже начал с болгарами мирные переговоры. Но болгары предъявили неприемлемые условия. Спустя некоторое время, в 1196 году, благодаря греческим проискам, оба брата — Иван, а позднее Петр, погибли от руки убийц. После этого в Болгарии воцарился их младший брат Иоанн, живший прежде заложником в Константинополе и прекрасно изучивший византийские нравы. Это и был знаменитый царь Калоян.

Византия не могла справиться с новым болгарским государем, который, вступив в сношения с папой Иннокентием III, получил через его легата королевский венеч. Болгары признали папу своим верховным главой, и тырновский архиепископ был возведен в звание примаза.

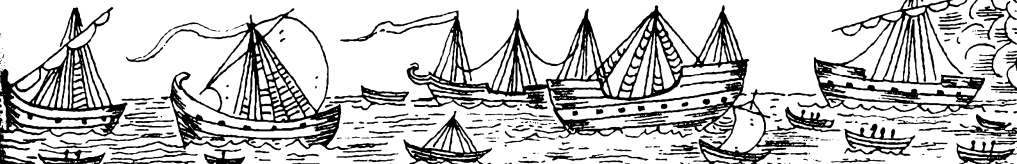
Таким образом, во время династии Ангелов Византия на Балканском полуострове получила сильного соперника в лице болгарского государя. Второе Болгарское царство, усилившееся к концу правления Ангелов, сделалось настоящей грозой для сменившей их Латинской империи.

10. Третий крестовый поход и Византия

После безрезультатного Второго крестового похода положение христианских владений на Востоке продолжало вызывать серьезные опасения: внутренние раздоры между князьями, придворные интриги, споры между духовно-рыцарскими орденами, преследование частных интересов — все это ослабляло христиан и облегчало наступательное движение мусульман. Наиболее важные центры христианских владений, Антиохия и Иерусалим, не обладали достаточной силой для успешной защиты. Энергичный властитель Сирии Нур ад-Дин Махмуд, завладев в середине XII века Дамаском, стал грозить Антиохии. Но настоящая опасность вышла из Египта, где курд Саладин, талантливый вождь и тонкий политик, имевший широкие планы, свергнув в конце шестидесятых годов XII века представителя правившей там династии Фатимидов, основал династию Айюбидов. Воспользовавшись смертью Нур ад-Дина, Саладин завоевал Сирию, а затем большую часть Месопотамии и окружил Иерусалимское королевство с юга, востока и севера.

В Иерусалиме в это время царилась сильная смута, и Саладин знал об этом. Получив известие о том, что один из мусульманских караванов, в котором находилась его сестра, разграблен христианами, и воспользовавшись этим как поводом, Саладин вступил в пределы Иерусалимского ко-

ролевства и у Тивериадского озера (при Хиттине) в 1187 году разбил христианское войско. Король иерусалимский и с ним много владетельных князей попали в плен. Заняв после этого ряд прибрежных пунктов — Бейрут, Сидон, Яффу и некоторые другие — и отрезав таким образом возможность для христиан получать подкрепления с моря, Саладин направился к Иерусалиму и без особенного труда осенью того же года завладел Священным городом. Все принесенные Европой жертвы, все ее религиозное воодушевление не привели ни к чему: Иерусалим снова перешел в руки неверных. Поэтому новый крестовый поход сочли необходимою.

Папа Григорий VII деятельно работал в пользу осуществления крестоносного предприятия. Ему удалось поднять трех государей: к движению примкнули французский король Филипп II Август, английский король Ричард I Львиное Сердце и германский государь Фридрих I Барбаросса. Но в этом столь блестяще начатом походе отсутствовала общая руководящая идея. Участники похода прежде всего старались заручиться добрыми отношениями правителей тех стран, через которые им приходилось идти. Филипп Август и Ричард направились через Сицилию, для чего должны были завязать дружественные отношения с сицилийским королем. Фридрих Барбаросса, собираясь идти на Восток через Балканский полуостров, входил в сношения с угорским (венгерским) королем, великим жупаном Сербии, императором Исааком Ангелом и даже с султаном Иконийским в Малой Азии, врагом Саладина, то есть мусульманским государем, — политические комбинации и расчеты заставляли государя-крестоносца не гнушаться мусульманским союзником.

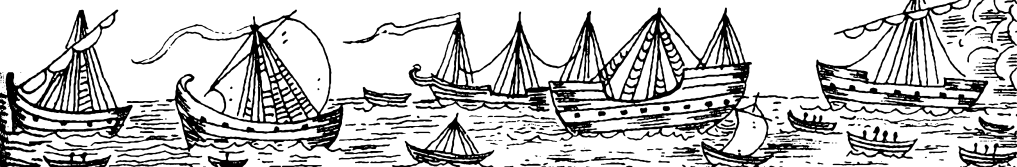
В то же самое время христиане имели перед собой в виде противника не разрозненные мусульманские силы, как было раньше, а покрытого победоносной славой, особенно после взятия Иерусалима, талантливый и энергичный Саладин, объединившего в своих руках силы Египта, Палестины и Сирии. Услышав о подготовлявшемся крестоносном походе, Саладин призвал мусульман к борьбе с христианами — «лающими псами», «безумцами», как он их

характеризовал в своем письме к брату. Это был своего рода контрпоход против христиан. Средневековая легенда рассказывает, будто Саладин перед этим объездил Европу, чтобы ознакомиться с положением христианских стран. По выражению Л. Брейе, «никогда крестовый поход не имел еще столь ясно выраженного характера поединка между христианством и исламом».

Пройдя благополучно Венгрию, Фридрих Барбаросса углубился в области Балканского полуострова и вступил в известные уже нам переговоры с сербами и болгарами. Для успеха дальнейшего его продвижения было в высшей степени важно, какие отношения установятся между Фридрихом и Исааком Ангелом.

Уже со времени избиения латинян в Константинополе в 1182 году отношения между христианским Востоком и Западом были натянуты. Сближение Фридриха Барбароссы с постоянными врагами Византии — норманнами, выразившееся в упомянутом выше бракосочетании его сына с наследницей Королевства Обеих Сицилий, заставило Исаака еще с большим недоверием относиться к германскому государю. Несмотря на договор, заключенный представителем византийского императора с Фридрихом в Нюрнберге перед выступлением последнего в поход, Исаак Ангел начал сношения с Саладином, против которого этот поход направлялся. При дворе Исаака появились послы Саладина, и был заключен союз Византии и Саладина против Иконийского султана, по которому Исаак должен был по возможности задерживать на пути Фридриха, а Саладин обещал грекам возвратить святыне места. Таким образом, положение Исаака по отношению к Фридриху становилось очень сомнительным. Переговоры Фридриха с сербами и болгарами, явно направленные против Византии, в свою очередь, также не могли не тревожить Исаака.

Между тем крестоносное войско Фридриха заняло Филиппополь. Исаак в своем послании к германскому государю, называя последнего «королем Алеманнии», а себя «императором ромеев», упрекал его в намерении завоевать греческое государство, но обещал помочь ему переправиться через Геллеспонт в Малую Азию, если только Фридрих

даст ему знатных заложников из немцев и обязуется передать ему половину земель, которые немцы завоюют в Азии. Германские послы, находившиеся в Константинополе, были заключены в темницу. Дело дошло до того, что завоевание Константинополя было уже решенным вопросом для Фридриха, который приказал сыну Генриху собрать у берегов Италии флот и добиться у папы проповеди Крестового похода против греков. Войска Фридриха, захватив Адрианополь, заняли Фракию почти до самых стен Константинополя. Источник отмечает: «Весь город Константинополь дрожит, думая, что уже грозит его разрушение и истребление его населения».

В этот момент, однако, Исаак уступил. Между ним и Фридрихом был заключен в Адрианополе мир, главные условия которого заключались в следующем: Исаак давал суда для перевозки войска Фридриха через Геллеспонт в Малую Азию, освобождал заложников и обещал снабжать крестоносцев пропитанием. Весной 1190 года переправа немецкого войска через Геллеспонт состоялась.

Как известно, экспедиция Фридриха окончилась полной неудачей. После изнурительного похода по Малой Азии крестоносное ополчение с трудом дошло до границ Малой Армении, где император случайно утонул в реке (1190); после чего его войско рассеялось по разным направлениям. В лице Фридриха сошел в могилу самый опасный враг Саладина.

Поход других двух западноевропейских государей, Филиппа II Августа и Ричарда I Львиное Сердце, отправившихся в Палестину морем из Сицилии, затрагивал интересы Византии не столь сильно. Однако с именем Ричарда связан вопрос об окончательной утрате Византией острова Кипр, важного стратегического пункта в восточной части Средиземного моря.

Еще во время тирании Андроника I Исаак Комнин, отложившись от него, провозгласил себя независимым правителем Кипра и вступил в соглашение с королем Обеих Сицилий. Попытка Исаака Ангела вернуть остров кончилась неудачей. Во время похода Ричард Львиное Сердце, раздраженный отношением кипрского правителя к потерпевшим

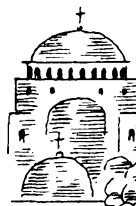
крушение у берегов острова судам, на которых находились его сестра и невеста, высадился на Кипре и низложил Исаака Комнина, передав остров Гвидо Лузиньяну, экс-королю иерусалимскому. Тот в 1192 году сделался государем Кипра, основав там династию Лузиньянов и отказавшись при этом от своих призрачных прав на не принадлежавшее в то время христианам Иерусалимское королевство. Новое латинское государство на Кипре должно было, как предполагалось, играть очень важную роль стратегической базы для будущих христианских предприятий на Востоке.

Сам поход окончился ничем. Не достигнув ощутимых результатов, оба государя вернулись в Европу. Иерусалим остался в руках мусульман. Христиане сохранили за собой лишь узкую береговую полосу от Яффы до Тира. Саладин вышел из всего этого предприятия полным победителем.

11. Генрих VI и его восточные планы

Если велика была опасность для Византии при Фридрихе Барбароссе, то она сделалась еще более грозной при сыне и преемнике его Генрихе VI. Последний, проникнутый идеей Гогенштауфенов о неограниченной, дарованной им Богом императорской власти, уже по одному этому не мог дружественно относиться к другому императору на земле. Но кроме того, унаследовав, как супруг норманнской принцессы Констанции, Королевство Обеих Сицилий, он вместе с тем унаследовал и вражду норманнов к Византии, и их завоевательные планы. Казалось, что на долю Генриха VI должно выпасть исполнение того, чего не сделал его отец, а именно — присоединение Византии к Западной империи. В Константинополь был отправлен род ультиматума, в котором Генрих требовал от Исаака Ангела уступить ему территории на Балканском полуострове, между Диррахием и Солунью, завоеванной раньше норманнами, но потом возвращенной ими Византии; там же шла речь о возмещении убытков, понесенных Фридрихом Барбароссой во время Крестового похода, и о помощи Генриху флотом для

его палестинской экспедиции. Исаак едва успел отправить к нему посольство, как был в 1195 году низвергнут с престола и ослеплен своим братом Алексеем III.

После этого поведение Генриха VI стало еще более угрожающим. Устроив брак своего брата Филиппа Швабского с дочерью низложенного императора Исаака Ириной, он создал для первого некоторые права на Византию. В лице Генриха VI новый византийский император, по словам В. Нордена³⁴, «должен был опасаться не только западного императора, наследника норманнских королей и крестоносца, но прежде всего также мстителя за низвергнутого Исаака и его семью». Подготавливаемый Генрихом Крестовый поход имел целью столько же Константинополь, сколько Палестину. В его планы входило обладание всем христианским Востоком, включая Византию. Обстоятельства, как казалось, благоприятствовали его стремлениям: к Генриху прибыло посольство от правителя Кипра, прося императора дать ему королевский титул и выражая желание быть вассалом. С подобной же просьбой о королевском титуле обратился к Генриху правитель Малой Армении (Киликии). Если бы Генриху удалось утвердиться в Сирии, то с помощью вассальных государств Кипра и Малой Армении он мог бы окончательно окружить Византийскую империю.

В такой критический момент для Византии на сторону последней стал папа, прекрасно понимавший, что если мечта Штауфенов об универсальной монархии с включением в нее Византии осуществится, то папство осуждено будет на вечное бессилие. Поэтому папа приложил все старания, чтобы удержать Генриха от завоевательных планов на Восточную империю, «схизматичность» которой в данном случае, по-видимому, не смущала наследника Петра. Никогда в такой степени, как в настоящем случае, греческий вопрос, по мнению Нордена, не терял для папства религиозного характера и не представлялся исключительно вопросом политическим. «Что могла значить для курии духовная победа, если таковая была бы куплена ценой политической ликвидации папства!» — пишет Норден. Для папства казалось второстепенным вопросом, будет ли Византия, как оплот против западного императорства, католическим или схиз-

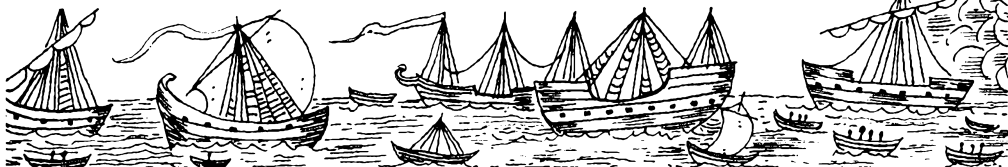

матическим государством, будет ли сидеть на византийском престоле законный греческий государь или узурпатор: главным для папства конца XII века было, чтобы византийское государство сохранило свою самостоятельность.

Между тем Генрих отправил Алексею III грозное послание — подобное тому, какое раньше было отправлено Исааку. Впрочем, Алексей мог откупиться, уплатив Генриху громадную сумму; для этого он ввел во всем государстве особую подать, называвшуюся «аламанской», и даже снял драгоценные украшения с императорских гробниц в Константинополе. Таким образом унижительный мир на время был куплен. В конце лета 1197 года Генрих прибыл в Мессину, чтобы лично присутствовать при отправлении Крестового похода. Был собран громадный флот, имевший, может быть, своей целью не святые места, а Константинополь. Но в это время молодой, полный сил Генрих заболел лихорадкой и осенью того же 1197 года умер — так вторично в короткое время Восток ускользнул от Гогенштауфенов. Византия с великой радостью встретила смерть Генриха и освобождение от «аламанской подати». Свободно вздохнул и папа.

Деятельность Генриха VI, показав полное торжество политической идеи в крестоносных предприятиях, имела и для грядущих судеб Византии очень важное значение: «Генрих определенно поставил вопрос о Византийской империи, разрешение которого вскоре окажется как бы предварительным условием успеха Крестовых походов» (Л. Брейе).

Тот факт, что Генрих VI мечтал о мировой монархии и о завоевании Константинополя, теперь некоторыми историками решительно отвергается. Они подчеркивают, что подобное утверждение базируется исключительно на авторитете византийского историка Никиты Хониата и что западные хроникеры не сообщают на этот счет никакой информации. Эти исследователи утверждают, что вывод, подчеркнутый В. Норденом, которому затем последовал Л. Брейе, не является истинным. Они полагают, что в 1198 году у Генриха не было замысла нападения на Византию, что Крестовый поход Генриха никак не был связан с византийской политикой и что планы основания Генрихом всемирной монархии, в которой Византия должна была

стать самой важной частью, относятся к области фантазии. Однако такая политика была бы непосредственным продолжением политики его отца Фридриха Барбароссы, который мечтал о всемирной монархии и в ходе Третьего крестового похода был близок к захвату Константинополя.

12. Четвертый крестовый поход и Византия

Четвертый крестовый поход представляет собой в высшей степени сложное историческое явление, в котором нашли свое отражение самые разнообразные интересы и переживания — высокий религиозный порыв, надежда на воздаяние в будущей жизни, жажда духовного подвига и верность взятому на себя крестоносному обету перемешивались со стремлениями к приключениям и наживе, склонностью к путешествиям и феодальной привычкой проводить жизнь в войне. Но в четвертом походе можно отметить специальную черту, которая, правда, давала уже себя чувствовать и в предыдущие походы: в нем получили особенное преобладание мирские чувства и материальные интересы над порывами духовно-религиозными, что с полной очевидностью выразилось во взятии крестоносцами Константинополя и основании Латинской империи.

В конце XII века германское влияние было весьма сильно в Италии, а уже известные нам восточные планы Генриха VI являлись грозной опасностью для Восточной империи. После неожиданной смерти Генриха обстоятельства изменились.

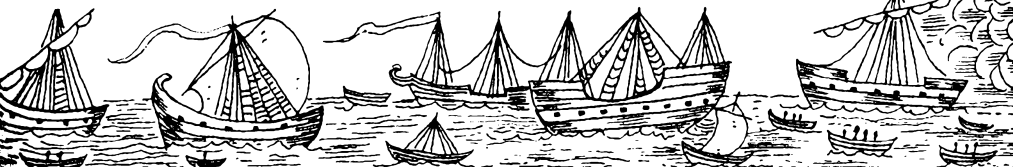
Новый избранный в 1198 году папа, знаменитый Иннокентий III, задавшись целью восстановить папский авторитет, подорванный политикой германских государей, решил сам стать во главе христианского движения против ислама. В Германии же он стал поддерживать Оттона Брауншвейгского, выступившего против Филиппа Швабского Гогенштауфена, брата покойного Генриха VI. Казалось, что и для византийских императоров выпал изрядный шанс.

По крайней мере, император Алексей III писал папе Иннокентию III в год его избрания на папский престол: «Мы являемся двумя единственными мировыми силами: единая римская церковь и единая империя наследников Юстиниана; поэтому мы должны соединиться и постараться воспрепятствовать новому усилению могущества западного императора, нашего соперника». В действительности тяжелое внешнее и внутреннее положение Византии не позволяло надеяться на реализацию столь обширных планов.

К тому же Иннокентий III не желал видеть в восточном императоре схизматика, для чего затеял переговоры об унии, которые, однако, затянулись, и раздраженный папа в одном из своих позднейших писем грозил Алексею III — возможно, лишь для виду — в случае его упорства поддерживать в правах на византийский престол семью низложенного и ослепленного им Исаака, чья дочь, как мы уже знаем, была замужем за германским государем Филиппом Швабским. Но Алексей III на унию не соглашался и в одном из своих писем написал даже, что императорская власть выше духовной. Вследствие этого отношения между Римом и Византией сделались несколько натянутыми.

Не переставая вести переговоры с Константинополем и политическую игру в Германии, Иннокентий III проявлял кипучую деятельность в деле организации Четвертого крестового похода, в котором западное и восточное христианство должны были бы слиться воедино для достижения общей цели освобождения святых мест из рук неверных. Папские послания были отправлены ко всем христианским государям; папские легаты обходили Европу, обещая участникам похода отпущение грехов и целый ряд житейских выгод; красноречивые проповедники воодушевляли народные массы. В одном из своих посланий Иннокентий, описав печальное положение Святой земли и высказав свое негодование против государей и князей, отдававшихся удовольствиям и междоусобным распрям, говорит, что думают о христианах мусульмане, которых папа называет в послании язычниками. Папа писал: «Наши враги нас оскорбляют и говорят: где ваш Бог, который не может освободить из наших рук ни себя, ни вас? Мы осквернили ваши святыни,

протянули руки к предметам вашего почитания, яростно напали на святые места. Мы держим вопреки вам эту колыбель суеверия ваших отцов. Мы ослабили и сломали копья французов, усилия англичан, крепость немцев, героизм испанцев. К чему привела вся эта храбрость, которую вы возбудили против нас? Где же ваш Бог? Пусть Он поднимется и вам поможет! Пусть Он покажет, как Он защищает вас и себя... Нам более ничего не остается, как после избиения защитников, оставленных вами для охраны страны, напасть на вашу землю, чтобы уничтожить ваше имя и память о вас. Что можем мы ответить, — продолжает Иннокентий III, — на подобные нападки? Как отразить их оскорбления? Ведь то, что они говорят, есть отчасти сама истина... Поскольку язычники безнаказанно проявляют свой гнев во всей стране, постольку христиане более не смеют выходить из своих городов. Они не могут в них оставаться без содрогания. Извне их ожидает сабля, внутри они цепенеют от страха».

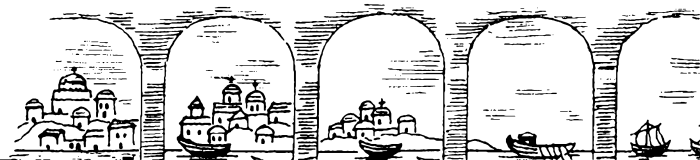
Из крупных западноевропейских государей ни один не отозвался на призыв Иннокентия III. Французский король Филипп II Август находился под церковным отлучением за свой развод с женой; английский король Иоанн Безземельный, только что вступивший на престол, должен был прежде всего укрепиться на троне и вел упорную борьбу с баронами; наконец, вспыхнувшая в Германии борьба за престол между Оттоном Брауншвейгским и Филиппом Швабским не позволяла ни одному из них покинуть страну. Лишь король венгерский принял крест. Зато лучший цвет западного рыцарства, особенно из Северной Франции, принял участие в походе. Тибо (Теобальд) Шампанский, Балдуин Фландрский, Людовик Блуаский и многие другие приняли крест. В состав крестоносного ополчения вошли французы, фламандцы, англичане, немцы, сицилийцы.

Центральной же фигурой похода был венецианский дож Энрико Дандоло, типичный представитель Венеции по уму и характеру. Несмотря на то что ему в момент вступления на престол было около восьмидесяти лет, а может быть, и больше, он по кипучей энергии, горячему патриотизму и ясному пониманию насущных, главным образом экономических, задач Венеции походил на молодого человека. Когда

дело шло о величии и пользе республики св. Марка, Дандоло не стеснялся в средствах. Обладая искусством обходиться с людьми, замечательной выдержкой и осторожностью, он представлял собой пример замечательного государственного деятеля, искусного дипломата и вместе с тем ловкого коммерсанта.

В момент организации четвертого похода отношения между Венецией и Византией не отличались особенным дружелюбием. Легенда рассказывает, что Дандоло лет за тридцать перед тем, во время пребывания в Константинополе в качестве посла, был предательски ослеплен греками при помощи вогнутого зеркала, сильно отражавшего солнечные лучи; это и являлось будто бы причиной глубокой ненависти Дандоло к Византии. Но конечно, не на этом факте основывалось взаимное недоверие и соперничество Венеции и Византии. Дандоло, прекрасно понимая, какой неисчислимый источник богатств представлял собой Восток вообще, христианский и мусульманский, для экономического процветания республики, обратил внимание прежде всего на ближайшего соперника, то есть на Византию. Он требовал, чтобы все торговые привилегии, полученные раньше Венецией в Византии и несколько урезанные при последних Комнинах, были восстановлены в полной мере. Главным образом Дандоло имел в виду уже известные нам события: арест венецианских купцов, захват их судов и конфискацию их имуществ при Мануиле и избиение латинян в 1182 году. Кроме того, дож не мог примириться с тем, что после долгих лет венецианской торговой монополии в Восточной империи, ее императоры стали давать торговые привилегии другим итальянским городам, Пизе и Генуе, чем сильно подрывали венецианское торговое благосостояние. Постепенно в уме дальновидного и хитрого Дандоло созрел план покорения Византийской империи, чтобы таким образом окончательно обеспечить Венеции восточный рынок. Подобно Иннокентию III, Дандоло грозил Алексею III, что окажет поддержку в борьбе за престол семье низложенного и ослепленного брата Исаака Ангела.

Итак, в подготовке Четвертого крестового похода на первый план выступили два лица: папа Иннокентий III, пред-

ставитель начала духовного, искренно желавший вырвать святые места из рук мусульман и увлеченный мыслью об унии с Восточной церковью, и дож Энрико Дандоло, представитель начала мирского, житейского, преследовавший прежде всего материальные, торговые интересы. Немалое влияние на ход похода оказали также византийский царевич Алексей, сын низложенного Исаака Ангела, бежавший из Константинополя на Запад, и германский государь Филипп Швабский, женатый на дочери того же Исаака Ангела и сестре царевича Алексея.

Главой крестоносного ополчения был избран Тибо Шампанский, который пользовался всеобщей любовью и уважением и был душой предприятия. Но к общему горю, Тибо накануне похода неожиданно умер. Оставшиеся без вождя крестоносцы избрали нового главу в лице Бонифация, маркиза Монферратского. Руководящая роль в походе вследствие этого перешла от Франции в руки итальянского дожа.

Палестина в то время, как известно, принадлежала египетской династии Айюбидов, в среде которых в конце XII века, после смерти знаменитого Саладина, вспыхнули распри и раздоры, что, казалось, должно было облегчить задачу крестоносцев. Что же касается главной опоры латинских христиан на Востоке, то ею к началу четвертого похода оставались Антиохия и Триполи, а также прибрежная крепость Акра.

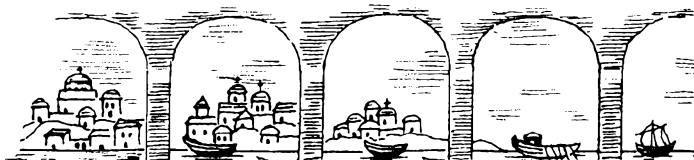
Крестоносцы должны были собраться в Венеции, которая за определенную сумму предложила перевезти их на своих судах. Ближайшей целью похода был Египет, под властью которого находилась в то время Палестина; было намерение сначала завоевать Египет, чтобы потом уже добиваться у мусульман возвращения Палестины. Однако Венеция не хотела приступить к перевозке крестоносцев до уплаты полностью денег, условленных за предоставление кораблей. Так как у крестоносцев требуемой суммы не оказалось, то Дандоло предложил им в счет невыплаченных денег помочь ему завоевать город Зару (Задр), лежащий на далматинском побережье Адриатического моря. Незадолго перед тем Зара отпала от Венеции и досталась венгерскому королю, участнику Крестового похода. Крестоносцы согласились на просьбу

дожа и поплыли к Заре. Таким образом, поход, предпринятый против «неверных», начался осадой крестоносцами города, где жили такие же крестоносцы.

Несмотря на негодование папы и его угрозы отлучить крестоносное ополчение от церкви, крестоносцы приступом взяли Зару для Венеции и разгромили ее. Выставленные жителями города на стенах распятия не остановили нападающих. Эти события нанесли чувствительный удар престижу крестоносцев, что ничуть не омрачило торжества Дандоло. Узнав о взятии Зары и выслушав жалобы венгерского короля на крестоносцев, участвовавших в штурме, и венецианцев, папа предал их отлучению. «Вместо того чтобы достичь Обетованной земли, — писал папа крестоносцам, — вы жаждали крови ваших братьев. Сатана, всемирный соблазнитель, вас обманул... Жители Зары повесили распятия на стенах. Невзирая на Распятого, вы произвели штурм и принудили город сдаться... Под страхом анафемы остановитесь в этом деле разрушения и возвратите послам венгерского короля все то, что было у них отнято. В противном случае знайте, что вы подпадаете отлучению и лишаетесь преимуществ, обещанных всем крестоносцам».

На венецианцев угрозы папы не произвели впечатления. Французские же крестоносцы употребляли все средства, чтобы добиться снятия отлучения. Наконец папа, смилостивившись, даровал им отпущение грехов, оставив под отлучением венецианцев. При этом он не запретил прощенным крестоносцам сноситься с отлученными венецианцами. Их общие действия продолжались.

Во время осады и сдачи Зары в истории четвертого похода выступает новое лицо — византийский царевич Алексей Ангел, сын Исаака, низвергнутого и ослепленного Алексеем III. Как мы знаем, царевич Алексей, спасшись из темницы, бежал на Запад с целью добиться помощи ради возвращения трона своему несчастному отцу. После безрезультатного свидания в Риме с папой царевич направился на север, в Германию, к своему зятю, германскому государю Филиппу Швабскому. Ирина, по словам византийского историка той эпохи Никиты Хониата, просила мужа помочь брату, который «без крова и отечества странствует подоб-

но звездам блуждающим и ничего не имеет с собой, кроме собственного тела». Какой-либо ошутительной материальной поддержки Филипп, будучи в данный момент занят борьбой внутри государства с Оттоном Брауншвейгским, оказать царевичу не мог, но он отправил посольство в Зару с просьбой к Венеции и крестоносцам помочь Исааку и его сыну Алексею в восстановлении их на византийском престоле. Царевич обещал за такую помощь подчинить Византию в религиозном отношении Риму, заплатить крестоносцам крупную сумму денег и после восстановления его отца на престоле принять лично участие в Крестовом походе.

Таким образом, поднимался вопрос о возможности полного изменения направления и характера похода. Дождо Дандоло сразу оценил все выгоды предложения Филиппа для Венеции. Главная роль в походе на Константинополь и восстановлении низложенного Исаака на византийском престоле открывала венецианцам обширные горизонты. Крестоносцы, правда, требовали, чтобы поход не уклонялся от своей первоначальной цели, но в конце концов дождо удалось их уговорить, и между Венецией и крестоносцами был заключен договор о завоевании Константинополя. Большая часть крестоносцев согласилась принять участие в этом походе с тем условием, чтобы после короткого пребывания в Константинополе направиться, как раньше было определено, в Египет. Вскоре в лагерь крестоносцев под Зарой явился царевич Алексей. В мае 1203 года флот с Дандоло, Бонифацием Монферратским и царевичем Алексеем отплыл от Зары и через месяц появился уже перед Константинополем.

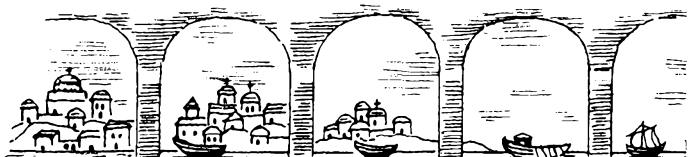
Наша Новгородская летопись, в которой сохранился подробный рассказ о Четвертом крестовом походе, взятии крестоносцами Константинополя и основании Латинской империи, замечает о только что изложенном моменте похода: «Фрязи же и вси воеводы их възлюбиша злато и сребро, иже меняшеть (то есть обещал) им Исааковиць (то есть царевич Алексей Исаакович), а царева веления забыша и папина (то есть папы)». Русская точка зрения, таким образом, закрепила отклонение крестоносцев от первоначальной цели. Исследователь Новгородской летописи П. Бицилли³⁵

признает его большую ценность и замечает, что «оно дает особую теорию, объясняющую поход против крестоносцев на Византию», которая заключается в том, что «этот поход был решен совместно папой и Филиппом Швабским, о чем не говорит ни один западноевропейский источник».

Большое количество исследователей занималось проблемой Четвертого крестового похода, и прежде всего их волновал вопрос, почему было изменено его направление. Одни ученые объясняют это случайными обстоятельствами, другие указывают на преднамеренную политику Венеции и Германии. При этом стоит заметить, что разные точки зрения появились лишь в шестидесятых годах XIX столетия; до этого времени существовал единый взгляд на проблему, так как все историки руководствовались в основном показаниями главнейшего западного источника четвертого похода — его участника, французского летописца маршала Шампани Жоффруа Виллардуэна³⁶. В его изложении события развивались просто: крестоносцы, не имея кораблей, наняли их у Венеции, что заставило их собраться; наняв корабли, они не смогли заплатить республике св. Марка полностью условленную сумму и вынуждены были помочь венецианцам в их распре с Зарой; далее последовало появление царевича Алексея, склонившего крестоносцев к походу на Византию. То есть не идет речи о какой бы то ни было политической интриге.

Но в начале шестидесятых годов французский ученый Мас-Латри³⁷, автор истории острова Кипр, выставил обвинение Венеции в том, что она, имея крупные торговые выгоды в Египте, заключила тайный договор с египетским султаном и вследствие этого искусно заставила крестоносцев пренебречь первоначальным планом похода на Египет и направиться против Византии. Затем немецкий византист Карл Гопф³⁸, казалось, окончательно доказал измену венецианцев христианскому делу; он даже называл дату, когда был заключен договор Венеции с египетским султаном, — 13 мая 1202 года. Хотя Гопф не привел текста договора и не указал, где последний находится, авторитет немецкого историка был настолько велик, что его точка зрения у многих не вызвала сомнений. Однако довольно скоро оказалось,

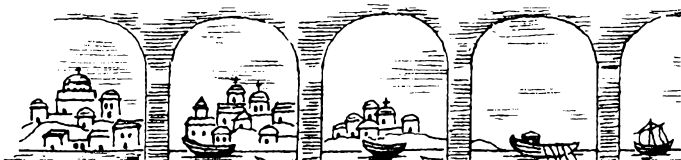
что у Гопфа никакого документа в руках не было, а сообщенная им дата вычислена произвольно. Французский ученый Аното³⁹, исследовав снова вопрос, опроверг обвинение венецианцев в измене, а следовательно, и «теорию преднамеренности». Если венецианцы, по мнению Аното, и могут быть обвинены, то не в измене и заключении тайного договора с мусульманами, а в эгоистическом преследовании собственных торговых интересов в Византии.

Впрочем, представители «теории преднамеренности» не ограничились только попытками доказать факт измены Венеции. В 1875 году появился новый мотив, проводимый прежде всего французским ученым графом Рианом, который доказывал, что главным виновником перемены направления похода был не Дандоло, а отвергнутый папой Иннокентием III германский король Филипп Швабский, зять низложенного Исаака Ангела. В глубине немецкой земли, дескать, была сплетена искусная политическая интрига, которая должна была направить крестоносцев на Константинополь. Исполнителем же планов Филиппа на Востоке явился Бонифаций Монферратский. В изменении направления похода Риан видит один из эпизодов вековой борьбы папства и империи. Своей руководящей ролью в походе Филипп унижал папу и его идею Крестового похода; получив в восстановленном византийском императоре союзника, Филипп мог надеяться на успех в его борьбе с папством и своим соперником в Германии Оттоном Брауншвейгским. Однако этой теории Риана был нанесен удар работой В. Г. Васильевского, который показал, что бегство царевича Алексея на Запад имело место не в 1204 году, как думали историки, а в 1202, так что для «сложной, издавка задуманной политической интриги» Филиппа не остается, пожалуй, места и времени; «немецкая интрига окажется, пожалуй, таким же призраком, как и венецианская», — пишет В. Г. Васильевский. К этому надо прибавить добросовестное исследование француза Тессье⁴⁰ о том же походе, где он на основании разбора и оценки современных источников отрицает исключительную роль германского государя и возвращается к признанию наибольшего значения за рассказом Виллардуэна, то есть к господствующей точ-

ке зрения до начала шестидесятых годов XIX века, — иначе говоря, к «теории случайностей». Тессье говорит, что Четвертый крестовый поход был французским Крестовым походом и что завоевание Константинополя было не германским, не венецианским достижением, а французским.

Можно сказать, что в сложной политической истории Четвертого крестового похода действовали разнообразные силы — папский престол, Венеция и германский государь; влияла ситуация в самой Византии. Все эти силы, переплетаясь между собой, создали в высшей степени сложное явление, не вполне ясное в некоторых сторонах его и по настоящее время. Но над всем преобладала твердая воля Дандоло и его непоколебимая решительность развивать торговую деятельность Венеции, для которой обладание восточными рынками обещало неограниченное богатство и блестящее будущее. Дандоло был обеспокоен возрастанием экономического могущества Генуи, которая в это время на Ближнем Востоке, и в Константинополе в частности, начинала завоевывать сильные позиции. Экономическое соперничество между Венецией и Генуей также нужно принимать во внимание, когда обсуждается проблема Четвертого крестового похода. Наконец, не выплаченный Византией долг Венеции за венецианскую собственность, захваченную Мануилом Комнином, также может иметь известное отношение к изменению первоначального направления этого похода.

В конце июня 1203 года крестоносный флот появился у Константинополя, который тогда, в глазах людей Западной Европы, по словам современного византийского историка Никиты Хониата, «представлял собой в совершенстве знаменитый изнеженностью Сибарис»⁴¹. Жоффруа Виллардуэн в таких выражениях описывает впечатление, произведенное на крестоносцев видом византийской столицы: «Так вот, вы можете узнать, что они долго разглядывали Константинополь, те, кто его никогда не видел, ибо они не могли и представить себе, что на свете может существовать такой богатый город, когда увидели эти высокие стены, и эти могучие башни, которыми он весь кругом был огражден, и эти богатые дворцы, и эти высокие церкви, которых там было столько, что никто не мог бы поверить, ес-

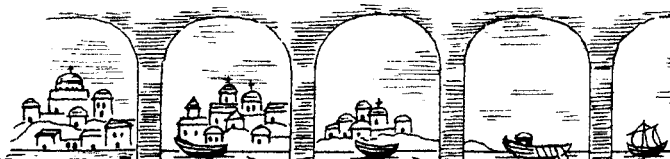
ли бы не видел собственными глазами и длину, и ширину города, который превосходил все другие города. И знайте, что не было такого храбреца, который не содрогнулся бы, да это и вовсе не было удивительно; ибо с тех пор, как сотворен мир, никогда столь великое дело не предпринималось таким числом людей».

Казалось, что укрепленная столица могла с успехом противостоять не особенно многочисленным крестоносцам. Однако последние, высадившись на европейском берегу и овладев предместьем Галатой, на левом берегу Золотого Рога, перерезали защищавшую вход в него железную цепь, проникли в гавань и сожгли много византийских судов. В это же время рыцари пошли на приступ самого города. Несмотря на отчаянное сопротивление, особенно со стороны наемных варяжских отрядов, крестоносцы в июле овладели городом. Безвольный и вялый Алексей III бежал из столицы, успев захватить с собой государственную казну и драгоценности. На престоле восстановлен был освобожденный из заключения Исаак II, а его соправителем был объявлен сын его царевич Алексей IV, приехавший, как известно, с крестоносцами. Это была первая осада и первое взятие крестоносцами Константинополя в целях восстановления Исаака II на престоле.

Крестоносцы с Дандоло во главе, восстановив Исаака на престоле, требовали от его сына исполнения данных им обещаний, то есть уплаты крупной суммы денег и отправления в Крестовый поход, на чем уже настаивали западные рыцари. Алексей IV, уговорив крестоносцев не оставаться в Константинополе, а расположиться в его предместье и не имея возможности уплатить всю сумму, умолял их дать ему отсрочку. Это повело к обострению отношений между латинянами и византийцами. В самом городе росло неудовольствие населения против политики императоров, приносивших интересы государства в жертву крестоносцам. В столице вспыхнуло восстание, в результате которого императором был провозглашен в начале 1204 года честолюбивый Алексей Дука Мурзуфл, свергнувший Исаака II и Алексея IV. Первый вскоре умер в темнице, а Алексей IV был, по приказанию Мурзуфла, задушен.

Мурзуфл, известный под именем императора Алексея V, явился ставленником столичной партии, враждебно настроенной к крестоносцам. Последние не имели к нему никакого отношения, а со смертью Исаака и Алексея IV считали себя в отношении к Византии свободными от всяких обязательств. Столкновение между греками и крестоносцами становилось неизбежным. В марте того же 1204 года был выработан и заключен между Венецией и рыцарями договор о разделе Византийской империи после ее завоевания. Договор начинался такими внушительными словами: «Прежде всего мы, призвав имя Христа, должны вооруженной рукой завоевать город». Главные пункты договора были следующие: во взятом городе будет латинское правительство; вся захваченная добыча должна быть разделена союзниками между собой согласно условию; затем образованный из шести венецианцев и шести французов совет изберет императором того, кто, по их мнению, лучше сможет управлять страной «во славу Бога и святой Римской церкви и империи»; императору должна принадлежать одна четверть завоеваний в столице и вне ее, а также два столичных дворца; остальные три четверти завоеваний должны быть разделены пополам между Венецией и рыцарями; распоряжение храмом Св. Софии и избрание патриарха будет предоставлено той стороне, из которой не будет избран император; все рыцари, получившие крупные владения и более мелкие наделы, должны принести императору феодальную присягу; один лишь дож Дандоло будет освобожден от какой-либо присяги императору. На этих основаниях и была устроена будущая Латинская империя.

Приняв условия дележа, крестоносцы приступили к штурму города с суши и с моря. В течение нескольких дней столица упорно защищалась. Наконец настал роковой для Византийской империи день — 13 апреля 1204 года, когда крестоносцам удалось овладеть Константинополем. Император Алексей V Дука Мурзуфл, боясь быть захваченным и «попасть, — по выражению Никиты Хониата, — в виде лакомого блюда или десерта в зубы латинян», бежал. Константинополь перешел в руки крестоносцев. Столица Византийской империи, по словам английского историка

Бейнса⁴², «пала, будучи осажденной криминальной флибустьерской экспедицией, каковым являлся Четвертый крестовый поход».

По взятии города латиняне произвели в течение трех дней невероятный разгром и расхищение всего того, что веками собиралось в Константинополе. Ни церкви, ни церковные святыни, ни памятники искусства, ни частная собственность не были пощажены. В грабеже участвовали как западные рыцари и их солдаты, так и латинские монахи и аббаты.

Никита Хониат, непосредственный свидетель завоевания Константинополя, дал впечатляющую картину грабежей, насилий, святотатств и разорений, учиненных крестоносцами в столице империи: даже мусульмане были более милосердны к христианам после взятия Иерусалима, чем эти люди, которые утверждали, что являются солдатами Христа. Еще одно впечатляющее описание разграбления Константинополя крестоносцами принадлежит перу другого непосредственного свидетеля событий, Николаю Месариту⁴³, митрополиту Эфесскому. Оно приведено в надгробной речи Николая по случаю смерти его старшего брата.

В эти три дня, когда крестоносцам было позволено грабить Константинополь, погибло огромное количество произведений искусства; были разорены библиотеки; уничтожались рукописи. Св. София была безжалостно разграблена. Современник событий Жоффруа Виллардуэн заметил: «Со времени сотворения мира никогда не было в одном городе захвачено столько добычи». Новгородская летопись останавливается особенно на описании ограбления церквей и монастырей. Упоминание о разгроме 1204 года нашло свое место и в русских хронографах.

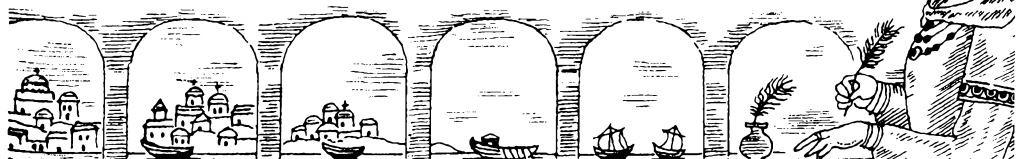
Награбленная добыча была собрана и поделена между латинянами, светскими и духовными. После этого похода вся Западная Европа обогатилась вывезенными константинопольскими сокровищами; редкая западноевропейская церковь не получила чего-либо из «священных останков» Константинополя. Большая часть этих реликвий, оказавшаяся в монастырях Франции, погибла во время французской революции. Четыре бронзовых коня античной работы, служивших одним из лучших украшений константинопольско-

го ипподрома, были увезены дожем Дандоло в Венецию, где они и до сих пор украшают портал собора Св. Марка.

Никита Хониат посвящает павшему городу трогательное и длинное обращение со ссылками на ветхозаветный «Плач Иеремии» и псалмы; начинается обращение такими словами: «О город, город, око всех городов, предмет рассказов во всем мире, зрелище превыше мира, кормилец церквей, вождь веры, путеводитель православия, попечитель просвещения, всякого блага вместилище! И ты испил чашу гнева от руки Господней, и ты сделался жертвой огня, еще более лютого, чем огонь, ниспавший древле на пять городов!» Победителям между тем предстояла трудная задача организовать завоеванные земли. Возник вопрос о том, кто будет императором. Наиболее вероятной казалась кандидатура Бонифация Монферратского, стоявшего, как известно, во главе Крестового похода. Но по-видимому, против его кандидатуры высказался Дандоло, считавший Бонифация слишком могущественным и, по его итальянским владениям, слишком близким к Венеции лицом. Сам Дандоло, как дож Венеции, то есть республики, не претендовал на императорскую корону. Тогда собравшийся совет остановил свой выбор, не без влияния со стороны Дандоло, на более далеком от Венеции и менее могущественном Балдуине Фландрском, который был избран императором и торжественно коронован в Св. Софии.

В момент восшествия на престол Балдуина были живы еще три греческих императора: Алексей III Ангел, Алексей V Дука Мурзуфл и Феодор Ласкарь, основавший империю в Никее.

После избрания императора победители занялись делом завоеванных земель между участниками похода. Деление «Романии», как латиняне и греки часто называли Восточную империю, было произведено в общем на основах выработанных в марте 1204 года условий. Константинополь был поделен между Балдуином и Дандоло, причем $\frac{5}{8}$ города получил император, а остальные $\frac{3}{8}$ и в придачу Св. Софию получила Венеция. Кроме $\frac{5}{8}$ столицы Балдуин получил Южную Фракию и небольшую часть Северо-Западной Малой Азии, прилегающую к Босфору, Мраморному мо-

рю и Геллеспонту, с некоторыми островами в Эгейском море — Лесбосом, Хиосом, Самосом и другими. Таким образом, оба берега Босфора и Геллеспонта вошли в состав владений Балдуина. Бонифаций Монферратский получил вместо предназначенных владений в Малой Азии Фессалонику с окружающей областью и частью Фессалии и основал Фессалоникийское королевство, находившееся в ленной зависимости от Балдуина.

Исключительные выгоды извлекла из дележа «Романии» Венеция, получившая некоторые пункты на Адриатическом побережье, в том числе Диррахий, ионийские острова, большую часть островов Эгейского моря, некоторые пункты в Пелопоннесе, остров Крит, часть гаваней во Фракии с Галлиполи на Геллеспонте и ряд пунктов внутри Фракии. Дандоло получил, по всей вероятности, византийский титул «деспота»; он был освобожден от вассальской присяги Балдуину и назывался «властителем четверти с половиной всей империи Романии» (*quartae partis et dimidiaie totius imperii Romanie dominator*); последний титул оставался за дожами до середины XIV века. Согласно договору, храм Св. Софии был отдан в руки венецианского духовенства, и константинопольским патриархом — патриархом латинским — был избран венецианец Фома Морозини, внешний облик которого в весьма злых выражениях описан у Никиты Хониата, убежденного сторонника греко-восточной православной церкви.

По приобретениям, осуществленным Венецией, видно, что она заняла в новой Латинской империи, весьма слабой по сравнению с могущественной республикой, господствующее положение. В руки республики св. Марка перешла лучшая часть византийских владений: лучшие гавани, наиболее важные стратегические пункты, ряд плодородных местностей; весь морской путь из Венеции в Константинополь был во власти республики. Четвертый крестовый поход, создавший «колониальную империю» Венеции на Востоке, дал ей неисчислимые торговые выгоды и возвел республику на высшую ступень ее политического и экономического могущества. Это была полная победа тонкой, продуманной и эгоистически патриотичной политики дожа Дандоло.

Латинская империя была основана на феодальных началах. Завоеванная территория была разделена императором на большое число более или менее крупных феодалов, владельцы которых, западные рыцари, должны были принести ленную присягу константинопольскому императору.

Бонифаций Монферратский, ставший королем Фессалоникийским, двинулся через Фессалию походом на юг в Грецию и завоевал Афины. Афины в Средние века были заглушим, провинциальным городом, где на Акрополе, в древнем Парфеноне, находился православный собор в честь Девы Марии. Во время латинского завоевания в начале XIII века афинским архиепископом был уже около тридцати лет знаменитый Михаил Хониа́т, брат историка Никиты Хониа́та, оставивший нам богатое литературное наследство в виде речей, стихов, писем, которые дают богатый материал для внутренней истории империи во времена Комнинов и Ангелов и о состоянии Аттики и Афин в Средние века. Эти провинции в произведениях Михаила изображаются в очень мрачном свете, с варварским населением, может быть славянским, и с варварской речью около Афин, с запустением Аттики и с беднотой ее населения. «Живя долго в Афинах, я сделался варваром», — писал он и сравнивал иногда город Перикла с Тартаром. Усердный печальник средневековых Афин, так много посвятивший времени и труда своей захудалой пастве, Михаил, видя невозможность сопротивляться войскам Бонифация, удалился из своей митрополии, уступив свое место латинскому епископу, и конец жизни провел на небольшом островке Кеосе, около берегов Аттики, где в 1220 году умер и был погребен. Латиняне завоевали Афины, которые вместе с Фивами были переданы Бонифацием на ленных условиях бургундскому рыцарю Отто де ля Рошу, получившему титул герцога Афин и Фив. Собор на Акрополе перешел в руки латинского духовенства.

В то время как в Средней Греции основалось Афино-Фиванское герцогство, в Южной Греции, то есть в древнем Пелопоннесе, который часто назывался загадочным по своему этимологическому происхождению наименованием Мореи, образовалось Княжество Ахайское, обязанное своим устройством французам.

Жоффруа Виллардуэн, племянник известного историка, услышав у берегов Сирии о взятии Константинополя крестоносцами, поспешил туда, но коль скоро ветер отнес его к южным берегам Пелопоннеса, он высадился там и покорила часть страны. Однако, чувствуя, что собственными силами ему там не удержаться, он обратился за помощью к находившемуся в Аттике Бонифацию. Последний даровал право завоевания Мореи одному из своих рыцарей, французу Гийому Шамплитту из рода шампанских графов, который вместе с Виллардуэном в два года подчинил всю страну. Византийский Пелопоннес, таким образом, в начале XIII века превратился во французское Княжество Ахайское с князем Гийомом во главе, разделенное на двенадцать бароний и получившее западноевропейское феодальное устройство. После Гийома княжеская власть перешла на некоторое время к фамилии Виллардуэнов. Двор ахайского князя отличался великолесием и, по словам Марино Сануто⁴⁴, «казался более великим, чем двор какого-нибудь большого короля». По свидетельству хрониста Рамона Мунтанера⁴⁵, «там говорили так же хорошо по-французски, как в Париже». Лет двадцать спустя после образования на византийской территории латинских феодальных государств и владений папа Гонорий III говорил о создании на Востоке «как бы новой Франции» (*ibique noviter quasi nova Francia est creata*).

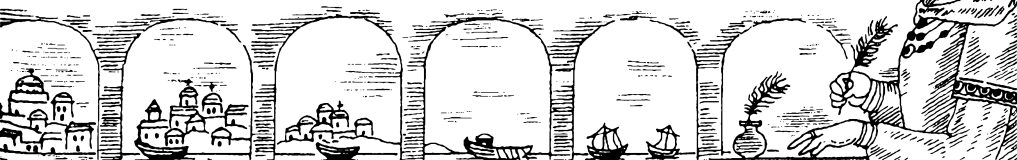
Пелопоннесские феодалы строили укрепленные замки с башнями и стенами по западноевропейскому образцу, из которых наиболее известна Мистра, на уступах Тайгета, в древней Лаконии, недалеко от античной Спарты. Это величественное средневековое феодальное сооружение, сделавшееся со второй половины XIII века столицей греко-византийских деспотов в Пелопоннесе, которые отвоевали Мистру у франков, еще и в настоящее время поражает ученых и туристов грандиозностью своих полуразвалившихся зданий, являя собой одно из редчайших зрелищ Европы, и хранит в своих церквах в неприкосновенности драгоценные фрески XIV–XV веков, имеющие в высшей степени важное значение для истории византийского искусства эпохи Палеологов. На западной оконечности полуострова был сильный укрепленный замок Клермон, или

Хлумутци, сохранявшийся до двадцатых годов XIX века, когда он был разрушен турками. Об этом замке греческий хронист писал, что если бы франки потеряли Морею, то обладания одним лишь Клермоном было достаточно для того, чтобы снова завоевать весь полуостров. Было немало и других замков.

В Пелопоннесе франки не смогли прочно укрепиться лишь на среднем из его южных полуостровов, где, несмотря на два построенных ими укрепленных замка, жившие в горах славяне (племя мелингов) оказывали упорное сопротивление и почти никогда не находились в полном подчинении у западных рыцарей. Греки же Мореи, по крайней мере большинство из них, могли видеть во власти франков приятное освобождение от финансового гнета византийского правительства.

На юге Пелопоннеса Венеция владела двумя важными портами, Модоном и Короном, которые представляли собой превосходные укрытия для венецианских судов на их пути на Восток и позволяли контролировать морскую торговлю Леванта, — это были, по выражению официального документа, который приводит Гопф, два «главных глаза коммун».

О времени латинского владычества в Пелопоннесе, помимо других источников, сообщает много интереснейшего материала так называемая Морейская хроника (XIV века), дошедшая до нас в различных версиях: греческой (стихотворной), французской, итальянской и испанской. Если со стороны точности изложения фактического материала Морейская хроника и не может быть поставлена на одно из первых мест среди других источников, то для ознакомления с внутренним укладом жизни в эпоху франкского владычества в Пелопоннесе, с феодальными отношениями в стране, с учреждениями, с общественной и частной жизнью и, наконец, с географией Морей в ту эпоху этот источник дает массу драгоценного материала. Этот редкий по богатству и разнообразию содержания источник, рассказывающий об эпохе, когда греко-византийский и западный феодальный элементы слились и создали в высшей степени любопытные условия жизни, заслуживает особого внимания.

Интересно, что франкское владычество в Морее, как полагают некоторые ученые и, вероятно, сама Морейская хроника, оказало влияние на Гете, который в третьем акте второй части своего «Фауста» будто бы переносит действие в Спарту, где развивается история любви Фауста и Елены. Сам Фауст представлен здесь как бы в виде окруженного феодалами князя покоренного Пелопоннеса; характер его правления несколько напоминает одного из Виллардуэнов в изображении Морейской хроники. В беседе между Мефистофелем в образе Форкиады и Еленой, без сомнения, говорится о Мистре, построенной именно в годы латинского владычества в Морее:

Была долина столько лет покинута
Меж Спартой с юга и Тайгетом с севера,
Откуда ручейком Эврот спускается
И, в камышах разлившись, лебедей ютит,
Что там обосновалось племя смелое,
Горсть северян, страны полночной выходцы.
Построив замок, в нем они запрятались
И правят краем всем из этой крепости...

Перевод Б. Пастернака

Несколько ниже дается описание этого замка с колоннами, колонками, сводами, террасами, галереями, гербами в виде типичного средневекового замка. По-видимому, все это место трагедии написано под влиянием Морейской хроники.

Взятие крестоносцами Константинополя и образование Латинской империи поставили папу в трудное положение. Будучи против изменения пути Крестового похода и предав отлучению рыцарей и венецианцев после захвата Зары, Иннокентий III после падения столицы Византийской империи оказался лицом к лицу с совершившимся фактом.

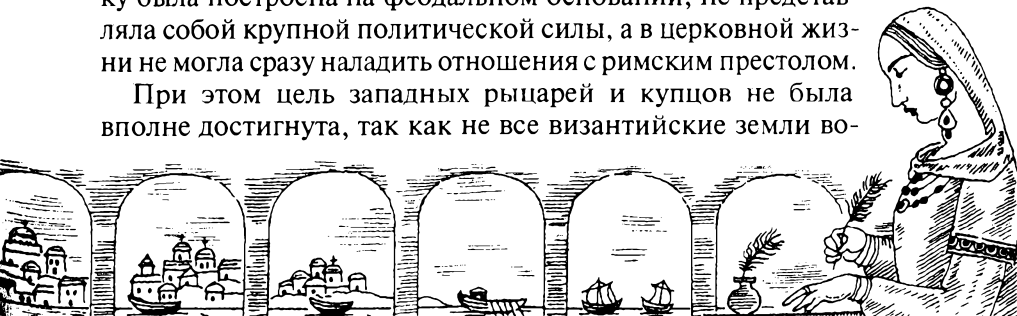
В своем ответе на письмо императора Балдуина, который, называя себя «Божьей милостью Константинопольским императором и присно Августом», а также «папским вассалом», сообщил папе о взятии византийской столицы и о своем избрании, Иннокентий III, совершенно забыв о своем прежнем отношении к этому вопросу, «радуется

в Господе» содеянному чуду «для хвалы и славы Его имени, для чести и пользы апостольского престола и для выгоды и возвеличения христианского народа». Папа призывает все духовенство, всех государей и народы защищать дело Балдуина и выражает надежду, что со взятием Константинопольской империи станет легче отвоевание Святой земли из рук неверных; в конце письма папа убеждает Балдуина быть верным и покорным сыном католической церкви. В другом письме папа пишет: «...Конечно, хотя нам приятно, что Константинополь вернулся к повиновению своей матери, святой Римской церкви, однако нам было бы приятнее, если бы Иерусалим был возвращен под власть христианского народа».

Но настроение папы изменилось, когда он подробнее ознакомился с ужасами разгрома Константинополя и с содержанием договора о дележе империи. Договор носил чисто светский характер с ясной тенденцией ограничить вмешательство церкви. Балдуин не просил у папы об утверждении своего вышешеприведенного императорского титула; Балдуин и Дандоло самостоятельно решили вопрос о Св. Софии, о выборе патриарха, о духовных имуществах и т. д. Во время же разграбления Константинополя подверглись поруганию и осквернению церкви, монастыри и целый ряд высокопочитаемых святынь. Все это вызвало в душе папы тревогу и недовольство крестоносцами. «Вы, — писал он в послании к маркграфу Монферратскому, — не имея права и власти над греками, по-видимому, опрометчиво уклонились от чистоты вашего обета, когда двинулись не против сарацин, а против христиан, стремясь не к отвоеванию Иерусалима, но к занятию Константинополя, предпочитая земные богатства богатствам небесным. Но гораздо важнее является то, что некоторые (из крестоносцев) не пощадили ни веры, ни возраста, ни пола...»

Таким образом, Латинская империя на Востоке, поскольку была построена на феодальном основании, не представляла собой крупной политической силы, а в церковной жизни не могла сразу наладить отношения с римским престолом.

При этом цель западных рыцарей и купцов не была вполне достигнута, так как не все византийские земли во-

шли в состав новых латинских владений на Востоке. После 1204 года остались три независимых греческих государства. Самым крупным самостоятельным греческим центром и самым опасным соперником Латинской империи была Никейская империя с династией Ласкарей в западной части Малой Азии, лежавшая между малоазиатскими владениями латинян и землями Иконийского султаната и владевшая частью побережья Эгейского моря. В западной части Балканского полуострова, в Эпире, образовался Эпирский деспотат под управлением династии Комнинов — Ангелов. Наконце, на далеком юго-восточном побережье Черного моря в 1204 году образовалась Трапезундская империя с династией «Великих Комнинов». Если латиняне не достигли на Востоке политического единства, то они одинаково не достигли и единства религиозного, так как три вышеназванных греческих государства остались верными заветам греко-восточной церкви, то есть, с точки зрения папы, были схизматическими; особенно неприятна для папского престола была Никея, где греческий епископ, несколько не считаясь с пребыванием латинского патриарха в Константинополе, назывался Константинопольским патриархом. Кроме того, и греки Латинской империи, несмотря на политическое подчинение латинянам, не принимали католичества. Военная оккупация страны не знаменовала еще собой церковной унии.

13. Церковь при Комнинах и Ангелах

Церковная жизнь Византии во время Комнинов и Ангелов вызывает интерес, во-первых, при взгляде на отношения между церковью и государством и, во-вторых, когда речь заходит об отношении Восточной церкви к Западной.

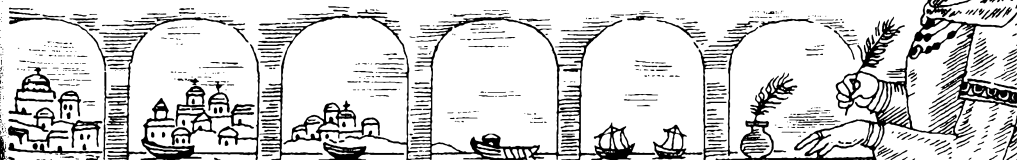
В одной из редакций «Истории» Никиты Хониата содержатся такие слова Исаака Ангела: «На земле нет никакого различия во власти между Богом и императором; царям все позволительно делать и можно нераздельно употреблять Божие со своим, так как они получили царскую власть от

Бога и между Богом и ими нет расстояния». Тот же писатель, говоря о церковной деятельности Мануила Комнина, изрекает общее суждение о византийских императорах, которые считают себя «непогрешимыми судьями дел божеских и человеческих». Эту точку зрения поддерживали во второй половине XII века и духовные лица. Известный греческий канонист и комментатор так называемого Псевдо-Фотиева Номоканона (канонического сборника XIV века) антиохийский патриарх Феодор Вальсамон, живший при последних Комнинах и первом Ангеле, писал: «Императоры и патриархи должны быть уважаемы, как учителя (церкви), ради силы святого помазания. Отсюда-то происходит власть правоверных императоров наставлять христианский народ и, подобно священникам, приносить Богу воскурение... Мошь и деятельность императоров касаются тела и души (человека), тогда как мошь и деятельность патриарха касаются только одной души». Тот же автор заявляет: «Император не является субъектом ни законов, ни канонов».

Первые два Комнина, являясь вообще защитниками восточной православной веры, тем не менее соглашались, под давлением политических причин, на некоторые уступки в пользу католической церкви. Третий же Комнин, Мануил, уже слишком усердно приносил интересы Восточной церкви в жертву своей несбыточной западной политике.

Во внутренней церковной жизни империи главное внимание государей было обращено на борьбу с догматическими заблуждениями и еретическими движениями. Одна сторона в церковной жизни смущала императоров — чрезмерный рост церковного и монастырского имущества, против чего правительство и принимало время от времени соответствующие меры.

Алексей Комнин для нужд государственной обороны и для вознаграждения лиц, помогших ему овладеть престолом, конфисковал часть монастырских имений и перечеканил в деньги некоторые церковные сосуды. Однако, уступая возникшему вследствие этого недовольству, император возвратил церквям стоимость взятых сосудов и осудил свое поведение специальной новеллой «О неупотреблении священных сосудов на общественные надобности». Дальше

него пошел Мануил — восстановлением отмененной новеллы 964 года императора Никифора Фоки он положил предел дальнейшему увеличению церковной и монастырской собственности, хотя затем вынужден был по возможности смягчать суровые для духовенства последствия данного распоряжения.

Непорядки и моральный упадок в духовном сословии тревожили сердце Алексея Комнина, который в одной из своих новелл объявлял, что «христианская вера подвергается опасности, так как церковный чин с каждым днем приходит все в худшее состояние», и намечал целый ряд мер для поднятия нравственного значения духовенства. Далеко не всегда, однако, императору удавалось проводить свои благие начинания в жизнь.

Выступая иногда против чрезмерного увеличения церковной собственности, Комнины в то же время являлись нередко покровителями и основателями монастырей.

При Алексее Афонская гора была объявлена свободной до скончания века от всяких податей и других притеснений, причем указывалось, что «гражданские чиновники не должны иметь никаких сношений со Св. Горой». Как и прежде, Афон не зависел ни от какого епископа — прот, то есть председатель совета игуменов афонских монастырей, рукополагался самим императором, и, таким образом, Афон находился в прямой зависимости от самого государя. При Мануиле русские, жившие уже раньше на Афоне и имевшие там небольшой монастырь, получили по постановлению протата (совета игуменов) обитель Пантелеймона⁴⁶.

Тот же император Алексей Комнин помог монаху Христодулу основать на острове Патмос, где, по преданию, Иоанн Богослов написал Апокалипсис, монастырь во имя этого святого. Изданным по этому делу хрисовулом император подарил означенный остров Христодулу в вечную, неотъемлемую собственность, освободил его от всяких налогов и запретил доступ на остров всяким государственным чиновникам. Строжайший режим жизни был введен в монастыре. По словам Ф. Шаландона, «остров Патмос сделался маленькою религиозною, почти независимую республикой, где могли жить одни монахи». Но атаки сельджуков

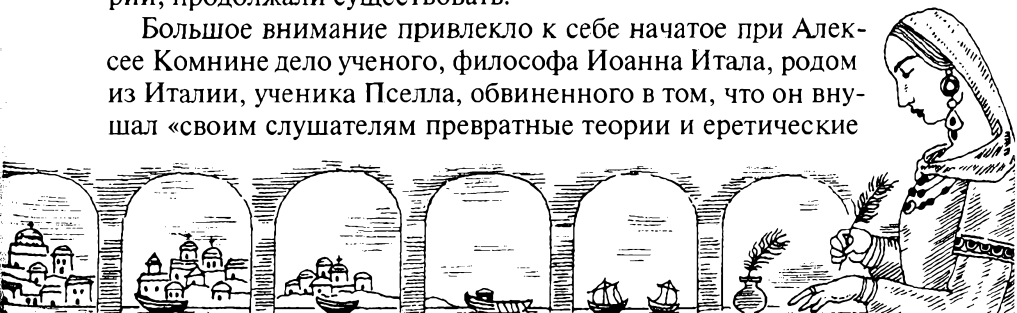
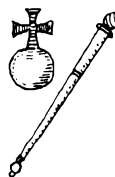
заставили Христула покинуть Патмос и искать спасения на Эвбее, где Христул и умер в конце XI века.

Иоанн Комнин построил в Константинополе монастырь Вседержителя (Пантократора) и учредил при нем для бедных мирян в высшей степени благоустроенную больницу на пятьдесят кроватей, внутреннее устройство которой, подробно описанное в опубликованном по этому делу императором уставе (типиконе), являет собой пример «может быть, самого трогательного, что история сохранила насчет гуманитарных понятий в византийском обществе» (Успенский).

Интеллектуальная жизнь времени Комнинов отличалась усиленной деятельностью. Некоторые ученые называют даже эту эпоху временем эллинского возрождения, подготовленного такими выдающимися людьми империи, как, например, ученый, автор философских и исторических трудов Михаил Пселл. Это умственное оживление выразилось при Комнинах, между прочим, в появлении различных еретических учений и догматических заблуждений, с которыми императоры, как защитники истинной веры, должны были неминуемо вступить в борьбу. Эта черта эпохи Комнинов нашла отражение в перечне еретических имен и противощерковных учений, который ежегодно читается в Восточной церкви в праздник Торжества православия, когда еретики и противощерковные учения предаются анафеме. Значительное число упоминаемых отреченных имен и учений относится именно ко времени Алексея и Мануила Комнинов.

Главная борьба Алексея была направлена против павликиан и богомилов, утвердившихся, как уже говорилось выше, на Балканском полуострове, особенно в округе Филиппополя. Однако ни преследования еретиков, ни организованные императором публичные прения с ними, ни сожжение главы богомильского учения монаха Василия не привели к истреблению противощерковных учений, которые, не имея, правда, большого распространения в империи, продолжали существовать.

Большое внимание привлекло к себе начатое при Алексее Комнине дело ученого, философа Иоанна Итала, родом из Италии, ученика Пселла, обвиненного в том, что он внушал «своим слушателям превратные теории и еретические

мнения, осужденные церковью и противные Священному Писанию и преданию Отцов Церкви, что он не чтит святых икон» и т. д. Делопроизводство по обвинению Иоанна Итала в ереси, описанное Ф. И. Успенским, открывает интересную страницу в интеллектуальной жизни эпохи первого Комнина. На соборе, разбиравшем дело Итала, в его лице предстал не только еретик, проповедовавший опасное для церкви учение, но и профессор высшей школы, преподававший науку людям зрелого возраста, находившийся под влиянием идей Аристотеля, отчасти Платона и других философов. В суд было вызвано также несколько его учеников. Разобрав мнения Итала, собор признал их соблазнительными и еретическими. Патриарх, которому для наставления в истине был передан Итал, сам сделался, к великому соблазну для церкви и народа, последователем его учения. По приказанию императора был составлен тогда список заблуждений Итала. В конце концов одиннадцать пунктов его учения, признанных еретическими, и сам еретик были преданы анафеме.

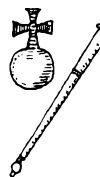
В то время, когда, по словам Ф. И. Успенского, «свобода философского мышления была ограничена высшим авторитетом Священного Писания и святоотеческих творений», Итал, по мнению Безобразова⁴⁷, «считал возможным отдавать в иных вопросах предпочтение языческой философии перед церковным учением», «разграничивал области богословия и философии и допускал возможность держаться самостоятельных взглядов в той и другой области». Наконец, в связи с делом Итала Н. Я. Марр⁴⁸ ставит «важнейший культурно-исторический вопрос: стояли ли инициаторы суда над Италом на высоте его научного развития, требовавшего разграничения области философии от богословия, и осудив мыслителя за вторжение в теологию, предоставили ли ему свободу чисто философского мышления?» Ответ на этот вопрос, конечно, отрицательный. В то время такая свобода была невозможна. Однако Итала нужно оценивать не только как теолога. «Он был философом, который был осужден из-за того, что его философская система не соответствовала доктрине церкви» (Шаландон).

Во внешних церковных делах время трех первых Комнинов представляет собой эпоху оживленных сношений с па-

пами и Западной церковью. Главной причиной этих сношений, как мы уже видели выше на примере обращения императора Михаила VII Параспинака к папе Григорию VII, является опасность, грозившая Византии со стороны внешних врагов, турок и печенегов, и заставлявшая императоров искать помощи на Западе, хотя бы ценою соединения церквей. Таким образом, стремление Комнинов к заключению унии с Римской церковью объясняется чисто внешними политическими причинами.

В самые тяжелые для Византии годы, то есть в конце восьмидесятых и в начале девяностых годов XI столетия, Алексей Комнин подал папе Урбану II руку примирения и соглашения, предлагая ему созвать собор в Константинополе для обсуждения вопроса об опресноках и других предметах, которые разделяли обе церкви. К этому времени, вероятно, относится сочинение Феофилакта Болгарского «О заблуждениях латинян», в котором В. Г. Васильевский видит знамение времени. Основная тема сочинения Феофилакта в высшей степени знаменательна. Автор не одобряет общепринятого мнения о разделении церквей, не находит, что ошибки латинян были многочисленны и делали церковное разделение неизбежным. Он высказывается против духа богословской нетерпимости и высокомерия, которое господствовало среди его ученых современников. Одним словом, Феофилакт в целом ряде пунктов был готов идти на разумные уступки.

Однако критическое положение империи и затруднения, постигшие Урбана II в Риме, где был выставлен ему антипапа, помешали созыву предполагаемого собора. Случившийся через несколько лет после этого Первый крестовый поход и вспыхнувшие между греками и крестоносцами распри и взаимное недоверие не могли содействовать сближению между церквами. При Иоанне Комнине переговоры между императором и папами Калликстом II и Горнорием II об унии продолжались. Существуют два письма Иоанна, адресованные этим папам. Папские посланники прибыли в Константинополь со всеми полномочиями для ведения переговоров, однако каких-либо ощутимых результатов достичь не удалось. При этом латиняне с Запада при-

нимали участие в теологических диспутах в Константинополе. Немец Ансельм из Хавельберга, который писал около 1150 года, оставил весьма интересное сообщение о диспуте, происходившем перед Иоанном Комнином в 1136 году: «Там присутствовало немалое число латинян, и среди них три мудрых человека, сведущих в обоих языках и весьма ученых в писании: Яков венецианец, пизанец Бургундио и третий, наиболее знаменитый среди и греков и латинян своими познаниями в обеих литературах, — итальянец из города Бергамо по имени Моисей. Он был выбран обеими сторонами как заслуживающий доверия переводчик».

Отношения с папским престолом стали более активными при латинофильском преемнике Иоанна Мануиле. Последний, исполненный надежд на восстановление единой Римской империи и желавший получить императорскую корону из рук Римского Папы, предлагал римскому престолу унию. Отсюда видно, что основанием переговоров об унии были чисто политические расчеты. Немецкий историк Норден отмечает: «Комнины думали при помощи папства подняться до господства над Западом и вместе с тем и над самим папством; папы же мечтали при поддержке Комнинов стать господами Византийской церкви и вместе с тем Византийской империи».

Мануил находился в переписке с несколькими папами начиная со Второго крестового похода. Папы также готовы были протянуть императору дружественную руку, особенно Адриан IV, находившийся в ссоре с королем сицилийским и недовольный недавно коронованным императором Фридрихом Барбароссой. В своем послании к архиепископу Василию Солунскому папа Адриан IV выражает желание «содействовать приведению всех чад к единению церкви», сравнивает Восточную церковь с потерянной драхмой, заблудшею овцой и умершим Лазарем.

Несколько позднее Мануил через своего посланца формально предложил папе Александру III соединение церквей, если только папа возвратит ему корону Римской империи, которой не по праву владеет германский государь Фридрих; в случае, если для достижения этого плана папе понадобятся деньги и военная помощь, то Мануил доставит их ему

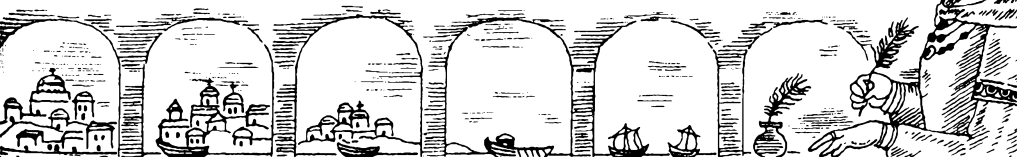
в изобилии. Но Александр III, дела которого в это время в Италии несколько поправились, ответил на это предложение Мануила отказом.

Созванный в столице императором собор должен был, уничтожив разного рода неудовольствия между латинянами и греками, изыскать те или иные способы к соединению церквей. Мануил употреблял все старания, чтобы склонить патриарха к уступкам. До нас дошел «разговор» на соборе Мануила с патриархом, очень интересный для характеристики воззрений обоих. Патриарх дает папе название «воняющего нечестием» и предпочитает иго агарян (то есть мусульман) игу латинян. Последнее выражение патриарха, отражавшее, очевидно, определенное церковное и общественное настроение эпохи, будет не раз повторяться в будущем, например в XV веке, в момент уже падения Византии. Мануил должен был уступить и объявил, что он будет удаляться от латинян, «как от змеиного яда». Соборные рассуждения, таким образом, ни к какому соглашению не привели. Было даже решено порвать всякую связь с папой и его единомышленниками.

Итак, Мануил как в светской, внешней политике, так и в церковной потерпел полную неудачу. Причина этого заключается в том, что политика императора в обеих областях была лишь личной его политикой, не имевшей под собой никакой реальной почвы: восстановление единой империи было уже давно невозможно и униатские стремления Мануила не находили никакого отклика в народных массах.

В последнее смутное пятилетие правления Комнинов (1180—1185), особенно при Андронике I, церковные интересы были поглощены сложными условиями внешней и внутренней жизни, о которых мы уже знаем. Во всяком случае, Андроник, как противник латинофильства своих предшественников, не мог быть, насколько, конечно, можно судить на основании его бурного и краткого царствования, сторонником унии с Западной церковью. Он сурово расправился с константинопольским патриархом и не допускал споров по вопросам веры.

Смутное в политическом отношении время Ангелов отличалось таким же характером и в церковной жизни, в ко-

торой императоры этого дома чувствовали себя хозяевами. Исаак, первый из Ангелов, самовольно смещал с престола одного за другим константинопольских патриархов.

При Ангелах в Византии разгорелся жаркий богословский спор о евхаристии, в котором принимал участие сам император. По словам Никиты Хониата, вопрос шел о том, «Святое тело Христово, которого мы приобщаемся, так ли нетленно, каким оно стало после страданий и воскресения, или тленно, каким оно было до страданий». Другими словами, «приемлемая нами евхаристия подлежит ли обычным физиологическим процессам, каким подвергается всякая вкушаемая человеком пища, или же не подчиняется этим физиологическим процессам?». Алексей Ангел встал на защиту «дерзновенно поруганной» истины и поддержал учение о «нетленности» приемлемой нами евхаристии.

Появление подобного спора в Византии в конце XII века может быть объяснено западными влияниями, столь сильными в эпоху Крестовых походов на христианском Востоке. Как известно, эти споры начались на Западе уже давно; еще в IX веке там были люди, учившие, что принимаемая нами евхаристия подлежит тем же процессам, как и обыкновенная пища.

Что касается отношения Ангелов и папы, то мы уже знаем, что папа главным образом руководствовался в них политическими интересами, имея одновременно, конечно, и цель побудить Восточную церковь к унии. Этот план папы успеха не имел. Сложная же международная политика, особенно перед Четвертым крестовым походом, когда в решении византийского вопроса главную роль мог сыграть германский государь, наиболее опасный враг для папства, явилась причиной того, что папа всячески старался поддерживать «схизматического» восточного императора, хотя бы и узурпатора, каким был Алексей III, свергнувший своего брата Исаака. О затруднительном положении Иннокентия III во время Четвертого похода, когда глава католической церкви, выступивший сначала столь энергично против изменения пути похода, мало-помалу вынужден был изменить свое мнение и признать в почти беспримерном по вар-

варству разгроме Константинополя латинянами соизволение Божие, речь была выше.

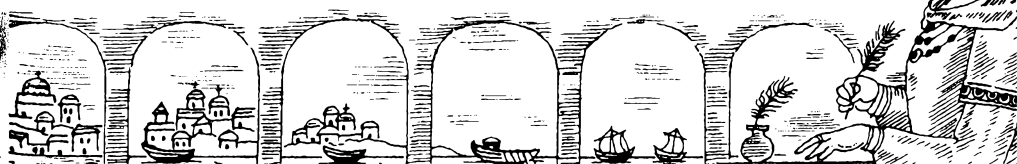
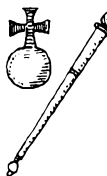
Подводя итоги, можно сказать, что религиозная жизнь при Комнинах и Ангелах, период в 123 года (1081—1204), отличалась исключительной интенсивностью и оживлением во внешних связях и противоречивыми процессами. Без сомнения, с точки зрения религиозных проблем эта эпоха представляет большое значение и живейший интерес.

14. Внутреннее управление

Финансовые и социальные обстоятельства

В качестве самого общего утверждения можно сказать, что внутренняя ситуация в Византийской империи и административная система в течение XII века менялись мало. В то время как история Византийской церкви при Комнинах и Ангелах более или менее полно изучена, совершенно иная ситуация наблюдается в вопросах внутренней социальной и экономической жизни. Если внутренняя история Византии вообще разработана неудовлетворительно, то это особенно дает себя знать начиная с эпохи Комнинов. Исследователь эпохи Комнинов, французский византист Ф. Шаландон, автор двух подробных монографий о первых трех Комнинах, надеявшийся в будущем дать опыт истории византийской цивилизации в XII веке, коснулся в изданных томах этих вопросов лишь вкратце, рассчитывая возвратиться к ним в следующем томе, который должен был быть посвящен последним двум Комнинам. Однако Ф. Шаландон умер, не оставив продолжения своего труда, в котором вопросы внутренней жизни Византии в XII веке должны были быть рассмотрены во всем объеме.

Являясь представителем крупной землевладельческой аристократии, Алексей Комнин сделался императором государства, финансы которого было в высшей степени расстроены как многочисленными военными предприятиями,

так и внутренними смутами предшествовавшего времени. Из-за этого Алексей должен был, особенно в начале своего правления, вознаграждать своих сторонников, которые могли ему утвердиться на престоле, и одарять богатыми пожалованиями членов своей фамилии. Напряженные войны с турками, печенегами, норманнами и события, связанные с Первым крестовым походом, также требовали громадных расходов. Средством для пополнения казны Алексею Комнину послужили земельные владения крупных собственников и монастырей.

Насколько мы можем судить по отрывочным сведениям источников, Алексей не стеснялся конфисковывать владения крупных собственников; даже в случае политических заговоров обычная за это смертная казнь заменялась конфискацией земли. Подобной же участи подвергались монастырские владения, которые в виде пожалования (по-гречески «харистикии») отдавались в пожизненное владение какому-нибудь лицу, которое называлось после этого харистикарием.

Харистикарная система не является изобретением Комнинов, которые только, может быть, чаще других, ввиду финансовых затруднений, стали к ней прибегать. В X и XI веках харистикарный способ применялся чуть ли не повсеместно. Монастыри жаловались лицам духовным и светским, даже женщинам; причем случалось, что мужские монастыри отдавались женщинам, а женские — мужчинам. Харистикарий должен был защищать интересы пожалованного ему монастыря, ограждать его от произвола губернатора и сборщиков податей, от незаконных поборов и умело вести монастырское хозяйство, обращая в свою пользу остающиеся от этого доходы. Конечно, в действительности дело обстояло так, что монастырские пожалования являлись для харистикария источником лишь доходов и наживы, вследствие чего монастырское хозяйство приходило в упадок. Во всяком случае, харистикии были весьма выгодной статьей для получателей, и византийские сановники их усердно добивались.

Но конфискации земель оказалось недостаточно для оздоровления финансов, и Алексей Комнин прибегнул к наиболее, может быть, ненавистной финансовой мере, а именно к «порче» монеты, то есть к выпуску низкопробной монеты,

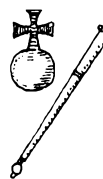

за что источники особенно сильно его упрекают. Последняя мера сводилась к тому, что Алексей, наряду с прежними полновесными золотыми монетами — номисмами, которые также назывались иперпирами или солидами (по-русски «златницы»), пустил в оборот сплав из меди и золота или серебра и золота, который тоже носил имя номисмы и должен был ходить наравне с последней. Новая номисма по сравнению с прежней, состоявшей из двенадцати серебряных монет, так называемых миллиарисиев, равнялась по ценности всего четырем миллиарисиям, то есть была в три раза дешевле. При этом подати Алексей желал получать хорошей, полноценной монетой. Подобные меры не только не дали положительного эффекта, но еще более ухудшили состояние финансов, а кроме того, они озлобляли население.

Тяжелые внешние обстоятельства и оскудение казны заставляли правительство с крайней суровостью собирать налоги; а так как многие крупные земельные владения, как светские, так и церковные, были освобождены от платежа налогов, то вся тяжесть обложения падала на простой народ, и без того изнемогавший под непосильным бременем налогов. Сборщики податей свирепствовали среди населения — они были, по выражению писателя XI и начала XII века архиепископа Феофилакта Болгарского, «скорее разбойники, чем сборщики, ибо презирали как божеские законы, так и императорские веления».

Благодарное правление Иоанна Комнина несколько поправило государственные финансы. Но следующее правление Мануила снова поставило страну на край финансового банкротства. Нельзя упускать из виду, что в то время население в империи, а следовательно, и число тех, кто платил подати, значительно уменьшилось. Некоторые области Малой Азии были опустошены мусульманскими нашествиями; часть населения была уведена в плен, другая часть спасалась бегством в прибрежные города; эти территории не могли, конечно, платить налоги. Примерно то же самое происходило на Балканском полуострове из-за нападений венгров, сербов и задунайских народностей.

Между тем расходы империи росли. Помимо трат на военные предприятия латинофил Мануил расточал громад-

ные суммы множеству иностранцев, прибывших в Византию по его приглашению, требовал денег на постройки, на поддержание безумной роскоши при дворе и на содержание своих фавориток и фаворитов.

Развитие торговых отношений с западными государствами, особенно с итальянскими городами, должно было, казалось, дать империи новый источник доходов в виде таможенных пошлин, хотя Венеция, самая торговая итальянская республика, по-видимому, была освобождена от всяких пошлин. Но с другой стороны, установившиеся в эпоху Крестовых походов прямые торговые сношения итальянских городов с мусульманским Востоком, идя помимо Византии, лишали последнюю крупных выгод, которые она имела раньше благодаря своему положению посредницы в торговле между Западом и Востоком.

В то время как византийские источники рисуют грустную картину внутренней жизни страны при Мануиле, еврейский путешественник Вениамин Тудельский⁴⁹ (из испанского города Туделы), посетивший Византию в семидесятых годах XII века, то есть при Мануиле, получил совершенно иные впечатления от увиденного. Вениамин писал: «Все греческое царство должно платить государству ежегодную подать, но города настолько полны золота, пурпура и шелка, что таких строений с соответствующим богатством нельзя больше увидеть нигде. Утверждают, что налоги одной столицы приносят ежедневно 20 000 золотых, — сумму, в состав которой входят поступления за торговые помещения, таможенные доходы и т. д. Греки, настоящие обитатели страны, очень богаты золотом и драгоценными камнями; они одеваются в шелк, отделанный золотом, ездят верхом, подобно сыновьям князей. Страна очень обширна, богата плодами; но и хлеб, мясо и вино имеются там в таком изобилии, что никакая другая страна не может похвалиться подобным богатством. Жители сведущи в греческой литературе; одним словом, они живут счастливо, каждый под своим виноградником и фиговым деревом».

В другом месте тот же автор пишет: «Все категории торговцев приезжают сюда из земли Вавилонской, из земли Шинар (Месопотамии. — *А. В.*), из Персии, из Мидии, из

всех земель, подвластных Египту, из империи Руси, из Венгрии, из Печенегии, из Хазарии, из земли Ломбардии и из Сефарада (Испании. — *А. В.*). Это деловой город, и торговцы прибывают туда из всех стран по суше и по морю, и нет другого подобного города, за исключением Багдада, большого города ислама». Однако о том же времени византийский поэт Иоанн Цец (о нем см. далее), пародируя два стиха Гомера (*Илиада*, IV, 437—438), пишет с горечью и возмущением: «Люди, живущие в столице Константина, относятся к расе воров. Они не принадлежат ни к одному народу, ни к одному языку. Это смесь иностранных языков, и это очень плохие люди: критяне, турки, аланы, родосцы, хиосцы... все они — весьма вороватые и развращенные — рассматриваются в Константинополе как святые».

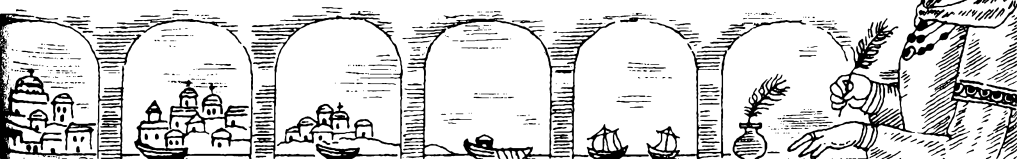

Трудно сказать точно, сколь велико было население столицы Византии в это время. Однако возможно предположить, что в конце XII века оно насчитывало от 800 000 до 1 000 000 человек.

В связи с увеличением крупных земельных владений при Комнинах и Ангелах можно было наблюдать усиление крупных земельных собственников; они становились все менее зависимы от центрального правительства — империя весьма быстро феодализировалась. Имея в виду время последних Комнинов и Исаака II Ангела, Ф. Коньяссо писал: «Феодализм охватывает с этого времени всю империю, и император вынужден бороться с крупными провинциальными сеньорами, которые не всегда соглашались предоставлять солдат с такой же охотой, как та, что была проявлена в случае войны с норманнами... Ввиду того, что равновесие элементов, составлявших социальную и политическую основу империи, было нарушено, аристократия взяла верх, и в конце концов империя попала в ее руки. Монархия оказалась лишенной своей власти и богатства, которые перешли к аристократии». Это ускорило движение империи к катастрофе.

Ко времени Мануила Комнина относится весьма интересный хрисовул, запрещающий передачу — исключая должностных лиц сенаторского или военного ранга — земельной собственности, предоставленной императором.

Если же передача тем не менее происходила, вопреки этому правилу, недвижимая собственность возвращалась в казну. Этот эдикт Мануила, запретивший низшим классам думать о приобретении земельных дарений императора, еще крепче закрепили за аристократией огромные территории. Этот хрисовул был отменен в декабре 1182 года Алексеем II Комнином, и, таким образом, императорские дарения недвижимой собственности могли теперь передаваться кому бы то ни было, безотносительно от его социального положения.

Эдикт был подписан царем-ребенком Алексеем II, однако же, без сомнения, приняли его под давлением всемогущего регента Андроника. Поэтому-то представляется сомнительным мнение некоторых ученых, которые полагают, что запрет Мануила был обращен против франков и имел целью запретить приобретения иностранным торговцам и что соответственно его отмена была франкофильским актом. Действительно, правительство Алексея II и его матери старалось опереться на ненавидимые обществом латинские элементы, но после того, как Андроник вошел в столицу и был провозглашен регентом, положение изменилось. Правительство попало в его руки, и с конца 1182 года его политика по отношению к латинянам была откровенно враждебной.

Последний Комнин Андроник I, чье кратковременное правление стало реакцией на правление Мануила, как мы знаем, выступил под знаменем защитника национальных интересов и мелкого люда против латинофильства Мануила и крупных собственников; при нем положение податных классов заметно улучшилось. Крупные землевладельцы и сборщики податей притихли; областные правители стали получать от казны крупное содержание; продажа общественных должностей прекратилась. Историк Никита Хониат рисует такую идиллическую картину: «Каждый, по слову пророка, спокойно лежал под тенью своих деревьев и, собрав виноград и плоды земли, с удовольствием их ел и приятно спал, не боясь угроз сборщика податей, не думая о хищном и алчном взыскателе повинностей, не боясь, что ограбят его виноград, и не воображая, что украдут его жатву; но кто воздал кесарево кесарю, то с того никто больше ничего не тре-

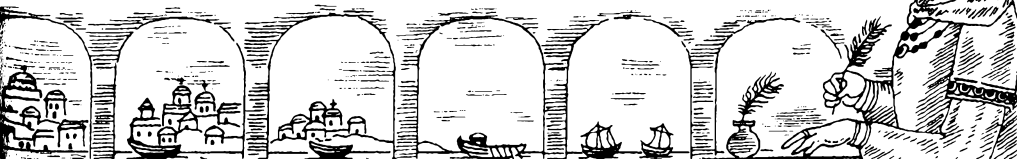
бовал; у того не отнимали, как бывало иногда прежде, последнюю рубашку и насилием не доводили того, как часто бывало, до смерти».

Оборона и торговля

Постоянные войны в эпоху Комнинов стоили правительству громадных средств, и надо заметить, что Комнины заботились об укреплении своей армии. Как известно, в состав ее входили, помимо туземного элемента, поставляемого, фемами, многочисленные наемные отряды самого разного происхождения. Во время Комнинов отмечается новый национальный элемент в войске — англосаксонский.

Причиной появления англосаксов в Византии было завоевание Англии норманнами при Вильгельме Завоевателе в 1066 году. Разразившаяся над Англией после сражения при Гастинге катастрофа создала принципиально новые условия жизни. Попытки восстаний со стороны англосаксов против нового правителя были жестоко подавлены и утоплены в потоках крови. В таких обстоятельствах многие отчаявшиеся англосаксы стали покидать свою родину. В восьмидесятых годах XI века, то есть в начале правления Алексея Комнина, встречаются уже, как заметил английский историк Фриман⁵⁰, автор известного большого труда о покорении норманнами Англии, несомненные признаки англосаксонской эмиграции в греческую империю. Никита Хониат пишет: «Потеряв свободу, англы сильно опечалились... Некоторые из них, сияющие цветом прекрасной юности, направились в отдаленные страны и смело предложили себя на военную службу императора константинопольского Алексея». Это было началом той «варяго-английской дружины», которая в истории Византии XII века играла крупную роль, подобно тому как в X и XI веках играла такую же роль варяго-русская дружина. Никогда, по-видимому, не было такого количества наемного иноземного войска в Византии, как во время латинофильского правления Мануила.

Что касается флота, то морские силы, хорошо организованные Алексеем, по-видимому, постепенно теряли свою

боеспособность, чтобы во время Мануила прийти в упадок. Никита Хониат в своей истории сурово порицает Мануила за разрушение морской мощи империи.

Мануил восстановил некоторое количество имевших военное значение населенных пунктов, которые пришли в состояние упадка. Он, например, укрепил весьма важный, занимающий выгодное стратегическое положение город Атталия (Саталия) на южном берегу Малой Азии. По его приказу были проведены фортификационные работы и возведен мост в Абидосе, при входе в Геллеспонт, где находилась одна из самых важных византийских таможен и где начиная со времени Комнинов венецианцы и их соперники — генуэзцы и пизанцы — имели свои представительства.

Известно, что в XI веке число фем (провинций) доходило до 38. В связи с некоторым изменением территории империи в XI и XII веках, в смысле ее уменьшения, границы фем и их число не могли остаться прежними. Материал для суждения по данному вопросу может быть почерпнут из новеллы Алексея III Ангела от ноября 1198 года, где говорится о торговых привилегиях, дарованных императором Венеции, и где перечисляются «поименно все области, находящиеся под властью Романии, в которых (венецианцы) должны торговать». Этот список дает приблизительное представление об изменениях, которые произошли в провинциальном устройстве империи в XII веке.

Большая часть прежних фем управлялась военными должностными лицами, или стратигами. Позднее, ввиду уменьшения территории, весьма важный и почетный титул стратига, присваиваемый главному должностному лицу фемы, к концу XI века вышел из употребления. При Комнинах титул «стратиг» исчез полностью. Постепенно он был заменен «дуксом» — титулом, который носили в IX веке и ранее наместники некоторых небольших провинций.

В состоянии торговли при Комнинах и Ангелах произошло весьма важное изменение: в результате Крестовых походов Запад и Восток начали устанавливать прямые связи между собой и Византия потеряла роль коммерческого агента ме-

жду ними. Это был тяжелый удар по экономическому могуществу империи.

При этом и в Константинополе, и в некоторых других городах с начала царствования Алексея Комнина господствующее положение себе обеспечила Венеция. Кроме того, весьма важные торговые привилегии в Константинополе получили пизанцы — в числе прочего им выделили отдельное место для причала и специальный квартал с лавками и частными домами. Специальные места были зарезервированы для пизанцев во время богослужений в Св. Софии и на ипподроме на время общественных спектаклей. К концу правления Иоанна Комнина первые переговоры с Византией начали генуэзцы, и совершенно очевидно, что основным пунктом этих переговоров были торговые дела.

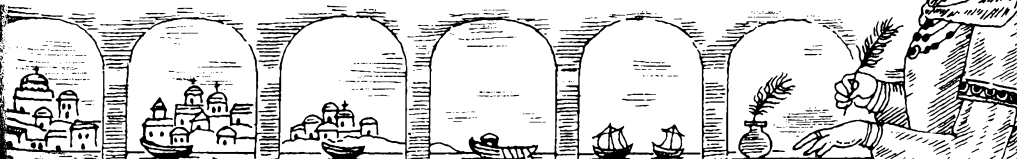
Политика Мануила также была тесно связана с торговыми интересами Венеции, Пизы и Генуи, которые, уменьшая экономическое могущество империи, находились в постоянной торговой конкуренции между собой. В 1169 году Генуя получила исключительно выгодные торговые привилегии по всей империи за исключением двух мест на северных берегах Черного и Азовского морей. Венецианцы, пизанцы и генуэзцы имели свои собственные кварталы не только в столице, но и во многих провинциях империи.

Можно сделать вывод, что к фатальному 1204 году экономика империи сильно ослабела и без особого сопротивления одна за другой сдавала свои позиции инициативным итальянским республикам, первой из которых была Венеция.

15. Просвещение, наука, литература и искусство

Время Македонской династии, как известно, отличалось развитием науки, литературы и просвещения. Деятельность таких лиц, как патриарх Фотий в IX веке, император Константин Багрянородный в X веке и Михаил Пселл в XI веке с окружавшей их культурной элитой, и оживление преоб-

разованной в том же XI веке константинопольской высшей школы создали обстановку, которая способствовала культурному возрождению в эпоху Комнинов и Ангелов. Отличительной чертой того времени является увлечение античной литературой. Гесиод, Гомер, Платон, историки Фукидид и Полибий, ораторы Исократ и Демосфен, греческие трагики, Аристофан и другие видные представители разнообразных областей античной литературы служили предметом изучения и подражания для византийских писателей XII и начала XIII века. Особенно это подражание было заметно в языке, который в чрезмерной погоне за чистотой древней аттической речи сделался искусственным, напыщенным, временами тяжелым для чтения и нелегким для понимания, оторванным от живой разговорной речи. Это была литература людей, которые, по выражению византийца Бьюри⁵¹, «являлись рабами традиции; это было рабство перед благородными образцами, но все же это было рабство».

Впрочем, некоторые из писателей, искушенные в красотах классической речи, не пренебрегали иногда также пользоваться и народной, разговорной речью их времени и оставили нам любопытные памятники живого языка XII века. Писатели эпохи Комнинов и Ангелов ощущали культурное превосходство византийцев над народами Запада, «этими, — по словам источника, — темными и бродячими племенами, большую часть которых Константинополь если не родил, то вырастил и вскормил», «у которых не находит приюта ни одна харита или муза» и для которых приятное пение кажется тем же, что «крик коршунов или карканье вороны» (Никита Хониат).

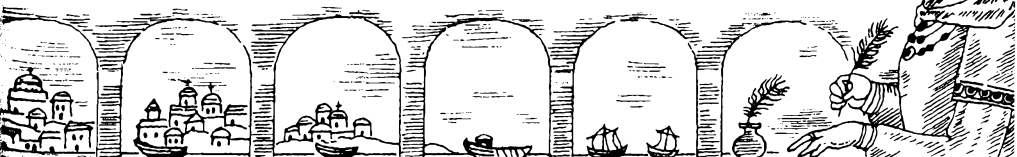
Данная эпоха в области литературы выдвинула целый ряд интересных и выдающихся представителей как в духовной, так и в светской среде. Культурная струя проникла в семью самих Комнинов, из которых многие, подчиняясь влиянию общей атмосферы, уделяли время занятиям наукой и литературой. Мать Алексея I Комнина, высокообразованная и умная Анна Далассина, о которой ее ученая внучка Анна Комнина пишет, что «ее достоинства могли сделать честь не только женщинам, но и мужчинам, и сама она бы-

ла украшением человеческой природы», часто приходила даже к обеденному столу с книгой в руках, не переставая толковать догматические вопросы святоотеческих писателей и особенно философа и мученика Максима⁵². Император Алексей Комнин писал богословские рассуждения против еретиков; кроме того, известны написанные незадолго до смерти ямбическим размером две его «Музы», посвященные сыну и наследнику Иоанну в качестве «увещевания». «Музы» — это своего рода политическое завешание, которое касается не только отвлеченных вопросов морали, но и целого ряда современных исторических событий, например Первого крестового похода.

Дочь Алексея Анна и ее супруг Никифор Вриенний занимают почетное место на страницах византийской историографии. Переживший Алексея и игравший важную роль в государственных делах при нем и при его сыне Иоанне Никифоре Вриенний задался целью написать историю Алексея Комнина. Смерть помешала Никифору выполнить этот план — он успел составить род семейной хроники или мемуаров, имеющих целью показать причины возвышения дома Комнинов, но не довел свое писание даже до вступления Алексея на престол. Подробный рассказ Вриенния охватывает события с 1070 по 1079 год, то есть до начала правления Никифора III Вотаниата, и обращает главное внимание на деятельность членов дома Комнинов, что вводит в изложение черты некоторого пристрастия. Язык Вриенния довольно прост и лишен той искусственной закругленности, которая свойственна, например, его ученой супруге. Из древних образцов у него можно довольно ясно отметить влияние Ксенофонта. Сочинение Вриенния имеет важное значение как для изучения придворной истории, так и для изучения внешнего воздействия на Византию, и прежде всего того, как усиливалась и влияла на умонастроения византийцев турецкая опасность.

Талантливая супруга Вриенния, старшая дочь императора Алексея, Анна Комнина является автором «Алексиады» — этой, по выражению некоторых исследователей, эпической поэмы в прозе, первого значительного памятника литературного возрождения эпохи Комнинов, где царствен-

ная писательница задалась целью дать описание славного правления своего отца, «Великого Алексея, светоча вселенной, солнца Анны». Биограф Анны — Фокс-Джексон⁵³ заметил: «Почти всегда до девятнадцатого века женщина как историк была редкой птицей. Когда же в одном из самых важных движений человеческой истории появляется принцесса, она, без сомнения, заслуживает почтительного внимания последующих поколений». В пятнадцати книгах своего большого сочинения, законченного в начале правления Мануила, Анна описывает время с 1069 по 1118 год, то есть дает картину постепенного усиления дома Комнинов еще до вступления Алексея на престол и доводит изложение до смерти последнего, дополняя и продолжая таким образом сочинение своего мужа Никифора Вриенния. Панегрическая тенденция в пользу отца, которая проходит через всю «Алексиаду», должна показать читателю все превосходство Алексея, этого «тринадцатого апостола», перед другими представителями фамилии Комнинов.

Анна получила прекрасное образование и читала многих выдающихся писателей древности, Гомера, лириков, трагиков, Аристофана, из историков — Фукидида и Полибия, из ораторов — Исократа и Демосфена, из философов — Аристотеля и Платона. Все это отразилось на языке «Алексиады», который, усвоив внешнюю форму древней эллинской речи, превратился в искусственный, по выражению Крумбахера⁵⁴, «почти совершенно мумиеобразный школьный язык, который представляет полную противоположность выступающему в то же самое время народному говору». Анна даже извиняется перед читателями, когда ей приходится называть варварские имена западных или русских (скифских) вождей, которые безобразят высоту и предмет истории.

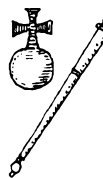
Но как бы то ни было, несмотря на пристрастное отношение к отцу, Анна создала в высшей степени важный в историческом отношении памятник, в основу которого были положены не только личные наблюдения автора и устные сообщения, но и документы государственных архивов, дипломатическая переписка и императорские указы. Для историков Первого крестового похода «Алексиада» является

одним из самых насыщенных источников. Современная наука признает, что «при всех недостатках мемуары дочери об отце остаются одним из самых выдающихся произведений средневековой греческой историографии» (Крумбахер) и «останутся всегда благороднейшим памятником» (Нойман⁵⁵) обновленного Алексеем Комнином Греческого государства.

Если о сыне и преемнике Алексея, императоре Иоанне, проведенном почти всю жизнь в походах, не известно, разделял ли он литературные вкусы окружающих его лиц, то о его младшем брате севастократе Исааке мы знаем, что он, будучи человеком образованным и любящим литературу, написал два небольших произведения, характеризующих историю переработки гомеровского эпоса в Средние века, и предисловия к так называемому Константинопольскому серальскому кодексу Восьмикнижия.

Император Мануил, увлекавшийся астрологией, написал апологию «астрономической науки», защищая астрологию от нападок духовенства; кроме того, он был автором различных богословских произведений и официальных императорских речей. Благодаря теологическим изысканиям Мануила его панегирист Евстафий Фессалоникийский назвал его правление «императорским священством». Но Мануил не только сам интересовался литературой и теологией. Он стремился заинтересовать других монархов. Мануил послал в качестве подарка королю Сицилии знаменитое сочинение Птолемея «Альмагест». Любовью к наукам и литературным дарованием отличалась невестка Мануила Ирина, которой посвятил много стихотворений ее, можно сказать, придворный поэт и, вероятно, учитель Феодор Продром (о нем см. далее); в честь Ирины составил свою стихотворную хронику Константин Манасси⁵⁶, называющий в прологе хроники Ирину «настоящим другом литературы».

Из только что сделанного краткого очерка видно, насколько была проникнута литературными интересами императорская семья Комнинов. Но конечно, она лишь отражала общий культурный подъем, особенно выразившийся в развитии литературы, что является одним из отличительных признаков эпохи Комнинов. Во время Комнинов и Ан-

гелов историки и поэты, богословские писатели и, наконец, сухие хронисты создали немало значительных произведений.

Современник Комнинов, начиная с Иоанна, историк Иоанн Киннам, следуя древним образцам, Геродоту и Ксенофону, а также находясь под влиянием Прокопия, оставил нам описание событий правления Иоанна и Мануила (с 1118 по 1176 год); таким образом, он явился продолжателем Анны Комниной. В центре незаконченного, очевидно, его изложения стоит фигура Мануила, почему сочинение Киннама носит несколько панегирический характер. Будучи ярким защитником прав восточно-римского императорства и убежденным противником папских притязаний и императорской власти германских государей и сделав своим героем благоволившего к нему Мануила, Киннам тем не менее оставил добросовестный рассказ, основанный на изучении ценных источников и написанный очень хорошим греческим языком, «тоном честного воина, исполненного естественного и нескрываемого чувства восторга к императору» (Нойман).

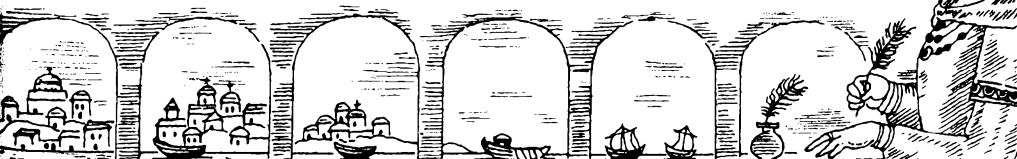
Видными фигурами в литературе XII и начала XIII века являются два брата, Михаил и Никита Хониаты из фригийского города Хоны в Малой Азии. Старший брат Михаил, получивший прекрасное классическое образование в Константинополе у Евстафия, епископа Солунского, о котором речь будет ниже, выбрал духовную стезю и в течение более тридцати лет был архиепископом Афин. Для него казалось особенно привлекательным иметь митрополию на Акрополе. Михаил смотрел на город и на его население глазами современника Платона, почему он так и ужасался той громадной пропасти, которая отделяла современных ему жителей Афин от древних эллинов. Он мог сказать: «Я живу в Афинах, но я нигде не вижу Афин».

Блестящая речь Михаила, произнесенная им перед собравшимися в Парфеноне афинянами при занятии кафедры, — образец, по словам самого оратора, простоты слога, где он напоминал слушателям о былом величии города, матери красноречия и мудрости, высказывал твердую уверенность в непрерывном продолжении афинского наро-

да с древних времен, убеждал афинян соблюдать благородные нравы их предков, приводил в пример Аристиды, Аякса, Диогена, Перикла, Фемистокла и других. Эта речь, составленная на самом деле в возвышенном стиле, наполненная античными и библейскими цитатами, пересыпанная метафорами и тропарями, осталась чуждой и темной для слушателей; речь нового митрополита оказалась выше понимания афинян XII века. С глубокой горечью в одной из следующих проповедей Михаил говорит: «О, город Афины! Матерь мудрости! До какого невежества ты опустился! Когда я обращался к вам со вступительной речью, которая была так проста, безыскусственна, то оказалось, что я говорил о чем-то непонятном или на чужом языке, персидском или скифском». И вышло так, что Михаил в конце концов отказался видеть в современных ему афинянах непосредственных потомков древних эллинов. Он писал: «Сохранилась самая прелесть страны, богатый медом Гимет, тихий Пирей, некогда таинственный Элевсин, Марафонская равнина, Акрополь, — но то любящее науку ученое поколение исчезло, и его место заняло поколение невежественное, бедное умом и телом».

Михаил, окруженный в Афинах варварами, сам боялся огрубеть и превратиться в варвара; он жалуется на порчу греческого языка, сделавшегося каким-то варварским наречием, которое он научился понимать только три года спустя после своего прибытия в Афины. Возможно, эти его жалобы не без преувеличений, однако он был недалеко от истины, когда писал, что того города славы, которым были Афины, больше нет.

Михаил Хониат оставил после себя богатое литературное наследство в виде проповедей и речей на различные темы, многочисленных писем и нескольких стихотворений, дающих ценные сведения о политических, бытовых и литературных условиях жизни его времени. Из его стихотворений первое место, по мнению Грегоровиуса⁵⁷, принадлежит ямбической элегии в честь Афин, «первому, а также и единственному дошедшему до нас плачу о гибели древнего, славного народа». Грегоровиус называет Михаила Акомината лучом солнечного света, который вспыхнул в темноте сред-

невековых Афин, «последним великим гражданином и последней славой этого города мудрости».

В варварстве, окружавшем Афины, о котором пишет Михаил, и в порче языка, может быть, надо видеть следы славянского влияния. Мало того, некоторые ученые, например Ф. И. Успенский, считают возможным, на основании сочинений Михаила, утверждать существование в XII веке около Афин такого важного явления во внутренней истории Византии, как славянской общины и свободного крестьянского землевладения. Я не могу согласиться с этим утверждением.

Младший брат Михаила — Никита Хониат занимает достойное место в ряду исторических писателей XII и начала XIII века. Родившись около половины XII столетия, как и брат, во фригийском городе Хоны, Никита еще мальчиком был отправлен в Константинополь, где обучался наукам под руководством своего старшего брата Михаила. В то время как последний посвятил себя духовному званию, Никита выбрал светскую дорогу чиновника и начиная, вероятно, с последних годов правления Мануила, и особенно при Ангелах, будучи близким ко двору, достиг высших ступеней чиновной лестницы. Вынужденный бежать из столицы после разгрома ее крестоносцами в 1204 году, он нашел приют у никейского императора Феодора Ласкаря, который, возвратив ему все утраченные им почести и отличия, дал возможность последние годы жизни посвятить излюбленному труду и закончить свое главное историческое произведение. Умер Никита в Никее вскоре после 1210 года. Старший брат Михаил пережил его и по случаю смерти Никиты написал прочувственную и важную в биографическом отношении надгробную речь (монодию).

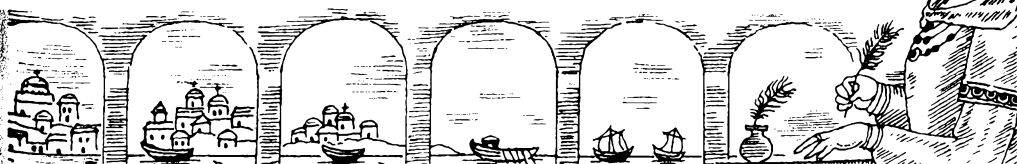
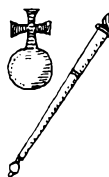
Главнейшим произведением Никиты Хониата является большой исторический труд в двадцати книгах, охватывающий события со времени вступления на престол Иоанна Комнина до первых лет Латинской империи (с 1118 по 1206 год). Он написан напыщенным, витиеватым языком; в нем нашли отражение глубокие познания автора как в античной литературе, так и в богословии. Однако у самого автора представление о его языке совсем иное; во введении

к своей «Истории» он, между прочим, пишет: «Я вовсе не заботился о рассказе пышном, испещренном словами непонятными и выражениями высокопарными, хотя многие очень высоко ценят это. Истории больше всего противна, как я уже сказал, речь искусственная и неудобопонятная, и, напротив, она очень любит повествование простое, естественное и легко понятное».

В лице Никиты мы имеем драгоценный источник для времени Мануила, правления Андроника, эпохи Ангелов, Четвертого крестового похода и взятия Константинополя крестоносцами в 1204 году. Труд Никиты обрывается на случайном событии и не представляет законченного целого. Для своей «Истории» Никита признает лишь два источника: рассказы очевидцев и личные наблюдения. О том, пользовался ли он произведениями Иоанна Киннама как источником, мнения ученых расходятся.

Несмотря на некоторую тенденциозность в изложении событий того или иного царствования и абсолютную убежденность автора в полном культурном превосходстве «римлянина» над западным «варваром», Никита заслуживает как историк большого доверия и глубокого внимания. «Никита уже по тому одному, — пишет Ф. И. Успенский, — заслуживает изучения, что в своей истории занимается важнейшей эпохой Средних веков, когда враждебные отношения Запада к Востоку достигли самой высокой степени напряжения, разразившись Крестовыми походами и основанием Латинской империи в Царьграде. Его воззрения на западных крестоносцев и на взаимные отношения Востока к Западу отличаются глубокой правдой и тонким историческим смыслом, какого не представляют и лучшие памятники западной средневековой литературы».

К числу ярких фигур XII века в области культуры принадлежит также талантливый учитель и друг Михаила Хониата, «самый блестящий светоч византийского ученого мира со времени Михаила Пселла», архиепископ Фессалоникийский (Солунский) Евстафий. Получив образование в Константинополе, он там же, в звании диакона при храме Святой Софии, был учителем красноречия и написал большую часть своих ученых работ; исторические же труды были на-

писаны им уже в Фессалонике. Дом Евстафия в столице был своего рода школой для молодых студентов, центром, где собирались лучшие умы столицы и молодые люди, стремящиеся к знаниям.

Став же верховным пастырем во втором после столицы городе империи, Евстафий положил много сил на поднятие духовного и нравственного уровня современного ему монашества, чем нажил немало врагов среди монастырского духовенства. С культурно-исторической точки зрения очень интересны его настойчивые обращения к монахам не ратовать сокровища библиотек; по этому вопросу Евстафий в своем сочинении о монашестве пишет, например, следующее: «Увы мне! зачем в самом деле ты, неуч, будешь уподоблять монастырскую библиотеку твоей душе? И так как ты не обладаешь никакими знаниями, ты хочешь и библиотеку лишить научных средств? Позволь ей сохранить драгоценности. Придет после тебя или какой-либо знаток науки, или любитель ее, и первый, проведя некоторое время в библиотеках, сделается умнее прежнего; второй же, устыдившись полного невежества, при посредстве книжного обучения найдет желаемое». Умер Евстафий между 1192 и 1194 годом. Его ученик и друг, афинский митрополит Михаил Акоминат, почтил его монодией.

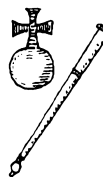
Будучи вдумчивым наблюдателем политической жизни своего времени, образованным богословом, смело выступившим с порицанием испорченной монастырской жизни, и глубоким ученым, познания которого в античной литературе, особенно благодаря его комментариям Гомера, обеспечили ему почетное место не только в истории византийской культуры, но и в истории классической филологии, Евстафий представляется одной из самых крупных личностей в культурной жизни Византии XII века. Его литературное наследие распадается на две группы: к первой надо отнести составленные в Константинополе обширные комментарии к «Илиаде» и «Одиссее», драгоценный комментарий к Пиндару и некоторым другим авторам; ко второй группе относятся произведения, написанные в Фессалонике.

Ко второй половине XI — началу XII века относится деятельность Феофилакта, архиепископ Ахриды (Охриды) в Болгарии. Он родился на острове Эвбея и некоторое время служил дьяконом в Св. Софии в Константинополе. Под руководством знаменитого Михаила Пселла он получил очень хорошее образование. Затем, видимо при Алексее I Комнине, Феофилакт был назначен архиепископом Ахриды в Болгарии, находившейся тогда под византийской властью. Там он и умер около 1108 года. Феофилакт был автором ряда теологических сочинений, среди которых особенно хорошо известны его комментарии на книги Ветхого и Нового Заветов. Однако с современной точки зрения наиболее ценной частью его литературного наследия являются письма, написанные между 1091 и 1108 годом; они рисуют исключительно интересную картину византийской провинциальной жизни.

Михаил Фессалоникийский жил и писал в царствование Мануила. Он начинал свою карьеру как дьякон и преподаватель экзегезы⁵⁸ Евангелий в Св. Софии в Константинополе. Позже он был осужден как последователь ереси Сотириха Пантевгена⁵⁹ и лишен своих титулов. Сохранилось несколько составленных им речей в честь Мануила, которые содержат интересные детали событий его времени.

В середине XII века было написано одно из многочисленных подражаний византийского времени лукиановским «Диалогам мертвых» — «Тимарион». Произведение это обычно считается анонимным, однако Тимарион и есть настоящее имя автора. Тимарион рассказывает историю своего путешествия в ад и воспроизводит свои беседы с умершими, которых он встретил в подземном мире. Он видел там императора Романа Диогена, Иоанна Итала, Михаила Пселла, иконоборческого императора Феофила и так далее. «Тимарион», без сомнения, является лучшим византийским достижением среди литературных подражаний Лукиану. Сочинение полно юмора. Однако кроме чисто литературных достоинств «Тимарион» важен, поскольку в нем отражены подробности реальной жизни — например, описана знаменитая ярмарка в Фессалонике.

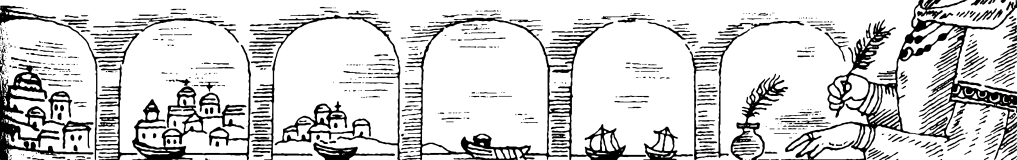
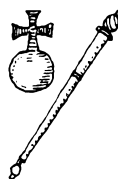
Немалое значение для литературной и культурной жизни эпохи имело творчество Иоанна Цеца (Цециса), умершего, вероятно, в восьмидесятых годах XII века. Получив в столице хорошее филологическое образование, он в течение некоторого времени был учителем грамматики, а затем посвятил себя литературной деятельности, которая и давала ему средства к жизни. В своих произведениях Иоанн Цец не упускает случая говорить о различных обстоятельствах своей жизни, которые рисуют нам человека XII века, живущего литературным трудом, вечно жалующегося на бедность и нищету, заискивающего перед богатыми и знатными, посвящающего им свои произведения, негодующего на малое признание своих заслуг, впавшего однажды в такую нужду, что из всех книг у него остался лишь один Плутарх. Не имея из-за недостатка средств иногда необходимых книг и излишне надеясь на свою память, он допускал в своих произведениях элементарные ошибки. В одном из сочинений он писал: «Для меня библиотекою является моя голова; у нас, при страшном безденежье, книг нет. Поэтому я не умею точно назвать писателя». В другом сочинении он писал о своей памяти: «Бог не показал в жизни ни одного человека, ни раньше, ни теперь, который обладал бы лучшей памятью, чем Цец».

Начитанность Цеца в древних и византийских писателях была весьма значительна; он знал многих поэтов, драматических писателей, историков, ораторов, философов, географов и беллетристов, особенно Лукиана. Из его многочисленных сочинений мы отметим лишь некоторые. Прежде всего это сборник из 107 писем, имеющий значение как для биографии автора, так и для биографии его адресатов. Затем идет «Книга историй», написанная так называемыми политическими (народными) стихами — их более двенадцати тысяч. Со времени первого издателя, разделившего сочинение для удобства чтения на тысячи стихов — первая тысяча, вторая и т. д., — оно обыкновенно называется «Хилиадами» (то есть тысячами). И вот эти «Хилиады» Цеца, по словам Крумбахера, являются «не чем иным, как огромным, облеченным в стихотворную форму комментарием к его собственным письмам, которые, письмо за письмом, в них объясняются.

Отношение между письмами и «Хилиадами» настолько тесно, что первые могут быть рассматриваемы как подробный указатель к последним». Уже это лишает «Хилиады» какого-либо крупного литературного значения. В. Г. Васильевский сурово замечает, что «Хилиады» «в литературном отношении представляют совершенную нелепость, но иногда на самом деле разясняют то, что осталось темного в прозе», то есть в письмах Цеца. Другое большое произведение Иоанна Цеца «Аллегории к “Илиаде” и “Одиссее”», также написанное политическими стихами, посвящено супруге императора Мануила — германской принцессе Берте-Ирине, которая автором называется «гомеричнейшей царицей», «светлою, вселунною луной, светоносницей, которая является не волнами океана омытою, но как бы в блеске вытекающею из пурпурного ложа самого светоносца (солнца)». Целью Цеца было, излагая по порядку содержание песен Гомера, объяснить их — особенно с точки зрения аллегорического толкования выведенного у Гомера мира богов. С большим сомнением говорит Цец в начале своих «Аллегорий»: «И вот я приступаю к своей задаче и, поразив Гомера жезлом слова, сделаю его всем доступным, и его незримые глубины перед всеми обнаружатся». Это произведение Цеца, по словам В. Г. Васильевского, лишено «не только вкуса, но и здравого смысла». Кроме того, Иоанн Цец оставил и другие сочинения о Гомере, Гесиоде, Аристофане и т. д.

Сочинения его насыщены ссылками на мифологические сюжеты, цитатами, полны самовосхваления, трудны и не очень интересны для чтения, и таким образом — после всего вышесказанного — может, пожалуй, возникнуть вопрос: имеют ли произведения Иоанна Цеца какое-либо культурное значение? Ответ, однако, должен быть утвердительным. Цеца отличало необычное усердие и прилежание в деле собирания материала, и поэтому, с одной стороны, его сочинения представляют собой ценнейший источник сведений; с другой стороны, приемы автора и его обширная начитанность позволяют вывести некоторые заключения о характере литературного процесса в эпоху Комнинов.

О старшем брате Иоанна Цеца — Исааке, занимавшемся филологией и метрикой, можно было бы и не упоминать,

если бы в филологической литературе не встречалось довольно часто упоминание о «братьях Цец», что как бы сообщает братьям равноценность. В действительности же Исаак Цец абсолютно ничем не выделялся.

Интереснейшей личностью эпохи первых трех Комнинов, особенно Иоанна и Мануила, является поэт Феодор Продром, или Птохопродром (бедный Продром), как иногда он себя называл для возбуждения жалости и изображая неискреннее подчас смирение. Его разнообразные труды дают материал для изучения и филологу, и философу, и богослову, и историку. В науке личность Продрома вызывает большие разногласия вследствие неясности, кому, собственно, принадлежат многочисленные приписываемые ему сочинения. Некоторые ученые считают, что было двое писателей по имени Продром, есть даже мнение, что таких было трое, хотя большинство склоняются к тому, что Продром существовал все-таки в единственном числе.

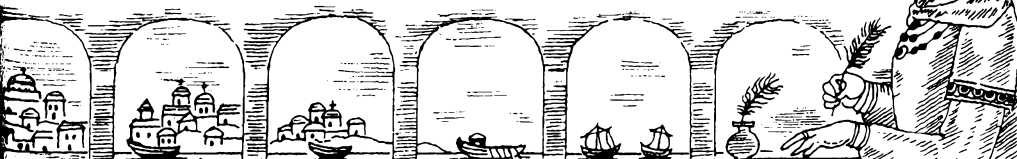
Лучшая пора деятельности Продрома падает на первую половину XII века. Интересно отметить, что дядя его, под монашеским именем Иоанн, был киевским митрополитом (Иоанн II), о котором русская летопись под 1089 годом говорит, что он был «муж хытр книгам и ученью, милостив убогим и вдовицам». Умер Продром, по всей вероятности, около 1150 года.

Продром принадлежал, по словам Диля, к представителям прозябавшего в Константинополе «литературного пролетариата, состоявшего из людей интеллигентных, образованных, даже изысканных, которых суровая жизнь чрезвычайно принизила...». Но, вращаясь в придворном кругу, имея сношения с императорской фамилией и с великими мира сего, несчастные писатели тем не менее часто находили себе покровителя, который своей щедростью устраивал их жизнь. Не было исключением и Продром, вся жизнь которого прошла в поисках покровителей, в постоянных жалобах на свою бедность, болезненное состояние, старость, в молениях о вспомоществовании, ради чего он не останавливался ни перед какой лестью, ни перед какой угодливостью, ни перед каким унижением, совершенно не считаясь с тем, к кому иногда ему приходилось обращаться

ся и льстить. Но к чести Продрома надо сказать, что одному человеку — Ирине, невестке императора Мануила, — он оставался верен почти всегда, даже в моменты опалы и несчастий.

До нас дошли многочисленные произведения самого разнообразного содержания с именем Продрома. Продром и романист, агиограф, и составитель писем, и оратор, и автор астрологической поэмы, и религиозных поэм, и философских сочинений, сатир и шуточных пьес. Многие из этих сочинений написаны на тот или иной случай, по поводу рождения, смерти, свадьбы и т. п., в них рассыпаны намски на те или иные лица, на те или иные события; любопытны эти сочинения и подробностями относительно жизни простого народа в столице.

Часто Продром подвергался суровому осуждению историков: говорили о «жалкой скудности содержания» его поэм и об «отвратительной внешней форме его поэтических упражнений» (Васильевский). Но это объясняется тем, что в течение долгого времени о Продроме могли судить только на основании наиболее слабых и, к сожалению, наиболее распространенных произведений, например его длинного, высокопарного стихотворного романа «Роданфи и Досикл», чтение которого, по мнению Крумбаха, может причинить истинное мучение и смертельную скуку. Подобное суждение вряд ли может считаться правильным. Если принять во внимание все творчество Продрома — прозаические опыты, сатирические диалоги, памфлеты, эпиграммы, в которых он следовал лучшим образцам древности, особенно Лукиану, то общее суждение о его литературной деятельности придется изменить в более благоприятную сторону. В этих произведениях мы замечаем тонкую наблюдательность, придающую им несомненный интерес для истории общества и особенно для истории литературных кругов эпохи Комнинов. Нельзя забывать и того, что в некоторых своих произведениях Продром, отказавшись от искусственного классического языка, прибегал к разговорному греческому, особенно в шуточных произведениях, и оставил нам любопытные образцы народной речи XII века. В решимости ввести в литературный обиход разговорную речь заключается

большая заслуга Продрома. Ввиду этого, по признанию того же Крумбахаера, Продром несомненно принадлежит, при всех своих недостатках, к замечательнейшим явлениям византийской литературы и представляет собою, «как немногие византийцы, ясно выраженную культурно-историческую фигуру».

Следует упомянуть здесь, безусловно, и нескольких византийских историков времен Комнинов. Живший при Алексее Комнине Георгий Кедрин, начав с 811 года, довел изложение событий до начала правления Исаака Комнина (1057 год). Иоанн Зонара в XII веке написал необычную хронику, опирающуюся на хорошие источники. Изложение доведено им до вступления на престол Иоанна Комнина в 1118 году. Написанная в первой половине XII века политическими стихами хроника Константина Манасси (во всяком случае, первая ее часть) излагает события до вступления на престол Алексея Комнина в 1081 году; сохранились также 79 ее стихов, в которых кратко излагается история от Иоанна Комнина до Балдуина, первого латинского императора в Константинополе, причем около половины этого текста посвящено Андронику I. Наконец, Михаил Глика (в XII веке) написал всемирную хронику до смерти Алексея Комнина в 1118 году.

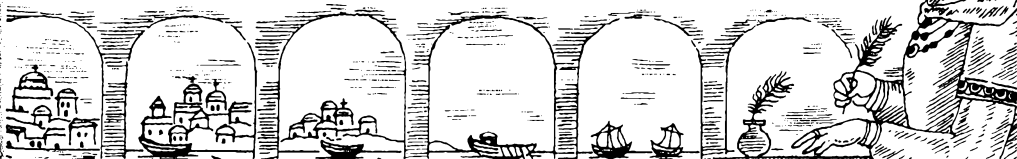
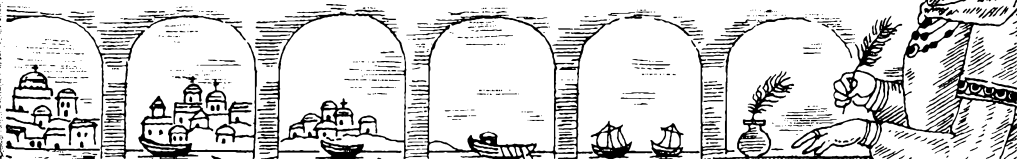
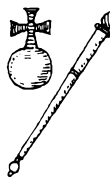
Что касается византийского искусства, то эпоха Комнинов и Ангелов была продолжением Золотого века, начало которого многие исследователи относят к середине IX века, то есть ко времени прихода к власти в Византии Македонской династии. Смутный период в XI веке, как раз перед приходом к власти Комнинов, прервал ненадолго блеск культурных свершений при македонских императорах, но с Комнинами империя на первый взгляд вернула себе былую славу и процветание, а византийское искусство, казалось, было способно продолжить блистательную традиции. Однако, как писал О. М. Далтон⁶⁰: «Источники прогресса иссякли... органическая творческая сила больше не существовала... по мере продвижения времени Комнинов, религиозное искусство само по себе становится родом ритуала, исполняемого, так сказать, без вмешательства творческого сознания

художника. Нет больше ни огня, ни страсти, искусство незаметно движется к формализму».

Это, конечно, не означало, что византийское искусство при Комнинах было в упадке. Достижений, особенно в области архитектуры, было немало. В Константинополе был возведен прекрасный Влахернский дворец, куда, оставив прежнюю императорскую резиденцию, так называемый Большой дворец, и переехали Комнины. При этом Большой дворец был заброшен и быстро пришел в упадок. В XV веке это были уже руины, и турки довершили его разрушение.

Имя Комнинов связывается также с сооружением или реконструкцией многих церквей — например, Пантократора в Константинополе, которая стала местом захоронения Иоанна II и Мануила I Комнинов; позже, в XV веке, здесь были похоронены императоры Мануил II и Иоанн VIII Палеологи. В начале XII века была перестроена знаменитая церковь из ансамбля монастыря в Хоре (позже мечеть Кахрие-Джами). Церкви в это время строились не только в столице, но и в провинциях.

При этом византийская архитектура была источником вдохновения для строителей в других христианских землях. В Венеции в 1095 году был торжественно освящен собор Св. Марка, воспроизводящий по плану церковь Апостолов в Константинополе. В Сицилии многие постройки и мозаики, относящиеся к XII веку, воспроизводят лучшие достижения византийского искусства. В церкви Рождества в Вифлееме сохранились мозаики, сделанные по византийскому образцу. Типичные для Византии фрески XI и XII веков открыты в Каппадокии и Южной Италии, а также на Руси — в Киеве, Чернигове, Новгороде и их окрестностях. Некоторые из них не только возникли под византийским влиянием, но и были сделаны византийскими художниками. Нельзя не упомянуть и прекрасные произведения той эпохи из слоновой кости, керамики, стекла и металла. Интересны также печати и геммы с гравировкой. Таким образом, на Востоке, как и на Западе, по словам Дия, «влияние греческого искусства оставалось в XII веке всемогущим, и даже там, где меньше всего можно было бы ожидать — сре-

ди норманнов в Сицилии и среди латинян в Сирии, — Византия продолжала оставаться источником и ориентиром всего изящного».

Византийское возрождение XII века интересно и важно не только само по себе. Оно было составной частью и локомотивом общего западноевропейского возрождения XII века, которое так хорошо описано профессором Ч. Г. Хаскинсом⁶¹ в книге «Ренессанс в XII веке». В первых же двух строчках введения он пишет: «Название этой книги покажется многим читателям глубоко внутренне противоречивым. Ренессанс в XII веке!» Однако здесь нет противоречия. В XII веке Западная Европа увидела возрождение латинских классиков, латинского языка, латинской прозы, латинской поэзии, юриспруденции, философии, исторических сочинений. Это была эпоха переводов с греческого и арабского и время зарождения университетов. И поэтому Ч. Г. Хаскинс совершенно прав, когда говорит: «Недостаточно отдают себе отчет в том, что был прямой контакт с греческими источниками как в Италии, так и на Востоке. Эти переводы, сделанные непосредственно с греческих оригиналов, были важным проводником и верным посредником в передаче древнего знания». В XII веке прямые контакты между Италией и Византией были более частыми, чем мы себе сейчас представляем. В связи с религиозной политикой Комнинов, желавших сближения с Римом, в Константинополе проходило — и нередко в присутствии императора — много диспутов, в которых принимали участие представители католической церкви, прибывавшие в Константинополь в надежде на примирение двух ветвей христианства. Эти дискуссии во многом помогли передаче греческой учености на Запад. Кроме того, экономические связи итальянских торговых городов с Византией и венецианский и пизанский кварталы в Константинополе обеспечили прибытие в столицу империи некоторого количества итальянских ученых, которые изучили греческий язык и также послужили передатчиками греческих достижений на Запад. При Мануиле Комнине можно было видеть, как пишет Хаскинс, «внушительную процессию миссий, посланных в Константинополь папами, императорами, французами, пизанцами и другими. Едва ли

меньшей была постоянная череда греческих посольств на Запад, напоминающая греческую иммиграцию в Италию с начала XV века».

Принимая во внимание все это, можно сделать вывод, что культура времени правления Комнинов и Ангелов является одной из блестящих страниц в истории Византии. Особенно это заметно в сопоставлении с тем, что происходило в то же время на Западе.

Македонская династия

	<i>Годы на престоле</i>	<i>Император</i>	<i>Соправители</i>
Василий I Македонянин (811–886), основатель династии	866–886	867–886	Михаил III, последний представитель Аморийской династии (866–867); сыновья Константин Македонянин (868–879), Лев VI (870–886), Александр (879–886)
Лев VI Мудрый (Философ) (866–912), сын Василия I Македонянина	870–912	886–912	отец Василий I Македонянин (870–886), братья Константин Македонянин (870–879) и Александр (879–912), сын Константин VII Багрянородный (908–912)
Александр (870–913), сын Василия I Македонянина	879–913	912–913	отец Василий I Македонянин (879–886), брат Лев VI (879–912), племянник Константин VII Багрянородный (886–913)
Константин VII Багрянородный (905–959), сын Льва VI Мудрого	908–959	945–959 (номинально с 913)	отец Лев VI (908–912), дядя Александр (908–913), тесть Роман I Лакапин (920–944) и его сыновья Христофор (921–931), Стефан (924–945), Константин Лакапин (924–945), сыновья Христофора — Роман Лакапин (927–945) и Михаил Лакапин (931–945); сын Роман II (945–959)

Роман I Лакапин (870–948), тесть Константина VII Багрянородного	920–944	920–944	зять Константин VII Багрянородный, сыновья Христофор (921–931), Стефан (924–945), Константин Лакапин (924–945), внуки Роман Лакапин (927–945) и Михаил Лакапин (931–945)
Стефан Лакапин (ум. 963), сын Романа I Лакапина	924–945	944–945	отец Роман I Лакапин и другие представители рода Лакапинов, Константин VII Багрянородный (924–945)
Роман II Младший (938–963), сын Константина VII Багрянородного и внук Романа I Лакапина	945–963	959–963	отец Константин VII Багрянородный (945–959), сыновья Василий (960–963) и Константин (962–963)
Василий II Болгарбойца (958–1025), сын Романа II	960–1025	976–1025	отец Роман II (960–963), брат Константин (962–1025), отчим Никифор II Фока (963–969), Иоанн I Цимисхий (969–976)
Константин VIII (960–1028), сын Романа II	962–1028	1025–1028	отец Роман II (962–963), брат Василий II (962–1025) отчим Никифор II Фока (963–969), Иоанн I Цимисхий (969–976)
Никифор II Фока (ок. 912–969), отчим Василия II и Константина VIII	963–969	963–969	пасынки Василий II и Константин VIII
Иоанн I Цимисхий (925–976), любовник Феофано — жены Никифора II Фоки и матери Василия II и Константина VIII	969–976	969–976	Василий II и Константин VIII

Роман III Аргир (968–1034), зять Константина VIII	1028–1034	1028–1034	жена Зоя и золовка Феодора (до 1030)
Зоя (978–1050), дочь Константина VIII	1028–1050	1942	сестра Феодора (1028–1030, 1042–1050), муж Роман III Аргир (1028–1034), муж Михаил IV Пафлагонский (1034–1041), Михаил V Калафат (1041–1042), муж Константин IX Мономах (1042–1050)
Феодора (984–1056), дочь Константина VIII	1028–1056	1055–1056	Роман III Аргир (1028–1030), сестра Зоя (1028–1030, 1042–1050), Константин IX Мономах (1042–1055)
Михаил IV Пафлагонский (1010–1041), муж Зои	1034–1041	1034–1041	жена Зоя
Михаил V Калафат (1015–1042), племянник Михаила IV Пафлагонского	1041–1042	1041–1042	Зоя
Константин IX Мономах	1042–1055	1042–1055	жена Зоя (1042–1050), золовка Феодора (1042–1055)

Династия Дука

	<i>Годы на престоле</i>	<i>Император</i>	<i>Соправители</i>
Константин X Дука (ок. 1006–1067)	1059–1067	1059–1067	сыновья Михаил VII Дука, Константин Дука
Михаил VII Дука (1050 – ок. 1090), сын Константина X Дуки	1059–1078	1071–1078	отец Константин X Дука (1059–1067), братья Константин Дука (1059–1078) и Андроник Дука (1068–1077), отчим Роман IV Диоген (1067–1072)

Роман IV Диоген (1030–1072), отчим Михаила Дуки, Константина Дуки и Андроника Дуки	1067–1072	1067–1071	пасынки Михаил Дука и Константин Дука (1067–1072), Андроник Дука (1068–1072)
Никифор III Вотаниат (1002–1081), низложил и заставил постричься в монахи Михаила VII Дуку, женился на его бывшей жене Марии Аланской	1078–1081	1078–1081	

Династия Комнинов

	<i>Годы на престоле</i>	<i>Император</i>	<i>Соправители</i>
Алексей I Комнин (1056–1118), племянник императора Исаака I Комнина	1081–1118	1081–1118	сын Иоанн (1092–1118)
Иоанн II Комнин (1087–1143), сын Алексея I Комнина	1092–1143	1118–1143	отец Алексей I Комнин (1092–1118), сыновья Алексей (1122–1142) и Мануил I (1142–1143)
Мануил I Комнин (1118–1180), сын Иоанна II Комнина	1142–1180	1143–1180	отец Иоанн II Комнин (1142–1143)
Алексей II Комнин (1169–1183), сын Мануила I Комнина	1180–1183	1180–1183	Андроник I Комнин (1183)
Андроник I Комнин (1118–1185), двоюродный брат Мануила I Комнина, был женат на вдове Алексея II Комнина	1183–1185	1183–1185	Алексей II Комнин (1183)

Династия Ангелов

	<i>Годы на престоле</i>	<i>Император</i>	<i>Соправители</i>
Исаак II Ангел (1156–1204), отрешил от власти и организовал убийство Андроника I Комнина, был женат на его вдове	1185–1195 и 1203–1204	1185–1195 и 1203–1204	сын Алексей IV Ангел (1203–1204)
Алексей III Ангел (1153–1211), брат Исаака II Ангела	1195–1203	1195–1203	
Алексей IV Ангел (1183–1204), сын Исаака II Ангела	1203–1204	1203–1204	отец Исаак II Ангел (1203–1204)

Падение Византии

Эпоха Палеологов (1261–1453)

Первая публикация:

Васильев А. А. История Византии. Падение Византии.

Эпоха Палеологов (1261—1453).

Л., Academia, 1925.

Предисловие

Настоящая монография по истории Византии излагает последние судьбы политически и экономически умиравшей империи греческих басилевсов, то есть одну из самых захватывающих драм всемирной истории. Ни уния с Римом, ни помощь, правда очень незначительная, Запада, ни тонкая, подчас вынужденно заискивающая и унижительная политика Палеологов перед султанами не могли спасти одряхлевший организм империи.

Константинополь, как прежде, привлекал к себе внимание и возбуждал честолюбивые замыслы у сильных соседей; того, чего не смогли добиться Карл Анжуйский в XIII и Стефан Душан в XIV веках, достиг молодой и энергичный Мухаммед II в XV веке. Византия пала. Но ее культурное дело в отношении средневекового Запада, южнославянских стран и России, Румынии и Ближнего, особенно кавказского и мусульманского, Востока не умерло. Я намеренно пока оставляю в стороне общее суждение о значении Византии в мировой истории, так как подобная задача заслуживает отдельной монографии, которая должна иметь в виду не только ту или иную эпоху истории Византии, а весь ход ее истории, как внешней, так и внутренней, со всеми сложными процессами ее политической, социальной, экономической и общекультурной жизни.

4 февраля 1924 года

1. Общее положение империи

«Константинополь, этот акрополь вселенной, царственная столица ромеев, бывшая с соизволения Божия, под властью латинян, снова очутилась под властью ромеев — это дал им Бог через нас». Такие слова мы читаем в автобиографии Михаила Палеолога, первого государя восстановленной Византийской империи.

Территориальные размеры государства Михаила были гораздо меньше, чем пределы Византии в эпоху Комнинов и Ангелов, особенно после Первого крестового похода, не говоря уже о более ранней эпохе. В 1261 году империя обнимала северо-восточный угол Малой Азии, большую часть Фракии и Македонии, Солунь (Фессалонику), некоторые острова в северной части Эгейского моря (Архипелага). Отсюда видно, что Босфор и Геллеспонт, эти в высшей степени важные с политической и торговой стороны водные артерии, в состав восстановленной империи входили. Эпирский деспотат находился от нее в некоторой зависимости. В самом начале своего правления Михаил получил в виде выкупа за освобождение ахайского князя Гийома Виллардуэна, захваченного греками в битве при Кастории, три сильных франкских крепости в Пелопоннесе: Монемвасию, большую скалу, выдающуюся из моря недалеко от древнего Эпидавра, которая, как пишет английский историк У. Миллер⁶², «не только является самым живописным местом Пелопоннеса, но и имеет блистательную память о героической независимости, ставящую эту крепость высоко в списке крепостей мира»; известный укрепленный замок Мистру и построенную франками в горах Тайгета для борьбы с обитавшими там славянскими племенами Маину. Эти три крепости греками сделались опорными пунктами, откуда войска византийских императоров с успехом выходили против франкских герцогов.

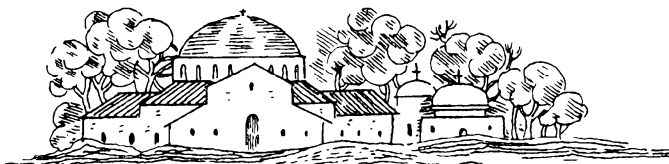
Этому остатку былой великой империи угрожали со всех сторон сильные политически и экономически народности: с востока, со стороны Малой Азии, турки, с севера — сербы и болгары. Венецианцы занимали часть островов Архипела-

га, генуэзцы — некоторые пункты на Черном море, латинские рыцари — Пелопоннес и часть Средней Греции. Ввиду столь великих опасностей империя Михаила Палеолога не собрала воедино даже всех греческих центров: Трапезундская империя продолжала жить своей обособленной жизнью; византийские владения в Крыму, а именно Херсонская фема, с прилегавшей к ней областью, так называемыми готскими климатами, попала под власть трапезундских императоров и платила им дань.

Тем не менее можно сказать, что при Михаиле Палеологе империя достигла наиболее широких пределов, какие она имела в последний период своего существования. Однако эти пределы сохранялись лишь в его царствование, так что Михаил Палеолог, по словам профессора Т. Флоринского⁶³, в этом отношении «был первый и вместе с тем последний могущественный император возобновленной Византии». При этом империя первого Палеолога представляется французскому византинисту Ш. Дилю «худосочным, расслабленным, жалким телом, на котором покоилась громадная голова — Константинополь».

Столица, не оправившаяся от разгрома 1204 года, перешла в руки Михаила в состоянии упадка и разрушения; лучшие, наиболее богатые здания стояли разграбленными; церкви были лишены своей драгоценной утвари; Влахернский дворец, ставший со времени Комнинов императорской резиденцией и восхищавший своим богатым убранством и мозаиками, находился в состоянии глубокого запустения, будучи внутри закопчен, по выражению Георгия Пахимера⁶⁴, «итальянским дымом и чадом» во время пиров латинских государей и сделался поэтому необитаемым.

Если Византийская империя времени Палеологов не перестает быть первостепенным центром цивилизованного мира, то Константинополь перестает быть одним из центров европейской политики. «После реставрации Палеологов империя имеет почти исключительно местное значение греческого средневекового царства, которое в сущности является продолжением Никейского, хотя вновь обосновалось во Влахернском дворце и облеклось в обветшавшие формы древней Византийской державы» (Панченко⁶⁵). Вокруг это-

го стареющего организма растут и усиливаются более молодые народы, прежде всего сербы в XIV веке при Стефане Душане, и османские турки. Предприимчивые торговые итальянские республики, Генуя и Венеция, особенно первая, овладевают всей торговлей империи и ставят ее в полную финансовую и экономическую от себя зависимость. Вопрос сводился к тому, кто из этих народов и когда покончит с империей восточных христиан, завладеет Константинополем и будет господствовать на Балканском полуострове. История XIV века решит этот вопрос в пользу турок.

Несмотря на то, однако, что в сфере международной политики Византия при Палеологах отошла на второй план, ее внутренняя жизнь была весьма насыщена и представляет большой интерес. В эпоху Палеологов можно отметить любопытный факт возрождения в населении греческого патриотизма, с обращением взоров к античной эллинской древности. Официально императоры продолжали носить обычный титул «басилевса и автократора ромеев», но окружение басилевса убедило его принять новый титул «государя эллинов». По многим признакам чувствуется, что прежняя обширная и разноплеменная держава превратилась в скромное по размерам и в греческое по своему составу государство. При этом эпоха Палеологов, когда в империи причудливо смешались элементы Запада и Востока, отмечена высоким подъемом умственной и художественной культуры, что при полной безотрадности внешнего положения и почти не прекращавшейся внутренней смуты может на первый взгляд показаться несколько неожиданным. Византия в это время дала миру немало ученых и образованных людей, писателей, иногда оригинальных по таланту, в самых разнообразных областях знания. Художественный подъем эпохи Палеологов часто сопоставлялся с эпохой раннего итальянского гуманизма и Возрождения.

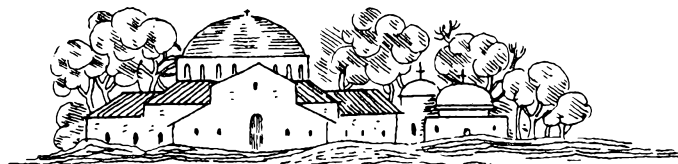
Династия Палеологов принадлежит к известной греческой фамилии, давшей Византии, начиная с первых Комнинов, немало энергичных и даровитых людей, особенно на военном поприще, и породнившейся с течением времени с императорскими фамилиями Комнинов, Дуков и Ангелов; вследствие этого первые Палеологи — Михаил VIII,

Андроник II, а может быть, иногда и Андроник III — подписывались четырьмя фамильными именами, например: «Михаил Дука Ангел Комнин Палеолог». Позднее императоры стали подписываться только «Палеолог».

Палеологи занимали византийский престол в течение 192 лет (1261—1453), то есть представляли собой пример самой продолжительной династии на протяжении всей византийской истории. Первый из Палеологов, воссевших на трон расшатанной и сильно урезанной Восточной империи, коварный, жестокий, но талантливый и искусный дипломат Михаил VIII (1261—1282) сумел спасти государство от грозившей ему страшной опасности с Запада (а именно со стороны Королевства Общих Сицилий) и передал престол сыну Андронику II Старшему (1282—1328), которого, по словам У. Миллера, «природа предназначила в профессора богословия, а случай сделал византийским императором». Андроник II был женат дважды: первая его жена Анна была дочерью угорского (венгерского) короля Стефана V; вторая, Виоланта-Ирина, была сестрой североитальянского маркграфа Монферратского и после смерти брата сделалась наследницей маркграфства; впрочем, не будучи в состоянии, как византийская императрица, принять маркграфство, она отправила туда одного из своих сыновей, который и основал в Монферрате династию Палеологов, прекратившуюся в первой половине XVI века.

Андроник в 1295 году короновал императорской короной своего старшего сына от первой жены Михаила. Михаил скончался в 1320 году, раньше отца; он часто упоминается в источниках как соправитель отца, император Михаил IX. Велись переговоры о том, чтобы женить Михаила на Катерине де Куртене, дочери титулярного императора Романии (то есть бывшей Латинской империи), и папа был весьма заинтересован в этом проекте, однако в конце концов Михаил женился на армянской принцессе Ксении-Марии.

Сын Михаила IX и внук Андроника II юный Андроник был в течение долгого времени любимцем деда. Но легкомысленный характер молодого Андроника и склонность к любовным интрижкам привели к тому, что одно из подобных приключений, закончившееся случайным убийством

его брата и повлекшее за собой преждевременную смерть Михаила IX, окончательно изменило отношение деда к внуку. Между ними возгорелась междоусобная борьба. Против Андроника Старшего образовалась сильная оппозиционная партия, первенствующую роль в которой играл знаменитый впоследствии Иоанн Кантакузин, ставший на сторону Андроника Младшего. Гражданская война закончилась в пользу внука, который в 1328 году захватил неожиданно Константинополь и заставил престарелого Андроника Старшего отречься от престола. Низложенный император, долгое правление которого было временем нового упадка Византии, закончил свою жизнь (в 1332 году) монахом в одном из монастырей.

Во главе правительства Андроника Младшего (1328—1341) стал главный руководитель восстания против его деда — Иоанн Кантакузин, в руки которого перешли внутреннее управление государством и иностранные дела. Сам новый император, предаваясь отчасти по-прежнему веселью и охотничьим прогулкам и не чувствуя склонности к занятию государственными делами, принимал тем не менее личное участие в многочисленных внешних войнах, которые были в его царствование. Между тем исключительное по влиянию положение в государстве, занятое Кантакузином, не удовлетворяло последнего, так как целью его было подготовить для себя путь к императорскому трону или, по крайней мере, к полновластному регентству. Эта мысль занимала его в течение всех тринадцати лет правления Андроника и являлась руководящей нитью всей его деятельности. Мать Андроника, вдова Ксения-Мария, и вторая супруга его, западная принцесса Анна Савойская, относились весьма недоброжелательно к Кантакузину. Однако последний при помощи ряда интриг сумел удержать свое положение до самой смерти Андроника.

Ко дню смерти Андроника III в 1341 году его старшему сыну, новому императору Иоанну V, едва минуло одиннадцать лет. Вокруг трона несовершеннолетнего государя за обладание влиянием и властью возгорелась долгая, губительная для и без того ослабшей империи междоусобная война, главную роль в которой играл Иоанн Кантакузин. Против

него создалась сильная партия, в которую вошли вдова покойного императора Анна Савойская, объявленная правительницей, ее сторонник, бывший ставленник Кантакузина, алчный и властолюбивый Апокавка, сосредоточивший в своих руках главную власть, патриарх и некоторые другие влиятельные лица. Характерной чертой междоусобной распри XIV века является участие в ней, то на одной, то на другой стороне, иноземных народов, преследовавших свои политические цели, а именно сербов, болгар и особенно турок, сельджуков и османов.

Несколько месяцев спустя после смерти Андроника III Кантакузин в одном из городов Фракии провозгласил себя императором (Иоанн VI). Вскоре после этого в Константинополе было устроено торжественное коронавание Иоанна V Палеолога. Таким образом, в империи появилось два императора. Кантакузин, нашедший сильную опору в турках (за одного османского султана Кантакузин выдал замуж даже свою дочь), одержал верх; главный его соперник Апокавок был убит. После этого, как бы в дополнение к уже упомянутой коронации, Кантакузин короновался еще раз в Адрианополе, причем в церемонии участвовал иерусалимский патриарх, который возложил на голову нового императора золотую корону. Затем он торжественно въехал в Константинополь. Правительница Анна Савойская вынуждена была уступить, и Кантакузин был признан императором наравне с Иоанном Палеологом. Честолюбивые замыслы Кантакузина исполнились, когда его дочь Елена была выдана замуж за юного Палеолога.

В том же 1347 году, когда столица открыла ворота Кантакузину, в Риме на короткое время во главе правления встал знаменитый мечтатель, увлеченный воспоминаниями о былой славе Римской республики, трибун Кола ди Риенцо⁶⁶, к которому Кантакузин отправил посольство с поздравительным письмом по случаю достижения им власти над Римом. Бурное правление Кантакузина вообще, надо заметить, протекало на фоне не менее бурных международных событий, о чем речь будет ниже.

Во внутренней же политике Иоанн Палеолог был не просто отодвинут на задний план. Кантакузин стремился к его

полному отстранению от власти; он провозгласил своего сына императором, объявил соправителем и наследником и запретил поминать имя Иоанна Палеолога в церквях и на общественных торжествах. Вместе с тем популярность Кантакузина у населения постепенно ослабевала; последний удар ему нанес сам факт утверждения турок в Европе. Иоанн Палеолог, при содействии генуэзцев, в конце 1354 года вступил в Константинополь. Кантакузин вынужден был отречься от престола и постричься в монахи под именем Иоасафа; последнюю часть жизни он провел, сочиняя мемуары. В одной из греческих рукописей Парижской национальной библиотеки сохранились две миниатюры с изображением Кантакузина; на второй из них он, одетый в императорский наряд, представлен рядом со своим же изображением в монашеском одеянии. Сын Кантакузина также отрекся от престола.

Сделавшись наконец единодержавным императором, Иоанн V Палеолог обнаружил, что получил — после опустошений междоусобной войны и внешних неудач — страну в весьма жалком состоянии. «Несколько островов, — по словам проф. Флоринского, — и одна провинция (Фракия), вконец разоренная и обезлюдившая, в одном конце которой, у самой столицы, гнездились хищные генуэзцы, а с другого поднимался могущественный турецкий колосс: вот та империя, которой ему приходилось править».

Пережив немало злоключений, Иоанн V в конце концов разошелся со своим старшим сыном Андроником, который в 1376 году, при помощи генуэзцев, низложил отца и, короновавшись как Андроник IV (1376—1379), сделал соимператором своего сына Иоанна. Иоанн V и другой его сын и будущий император Мануил были посажены в темницу. Лишь спустя три года Иоанну V удалось бежать из заключения и, при помощи турок, снова вернуть себе трон. Между отцом и Андроником состоялось соглашение, которого оба придерживались вплоть до смерти Андроника в 1385 году. После этого Иоанн V короновал соимператором своего сына Мануила.

В самом конце правления Иоанна V смуту в Византии поднял его внук Иоанн, уже побывавший на троне в каче-

стве соправителя своего отца Андроника. В 1390 году Иоанн Младший захватил Константинополь и правил там, но только несколько месяцев, под именем Иоанна VII. Документы из архивов Венеции показывают, что восстание Иоанна было организовано султаном Баязидом I. Венецианский сенат, как всегда хорошо осведомленный о ситуации в Константинополе благодаря своим купцам, судя по всему, считал вполне вероятным, что Баязид в этой ситуации окажется на византийском троне. Как бы там ни было, инструкции венецианским послам, отправленным в Константинополь в 1390 году, звучали так: «Если вы найдете сына Мурада [Баязида] в Константинополе, вы должны постараться добиться от него снятия секвестра с венецианских кораблей». Но благодаря деятельному Мануилу Иоанн V был восстановлен на престоле. Вскоре, в начале 1391 года, он умер, закончив свое продолжительное и не слишком счастливое царствование. Императором стал Мануил.

Новый император незадолго до своего вступления на престол женился на Елене, дочери владетеля Северной Македонии Константина Драгоша (Драгаса), — как сказал К. Иречек⁶⁷, «единственной сербке, которая стала византийской императрицей». Она родила Мануилу шесть сыновей, из которых двое — Иоанн VIII и Константин XI — сделались последними византийскими императорами. Отсюда видно, что два последних Палеолога на императорском троне были наполовину славянами. Изображение Елены, прозванной Палеологиней, дошло до нас на прекрасной миниатюре одной из рукописей, хранящихся в Лувре. На миниатюре император Мануил, его жена Елена и трое его сыновей коронуются Девой Марией. Еще один портрет Елены сохранился на свинцовой печати — моливдовуле.

Красивый, благородный, прекрасно образованный и одаренный литературным талантом Мануил еще с юных лет, при жизни отца, остро почувствовал весь ужас положения империи и всю унижительную тяжесть грядущего для него государственного наследства. Получив от отца в управление Фессалонику, он вошел в сношения с населением македонского города, захваченного войсками султана Мурада, в целях избиения турецкого гарнизона и освобождения города

от турецкого ига. Султан узнал об этом и собрался жестоко наказать правителя Фессалоники. Не будучи в состоянии оказать сопротивление надвигавшейся грозе, Мануил, после бесполезной попытки найти убежище у испуганного отца, направился прямо в резиденцию Мурада и принес ему раскаяние в своем поступке.

«Безбожный, но разумный», по словам «Анналов» Пахимера, султан благосклонно принял пришельца, провел с ним несколько дней и, на прощанье снабдив дорожными припасами и богатыми подарками, отправил его обратно к отцу с письмом, в котором просил отца «простить сыну то, что он по неведению соделал». В своей же напутственной речи Мануилу, по сообщению того же источника, Мурад будто бы между прочим сказал: «Управляй с миром тем, что тебе принадлежит, и не ищи чужого. Если же у тебя будет какая-либо нужда в деньгах или в другом содействии, я всегда с радостью буду готов исполнить твою просьбу».

В другой раз преемник Мурада Баязид потребовал от Иоанна V, вместе с присылкой условленной дани, отправить к нему Мануила с вспомогательным отрядом греческих солдат. Мануил должен был подчиниться и принять участие в грабительской экспедиции турок по областям Малой Азии. Испытанное унижение, полное бессилие избавиться от него и лишения похода ясно чувствуются в письмах Мануила за это время. Описав в одном письме голод, холод, утомление и переход через горы, «где даже дикие звери не могли бы питаться», Мануил делает полное трагизма замечание: «Все это переносится сообща со всем войском; но вот что нестерпимо для нас: ведь мы сражаемся с ними и за них; а это значит увеличивать их силу и уменьшать силу нашу». В еще одном письме, по поводу встречавшихся во время похода разрушенных городов, Мануил писал: «На мой вопрос, как эти города назывались, те, кого я спрашивал, отвечали: как мы их уничтожили, так время уничтожило их название; и тотчас же меня охватывает печаль; но я печалюсь молча, будучи еще в силах сдерживать свои чувства». В таких унижительных условиях пришлось жить Мануилу до вступления на престол.

Благородная сторона его натуры особенно проявилась, когда пришлось выкупать его отца Иоанна V у венециан-

цев, задержавших его в Венеции за неуплату в срок долга. В то время как старший сын Иоанна Андроник, управлявший в отсутствие отца государством, оставался глух к мольбам Иоанна, Мануил быстро собрал нужную сумму и, отправившись лично в Венецию, выкупил отца из позорного плена.

После долгого и тяжелого царствования Мануил в последние годы жизни удалился от государственных дел, поручив их ведение сыну Иоанну; себя же он посвятил изучению Священного Писания. За два дня до смерти он постригся в монахи под именем Матфея.

Сын и преемник его Иоанн VIII царствовал с 1425 по 1448 год. Он был трижды женат, и все его супруги принадлежали к разным национальностям. Первой женой Иоанна была юная русская княжна Анна, дочь великого князя Московского Василия I, за три года замужества успевшая сделаться любимицей столичного населения; она стала жертвой морового поветрия. Вторая супруга Иоанна, итальянка София Монферратская, обладала, при высоких духовных качествах, настолько непривлекательной внешностью, что вызывала у Иоанна отвращение; описав ее наружность, византийский историк Дука⁶⁸ приводит народную поговорку его времени: «Спереди пост, а сзади Пасха». Не сумев вынести своего унижительного положения при дворе, София, при помощи галатских генуэзцев, бежала, к удовольствию супруга, в Италию, где и закончила дни в монастырском уединении. Третьей женой Иоанна стала трапезундская принцесса из дома Комнинов Мария, по сообщению того же Дуки, «отличавшаяся красотой и обаянием». Эта женщина, привлекательность которой отмечена не только византийским историком, но и проезжавшим через Константинополь в то время ко святым местам французским паломником Берtrandом де Ла Броквиером, пользовалась до самой своей смерти большим влиянием на императора. Умерла она раньше Иоанна. До сих пор еще существует на одном из Принцевых островов (около Константинополя) небольшая часовня Св. Девы, построенная красавицей императрицей из Трапезунда.

Детей у Иоанна VIII ни от одной из трех супруг не было. Когда осенью 1448 года он умер, поднялся вопрос о пре-

емнике. Тогда императрица-мать, жена Мануила II, братья покойного императора и высшие сановники Константинополя остановили свой выбор на Константине, одном из братьев Иоанна VIII, бывшем в то время морейским деспотом. Об избрании нового императора было доведено до сведения султана, который одобрил кандидата. После этого в Морею была отправлена депутация, которая и объявила Константину о его избрании на погибший трон когда-то великой Византии. В начале 1449 года в Мистре, где находилась резиденция деспота, была, как считалось, совершена коронация последнего византийского императора, который вскоре после этого на каталонском судне прибыл в Константинополь и с торжеством был встречен населением.

Долгое время считалось, что Константин XI был коронован мирянином, хотя церковь требовала, чтобы коронацию осуществил патриарх. Однако после публикации С. Ламбросом⁶⁹ сочинений Иоанна Евгеника⁷⁰ выяснилось, что коронации Константина XI в Мистре на самом деле не было. Вероятнее всего, ее отложили из-за антагонизма между сторонниками и противниками объединения церквей.

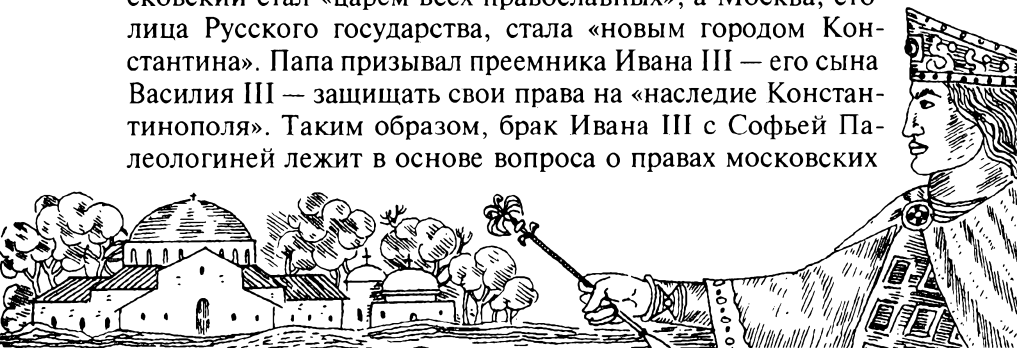
Обе супруги Константина из латинских фамилий, обосновавшихся на христианском Востоке — первая из фамилии Токко, вторая из известной генуэзской династии на острове Лесбосе Гаттилусио, — умерли еще до избрания Константина на престол. Переговоры же о третьей супруге новому императору на Западе и Востоке — в Венеции, Португалии, Трапезунде и Иверии (Грузии) — закончились ничем. Доверенный друг Константина, историк эпохи Палеологов и дипломат Георгий Сфрандзи⁷¹ оставил любопытное описание невесты поисков для императора в Трапезунде и Иверии. Историк Ш. Диль в связи с этим замечает, что, несмотря на давнее существование брачных связей между византийскими императорами и западными дворами, в последний — самый критический момент — взор последнего императора обратился в поисках супруги к более близкому и понятному родственному Востоку.

Константин XI погиб при взятии Константинополя турками в мае 1453 года. На месте христианской восточной монархии основалась сильная военная держава османских турок.

Его брат Димитрий Палеолог попал в плен к Мехмеду II, который женился на его дочери; умер Димитрий в Адрианополе монахом, под именем Давида. Другой брат Фома окончил жизнь в Италии, едва найдя у папы материальную поддержку для собственного существования, но лелея при этом мечту о Крестовом походе против турок. Сын его Андрей, принявший католичество, являлся единственным представителем династии Палеологов, имевшим права на утраченный византийский престол. До нас дошел любопытный документ, сообщающий будто бы Андрей Палеолог передал свои права на империю Константинопольскую и Трапезундскую и на Сербский деспотат французскому королю Карлу VIII. Последний, предпринимая в конце XV века свой поход на Неаполь, думал, что его итальянская экспедиция явится лишь началом для дальнейших завоеваний, прежде всего Константинополя и Иерусалима, что указывает на существование мечтаний о Крестовом походе в конце XV века. Но скорее всего, акт передачи упомянутых прав Карлу VIII остался лишь проектом, так как позднее Андрей Палеолог передал эти же права Фердинанду и Изабелле Испанским. Впрочем, все это на ситуацию в Византии никакого влияния не имело.

Дочь Фомы Палеолога и сестра только что упомянутого Андрея Зоя была выдана замуж за далекого великого князя Московского Ивана III; она известна в русских источниках под именем Софии Палеолог. В. О. Ключевский писал в этой связи: «Царевна, как наследница павшего византийского дома, перенесла его державные права в Москву, как в новый Царьград...»

Москву после этого стали сравнивать с «семихолмным Римом» и называть «третьим Римом». Русский автор начала XVI века монах Филофей⁷² писал: «Два убо Рима падоша. А третий стоит. А четвертому не быти». Великий князь Московский стал «царем всех православных», а Москва, столица Русского государства, стала «новым городом Константинополя». Папа призывал преемника Ивана III — его сына Василия III — защищать свои права на «наследие Константинополя». Таким образом, брак Ивана III с Софьей Палеологиней лежит в основе вопроса о правах московских

государей — представителей и защитников восточного православия — на трон византийских базилиевсов, попавший в руки турок-османов в 1453 году.

2. Внешняя политика Михаила VIII

Византия и Королевство Обеих Сицилий.
Карл Анжуйский и Сицилийская вечерня

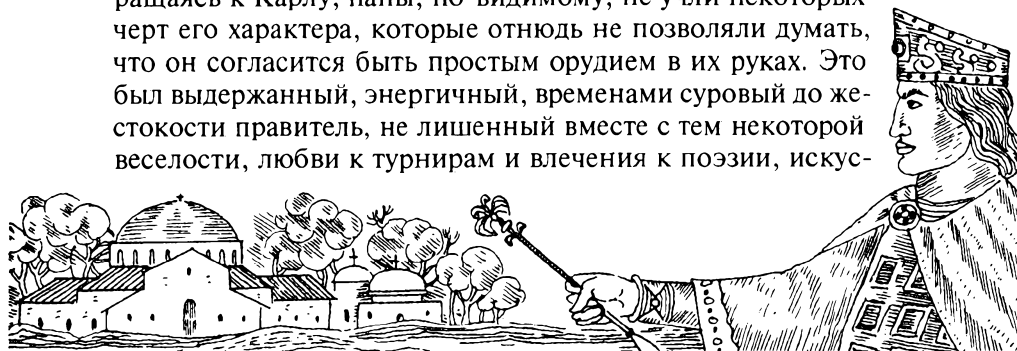
Центральное место во всей внешней политике Михаила VIII занимают его отношения с Королевством Обеих Сицилий; в связи с последними развиваются и принимают определенные формы его отношения к итальянским республикам — Генуе и Венеции — и к папской курии. Отношения к туркам на востоке также находятся в зависимости от западной политики.

Как уже было рассказано выше, в конце XII века германский государь Генрих VI Гогенштауфен, сын Фридриха Барбароссы, благодаря своему браку с норманнской принцессой Констанцией, наследницей норманнского государства в Южной Италии и Сицилии, объединил Королевство Обеих Сицилий под своей властью и вместе с тем унаследовал упорную вражду норманнов к Византии и их завоевательные планы. Единство Королевства Обеих Сицилий с Германией сохранялось до 1250 года, когда умер Фридрих II Гогенштауфен, после смерти которого его побочный сын Манфред сделался королем сицилийским; в Германии же воцарился на короткое время законный сын Фридриха Конрад IV. Под управлением Манфреда, заботившегося не только о материальных, но и о духовных интересах своего государства, Сицилия наслаждалась глубоким миром; двор его был самым блестящим двором того времени; иностранные государи с уважением относились к Манфреду, и бежавший из Константинополя последний латинский император Балдуин II обращался к нему за помощью о возвращении утерянного трона. В отношении Византии Манфред усвоил политику своих предшественников, которая

должна была серьезно беспокоить Михаила VIII — особенно с точки зрения возможной латинской реставрации в Константинополе. А тут еще подеста (главный представитель) живших в Константинополе генуэзцев, которые в то время пользовались исключительно благоприятными условиями торговли в Византии, вступил в сношения с Манфредом и предложил план внезапного овладения Константинополем и восстановления в нем латинского господства. Узнав об этом, разгневанный Михаил VIII выслал генуэзцев из столицы и завязал сношения с Венецией, результатом чего был новый договор с республикой св. Марка, восстанавливавший и подтверждавший прежние привилегии венецианцев и обязывавший их совместно с греками выступить против генуэзцев, если те откроют военные действия против империи.

Но каких-либо реальных действий против Византии Манфред начать не успел, так как стал жертвой папской интриги. Папы, видя, что сила Гогенштауфенов после смерти Фридриха II, непримиримого врага папства, ослабла, решили в лице Манфреда нанести ненавистной династии окончательный удар. Исполнителем папских планов явился Карл Анжуйский, брат французского короля Людовика IX Святого. Но папа, призывая Карла занять Сицилийское королевство, имел в виду не только уничтожение Гогенштауфенов, но и ту помощь, которую Карл мог дать для восстановления Латинской империи на Востоке; по крайней мере, папа выражал надежду, что при помощи Карла «положение империи Романии будет исправлено».

Существует немного крупных исторических фигур, которые бы изображались историками в столь мрачных красках и, может быть, не совсем правильно, как Карл Анжуйский. После ряда работ о нем можно теперь навсегда покончить с легендой, которая делала из него настоящего тирана. Обращаясь к Карлу, папы, по-видимому, не учли некоторых черт его характера, которые отнюдь не позволяли думать, что он согласится быть простым орудием в их руках. Это был выдержанный, энергичный, временами суровый до жестокости правитель, не лишенный вместе с тем некоторой веселости, любви к турнирам и влечения к поэзии, искус-

ству и науке и не желавший сделаться игрушкой пригласившего его в Италию папства.

Явившись с войском в Италию, Карл разбил Манфреда при Беневенте (1266 год). Манфред погиб, после чего Сицилия и Неаполь перешли во французское владение. Новым королем Обеих Сицилий стал Карл Анжуйский. Французы толпами стали покидать свою родину и тысячами переселяться в новые владения Карла, где в целом условия для жизни были прекрасны.

Вскоре после этого ясно проявилось отношение Карла к Византии. Он с согласия и в присутствии папы заключил в Витербо, небольшом итальянском городке к северу от Рима, с изгнанным латинским императором Балдуином II договор, по которому последний передал Карлу право на верховную власть над всеми франкскими владениями в прежней Латинской империи, выговорив себе лишь Константинополь и несколько островов в Архипелаге; отвоевать эти острова у ромеев и должен был помочь ему Карл. Таким образом, при французском владычестве в Королевстве Обеих Сицилий снова ожили в полной мере норманнские притязания на Византию.

Михаил VIII, понимая степень надвигающейся опасности, прибегнул к целому ряду искусных дипломатических шагов. С одной стороны, путем переговоров с папой об унии между Восточной и Западной церквами Михаил как бы отвлекал его от тесного сотрудничества с Карлом и заставлял желать мягкости в отношении к Византии. С другой стороны, Михаил решил примириться с генуэзцами, которые, как было упомянуто выше, имели намерение, вступив в сношения с Манфредом Сицилийским, передать Константинополь латинянам, за что и были изгнаны из столицы. Генуэзцы получили разрешение вернуться в Константинополь, где им был отведен определенный квартал, но не в самом городе, а в его предместье Галате, по ту сторону Золотого Рога. Последнее обстоятельство не помешало генуэзцам возратить себе все прежние торговые привилегии, расширить сферу своей деятельности на весь византийский Восток и отгеснить на второй план извечных соперников — венецианцев. К примеру, один генуэзец из фамилии Цаккариа, получив

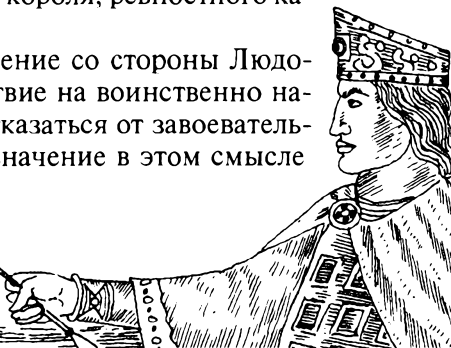

от императора право на разработку богатейших квасцовых залежей в горах около малоазиатского города Фокеи, лежащего при входе в Смирнский залив, быстро создал себе колоссальное состояние.

Между тем Карл Анжуйский занял остров Корфу, сделал этим первый шаг в выполнении своего плана нападения на Византию. Тогда Михаил VIII, в видах согласительной политики с папой и в надежде повлиять на политику Карла Анжуйского, обратился к его брату, французскому королю Людовику IX Святому, самому уважаемому государю того времени, который, незадолго до обращения к нему Михаила, уже выступил по просьбе Англии в качестве третейского судьи при решении сложных вопросов внутренней английской жизни. Теперь Людовику IX назначалась роль посредника, имевшая важное значение для судьбы Византии. В конце шестидесятых годов византийские послы прибыли во Францию «ввиду предстоящего объединения Греческой и Римской церкви». Михаил предложил французскому королю «быть арбитром условий объединения церквей и заранее заверил его в своем полном согласии» (Эберсол⁷³).

Известно, что вначале Людовик IX не одобрял решения его брата Карла завоевать Южную Италию; лишь позднее он как бы примирился со свершившимся фактом, по всей вероятности, потому, что его успели убедить в полезности этого предприятия для будущего Крестового похода. Планы Карла завоевать Византию встретили в Людовике такое же отрицательное отношение — ведь если бы главные силы Карла были направлены на Константинополь, то они не были бы в состоянии принять должного участия в Крестовом походе ко святым местам, идеей которого был так увлечен Людовик. Просьба Михаила выступить в качестве третейского судьи в вопросе о соединении церквей и обещание византийского императора всецело подчиниться его решению также склоняли французского короля, ревностного католика, решить дело миром.

Трудно было ожидать, что давление со стороны Людовика окажет действительное воздействие на воинственно настроенного брата и заставит его отказаться от завоевательных устремлений. Куда большее значение в этом смысле

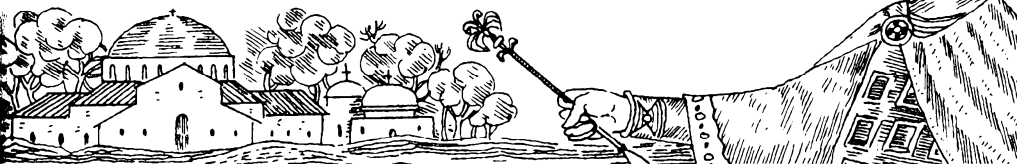
имел Второй крестовый поход Людовика в Тунис, несколько задержавший реализацию планов Карла. Вскоре, однако, неожиданная смерть Людовика в Тунисе (1270 год) разрушила надежды Михаила на его содействие. Византийские послы, незадолго до смерти Людовика прибывшие в Тунис для переговоров, уехали обратно «с пустыми, — по словам Пахимера, — от обещаний руками». Явившийся в Тунис Карл двумя блестящими победами принудил тунисского эмира заключить с ним мир на условии возмещения военных издержек и уплаты ежегодной дани, после чего он снова направил свой взор на Византию. Но на обратном пути из Туниса страшная буря уничтожила большую часть флота Карла, так что он, по крайней мере на некоторое время, был лишен возможности предпринять против Византии широкомасштабное наступление.

Впрочем, в начале семидесятых годов Карл уже отправил значительное наемное войско на Пелопоннес, в Ахайю, где оно с успехом повело наступление на находившиеся там императорские войска. В то же время Карл сумел утвердиться на Балканском полуострове, взяв несколько укрепленных пунктов, в том числе Диррахий (Дураццо, Драчем), на восточном побережье Ионийского моря; нагорные албанские племена покорились Карлу, и деспот Эпирский присягнул ему на верность. После этого неаполитанский король стал величать себя государем Албании.

В одном документе он называет себя «Божьей милостью король Сицилии и Албании», а в другом сообщает, что албанцы «избрали нас и наших наследников в короли и вечные владыки названного государства». Но Карл этим не удовлетворился. Он обратился к сербам и болгарам, в которых нашел усердных союзников. Множество южных славян стали к нему вступать на службу и переселяться в Италию. Русский ученый В. Макушев⁷⁴, хороший знаток итальянских архивов, извлекий из них много сведений о славянах, писал, что, несмотря на отрывочность сведений, «по ним можно судить о ходе славянских поселений в Южной Италии и о многочисленности славян, стекавшихся со всех сторон югославянского мира на службу анжуйцев... Славянские поселения в Южной Италии с XIII по XV век посто-

янно увеличиваются: основываются новые, разрастаются старые». В одном памятнике 1323 года упоминается квартал в Неаполе, который называется «болгарским». В конце концов сербские и болгарские послы прибыли для переговоров в Неаполь. Отсюда видно, какая серьезная опасность угрожала Византии со стороны славяно-французских союзников. Более того, Венеция, которая занимала важное место в политической, экономической и торговой жизни государства Карла, была с ним в дружеских отношениях и тоже поддерживала его политику на Востоке. Добавим к этому, что низложенный и ослепленный Михаилом VIII последний никейский император Иоанн IV Ласкарь бежал из византийского заключения и явился по приглашению Карла к его двору.

Но искусный в политике Карл встретил не менее искусного политика в лице Михаила, который в этих условиях сделал ставку на папскую курию. Папа Григорий X охотно пошел навстречу желанию императора — может быть, не столько под влиянием все усиливавшегося могущества Карла, которое также, конечно, могло его устрашать, сколько в силу своего искреннего желания установить церковный мир и единство и получить надежду на освобождение Иерусалима. Конечно, в подобной мирной политике сближения с Восточной церковью Григорий X встречал целый ряд препятствий со стороны Карла, мечтавшего о насильственном подчинении императора. Однако папе удалось убедить Карла отложить на год уже решенный поход на Византию, дабы за это время он мог достичь соединения с Восточной церковью. Посланцы Михаила Палеолога на собор, который должен был собраться во французском городе Лионе, в полной безопасности прошли по владениям Карла, который даже снабдил их специальными охранными грамотами и провизией. В 1274 году в Лионе была оформлена уния между папой и представителями Михаила VIII. Согласно документам ватиканских архивов, оформление унии привело к переговорам Григория X и Михаила VIII по поводу нового антитурецкого союза. В Константинополь был послан кардинал высокого ранга, и были определены дата и место встречи для личных переговоров папы и императора: она

должна была состояться в понедельник, на Пасху 1276 года в Бриндизи или Валоне. Однако в самом начале года, 6 января, папа внезапно скончался, и проект этот кончился ничем.

После некоторых трений Карл сумел посадить на папский трон одного из своих лучших друзей, бывшего казначея Франции де Бриона, ставшего папой под именем Мартина IV, который, всецело придерживаясь политики сицилийского короля, уничтожил Лионскую унию. Вслед за этим между Карлом, титулярным латинским императором и Венецией был в 1281 году заключен договор «для обратного отвоевания империи Романии, которая находится во владении Палеолога». Против Византии создалась громадная коалиция: латинские владения на бывшей территории империи, Франция, венецианский флот, папа, сербы и болгары. Казалось, Византийское государство стояло на краю гибели, а Карл Анжуйский, этот, по словам Нордена, «предтеча Наполеона в XIII веке», находился на пороге всемирного могущества. Греческий писатель XIV века Григора⁷⁵ писал, что Карл «мечтал, если только овладеет Константинополем, так сказать, о всей монархии Юлия Цезаря и Августа». Западный хронист Санудо⁷⁶ отметил, что Карл «стремился к мировой монархии». Это был самый критический момент во внешней политике Михаила. В 1281 году Михаил VIII вынужден был начать переговоры с египетским султаном Калауном о военном союзе «против общего врага», то есть против Карла Анжуйского.

Но спасение для Византии неожиданно пришло с Запада, а именно из Сицилии, где 31 марта 1282 года в Палермо против французского владычества вспыхнуло восстание, охватившее быстро весь остров и получившее в истории название «Сицилийская вечерня». В этом событии играл некоторую роль и Михаил VIII.

Когда речь заходит о Сицилийской вечерне, одном из важнейших событий в первоначальной истории политического объединения Италии, то всегда приходит на ум написанное еще в начале сороковых годов XIX века и выдержавшее впоследствии много изданий сочинение знаменитого итальянского историка и патриота Амари⁷⁷ «Война Сици-

лийской вечерни», положившее основание научному изучению этого вопроса. Но конечно, во времена Амари далеко не все материалы были доступны, и он сам, знакомясь последовательно с новыми открытиями в данной области, вносил в позднейшие издания своей книги изменения и дополнения. Немалое оживление в изучении этого вопроса было вызвано празднованием в Сицилии в 1882 году шестисотлетия со времени Сицилийской вечерни, когда появился ряд новых изданий. Громадное количество свежего и важного материала дали документы Анжуйского архива в Неаполе и Ватиканского в Риме, и особенно документы испанских архивов. Сицилийская вечерня, представляющаяся на первый взгляд событием исключительно западноевропейской истории, имеет отношение и к истории Византии.

До появления труда Амари обычно полагали, что главным создателем и руководителем сицилийской революции 1282 года был сицилийский изгнанник Джованни Прочида (Прокида), который, побуждаемый чувством личной мести, вступил в переговоры с королем Петром Арагонским, византийским императором Михаилом VIII, представителями сицилийской знати и некоторыми другими лицами, всех их привлек на свою сторону и произвел таким образом восстание. Главным виновником революции считал Прочиду, между прочим, и великий гуманист XIV века Петрарка. Амари, на основании исследования источников, показал, что в целом этот рассказ представляет собой легендарное развитие исторического, но с точки зрения причин сицилийского восстания второстепенного факта.

Население Сицилии чувствовало сильное раздражение против сурового французского владычества. Главными причинами восстания 31 марта были высокомерное отношение к покоренным и страшные налоги, возросшие особенно ввиду дорогой и трудной экспедиции Карла против Византии. Недовольством сицилийского населения искусно воспользовались два лучших, если не считать Карла, политика той эпохи — Михаил VIII и Петр Арагонский. Последний, будучи родственником бывшего сицилийского короля, уже известного нам Манфреда, признавал за собой права на обладание Сицилией и не мог примириться с чрезмерным

могуществом Карла. Это обстоятельство учел Михаил VIII, который обещал испанскому королю денежную субсидию, если только он откроет военные действия против Карла, страшного для Византии. В Италии на сторону Петра встала императорская партия гибеллинов и часть сицилийской знати. Посредником в переговорах, сколотивших эту коалицию, и был вышеупомянутый Джованни Прочида; этим его роль в сицилийском восстании 1282 года и ограничивается.

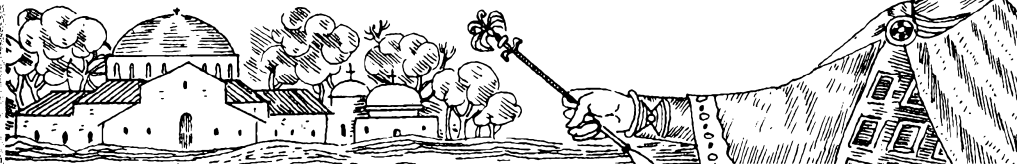
Восстание удалось. По приглашению сицилийцев Петр Арагонский в августе того же года высадился на острове и в Палермо был коронован короной Манфреда. Попытки Карла, возвратившегося с востока, где шли военные действия против Византии, подчинить восставшую Сицилию и изгнать оттуда Петра Арагонского оказались безуспешными и заставили Карла отказаться от завоевательских планов в отношении империи Михаила VIII. В результате Карл остался государем только Южной Италии. Из этого видно, какое важное значение для Византии имела Сицилийская вечерня. Вместе с тем события, связанные с восстанием 1282 года, положили начало дружественным сношениям византийских императоров с испанскими (арагонскими) королями. В своей автобиографии Михаил VIII, упомянув о походе войск Карла против его державы, замечает: «Сицилийцы, отнесшись с презрением к остальной его силе, как ничтожной, дерзнули поднять оружие и освободиться от рабства; поэтому если я сказал бы, что свободу, которую уготовил им Бог, уготовил через нас, то я сказал бы согласное с истиной!»

Сицилийская вечерня оказала сильное влияние на положение папы Мартина IV. Дело касалось не только того неслыханного новшества, когда, как писал историк Ранке⁷⁸, «народ вопреки повелениям Рима осмелился поставить себе короля». События 1282 года подрывали в корне византийскую политику этого папы, который, порвав с Лионской унией и всецело приняв сторону Карла Анжуйского, надеялся на латинскую оккупацию Константинополя. Сицилийская вечерня сделала это невозможным, так как она раздробила и ослабила южноитальянское государство Карла, бывшее основным плацдармом западной наступательной политики против Византии.

Восточная политика Михаила VIII

Главные силы и внимание государей Никейской империи и, после возвращения Константинополя, Михаила VIII были направлены, как известно, на запад; сначала была надежда на возвращение Балканского полуострова, затем последовала изнурительная борьба с Карлом Анжуйским. Восточная граница находилась в некотором пренебрежении — византийское правительство иногда как бы забывало о грозной турецкой опасности с востока. Византийский историк XV века Георгий Сфрандзи пишет: «В царствование Михаила Палеолога, вследствие войн, веденных в Европе против итальянцев, начались опасности для ромейской державы в Азии со стороны турок». Конечно, опасность со стороны турок началась для Византии гораздо раньше; но в этом замечании историка верно отмечена черта восточной политики при Михаиле VIII. Счастьем для империи в его время являлось то, что сами турки в XIII веке переживали смутную эпоху.

В тридцатых и сороковых годах XIII века с востока появилась грозная опасность монгольского нашествия. Иконийский, или Румский, султанат сельджуков, соприкасавшийся с восточной границей Никейской империи, был разгромлен монголами. Во второй половине XIII века, то есть во время Михаила VIII, последние Сельджукиды были простыми наместниками персидских монголов, владения которых простирались от Индии до Средиземного моря. Во главе их стоял Хулагу, признававший своим сюзереном хана восточных монголов. В 1258 году Хулагу захватил Багдад, где последний Аббасид погиб насильственной смертью. После этого он опустошил Сирию, Месопотамию и окрестные страны. Он думал о походе на Иерусалим и, возможно, о кампании против Египта. Однако известия о смерти великого хана монголов Мунке заставили Хулагу отказаться от агрессивных планов в южном направлении. Монгольская династия, установившаяся в Персии, была в последние десятилетия XIII века союзником христиан против мусульман. Р. Гроссе⁷⁹ писал: «Хулагу повел турок-несториан (то есть христиан) из Средней Азии в настоящий желтый кре-

стовый поход против ислама». В конце концов в 1260 году монгольская армия была разбита египетскими мамлюками при Айн-Джалуте. Другое весьма могущественное государство монголов образовалось севернее, на территории России. Это была Золотая (Кыпчакская) Орда со столицей в Сарае на Нижней Волге. Отдавая себе отчет в важности этого нового монгольского фактора, Михаил Палеолог неоднократно пытался использовать его в своей внешней политике.

В этой связи важно заметить, что мамлюкская династия, установившаяся в Египте в 1250 году, в этнографическом плане была связана с Южной Россией. Слово «мамлюк» означает — «принадлежащий», «находящийся в собственности», «раб». Мамлюки в Египте были сначала тюркскими рабами-телохранителями, набранными при преемниках Саладина. В 1260 году эти «рабы» захватили трон и правили в Египте с 1260 по 1517 год, когда Египет был завоеван турками-османами. С конца тридцатых годов XIII века основной контингент мамлюков состоял из представителей тюркского племени куманов (половцев) с юга России, которые бежали от монгольского нашествия или же захватывались в плен и продавались в рабство. Григора говорит, что мамлюки были «европейскими скифами, пришедшими с берегов Меотиды (Азовского моря) и реки Танаис (Дон)».

Куманское происхождение многих мамлюков делало их заинтересованными в сохранении и развитии связей со своими соплеменниками на юге России, где даже после монгольского нашествия осталось значительное количество половцев. Кроме того, хан Золотой Орды принял ислам, султан Египта мамлюк Бейбарс также был мусульманином, тогда как Хулагу был язычником и врагом ислама. Смертельная вражда, не только политическая, но и религиозная, существовала между Хулагу и Берке (Береке) — ханом Золотой (Кыпчакской) Орды.

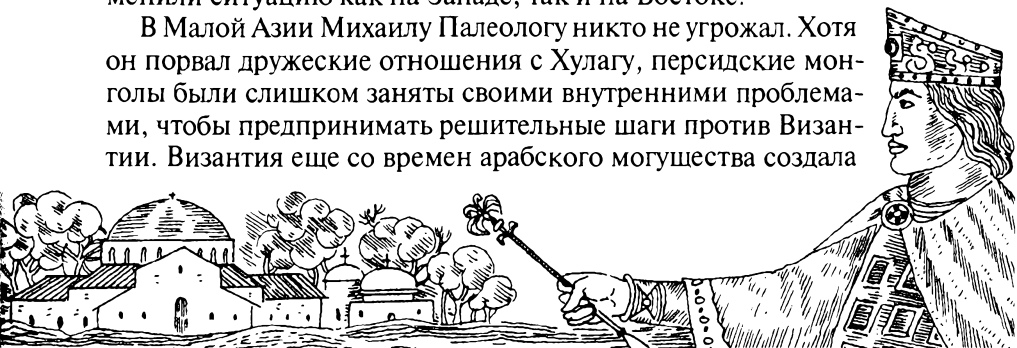
Сухопутная дорога между мамлюками и кыпчаками была перерезана владениями Хулагу. Сообщение по морю между Египтом и югом Руси было возможно только через Геллеспонт, Босфор и Черное море, однако оба пролива находились в руках византийского императора, так что для прохождения ими мамлюкам требовалось специальное разрешение от Ми-

хаила Палеолога. Поэтому, как пишет Григора, египетский султан, «желая быть другом ромеев и желая иметь разрешение для египетских купцов плавать через наши проливы один раз в год», послал своих послов Михаилу Палеологу. Трудность заключалась в том, что в это время Михаил находился в дружеских отношениях с Хулагу, главой монголов Персии, и ответ послам все время откладывался. В конце концов в 1265 году кыпчакский хан Берке начал войну против Михаила, в которой на стороне монголов принял участие болгарский царь Теч (Тич) под руководством Ногая, полководца Берке. Монголы (татары) и болгары разбили византийские войска. После этого поражения Михаил был вынужден прекратить дружественные отношения с Хулагу и начать взаимоотношения с кыпчаками и египтянами. Для того чтобы завоевать благосклонность могущественного Ногая, Михаил дал ему в жены свою побочную дочь, и в следующей войне против болгарского царя Константина Теча был активно поддержан своим новым родственником. В результате болгарский царь был вынужден прекратить военные действия.

Дипломатические отношения между Золотой Ордой, Египтом и Византией продолжались во время всего царствования Михаила. Характерны дружественные взаимоотношения между Михаилом Палеологом и египетским султаном мамлюком Калауном (1279—1290). Общая опасность заставила этих монархов прийти к соглашению, ибо далеко идущие планы Карла Анжуйского угрожали обеим империям. Эти взаимоотношения должны были привести к заключению настоящего договора о дружбе и торговле, который, как считает французский историк М. Канар⁸⁰, и был заключен в 1281 году. Однако, согласно немецкому историку Ф. Дёльгеру⁸¹, взаимоотношения Михаила и султана не вышли за стадию дипломатических переговоров. Падение Карла Анжуйского и Сицилийская вечерня полностью изменили ситуацию как на Западе, так и на Востоке.

В Малой Азии Михаилу Палеологу никто не угрожал. Хотя он порвал дружеские отношения с Хулагу, персидские монголы были слишком заняты своими внутренними проблемами, чтобы предпринимать решительные шаги против Византии. Византия еще со времен арабского могущества создала

на восточной малоазиатской границе ряд укрепленных пунктов, особенно среди горных проходов (клизур); помимо регулярного войска, на границе возникло сословие крестьян-воинов — так называемые акриты, своего рода византийское казачество. По мере продвижения турок к западу акриты в XIII веке сосредоточились по преимуществу в горах Вифинского Олимпа, то есть в северо-западном углу Малой Азии.

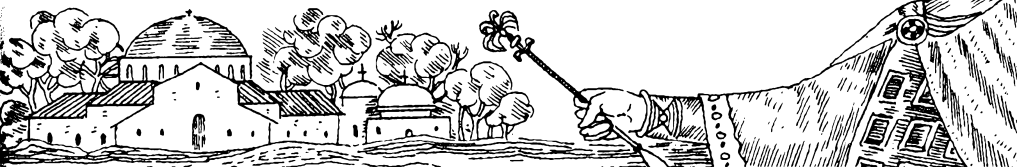
Еще со времени ранних работ В. И. Ламанского⁸², нашего знаменитого слависта, некоторые ученые видят в вифинских акритах славян. Однако гораздо правильнее видеть в акритах представителей разнообразных народностей, среди которых могли быть и потомки давно уже поселенных в Вифинии славян. Эти пограничные поселенцы, наделенные землей, освобожденные от налогов и повинностей и достигшие большого благосостояния, должны были нести военную службу, защищая границу от врагов, и, насколько можно судить по источникам, делали это храбро и энергично. Но со времени перенесения столицы из Никеи в Константинополь акриты перестали пользоваться прежней поддержкой правительства, которое в новом центре чувствовало себя в меньшей зависимости от восточной границы. Кроме того, Михаил Палеолог в силу предпринятой финансовой реформы произвел среди акритов учет их достатка и отчислил в пользу казны большую часть доходов с их земель. Эта мера, окончательно подорвав экономическое благосостояние акритов, на котором основывалась их служебная готовность, оставила восточную границу империи почти беззащитной. После подавления поднятого акритами восстания правительство удержалось от полного их уничтожения только из опасения открыть дорогу туркам. Как бы то ни было, односторонняя внешняя политика Михаила VIII с исключительным уклоном к Западу печально отразилась на восточной границе, которая потеряла последнее средство защиты от турок.

Результаты восточной политики Михаила дадут себя почувствовать, как только турки, после некоторого периода смут и распада, снова объединятся, усилятся и нанесут в конце концов удар, который уничтожит Восточную христианскую империю.

3. Внешняя политика Византии в царствование Андроников

Внешнее положение империи при двух Андрониках, деле и внуке, было иным, чем при их предшественнике Михаиле VIII. У них появились новые сильные враги — Сербия на Балканском полуострове и турки-османы в Малой Азии, причем оба эти народа в лице их наиболее выдающихся государей ставили целью своей борьбы с Византией, подобно Карлу Анжуйскому, полное ее сокрушение и образование на ее месте или греко-славянского, или греко-турецкого государства. План Карла — образовать греко-латинское государство, как мы знаем, не удался. В XIV веке, казалось, был близок к намеченной цели великий сербский государь Стефан Душан, о котором речь будет ниже. Но осуществить вполне этот план удалось, в силу целого ряда исторических условий, лишь османским туркам, создавшим в середине XV века громадное не только греко-турецкое, но и греко-славяно-турецкое государство, в состав которого вошли и сербы, и болгары.

Усиление турок-османов надо считать главным явлением на Востоке в эпоху двух Андроников. Двигаясь по направлению к Малой Азии, монголы оттеснили на запад из персидской области Хорасана турецкую орду из племени огузов, которая, попав на территорию Иконийского государства сельджуков, получила разрешение от их султана остаться в Малой Азии и пасти там свои стада. После позорного от монголов поражения царство сельджуков распалось на несколько самостоятельных владений с особыми династиями, которые тем не менее довольно продолжали досажать империи. Сделалась самостоятельной и пришедшая из Хорасана турецкая орда из племени огузов. В самом конце XIII века во главе ее стал Осман, начавший династию Османов, или Оттоманов, и давший свое имя находившимся под его властью туркам, которые с тех пор и стали называться османскими, или оттоманскими, турками. Династия, основанная Османом, продолжала править в Турции до 1923 года.

Турки-османы с конца XIII века начали теснить оставшиеся еще в руках Византии небольшие малоазиатские владения. С трудом императорские войска удерживали три наиболее важных пункта в Малой Азии: Бруссу, Никею и Никомидию. Посланный против турок старший сын Андроника соимператор Михаил IX потерпел неудачу. Казалось, что сам Константинополь находился уже в опасности, в то время как император, по выражению Пахимера, «как бы спал или не был в живых».

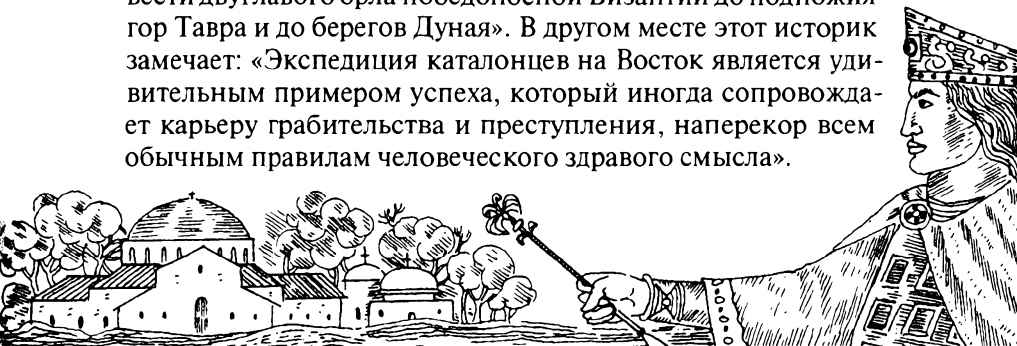
Испанские (каталонские) дружины на Востоке

В подобных обстоятельствах Андроник II без посторонней помощи обойтись не мог. Такая помощь ему явилась в виде испанских наемных дружин, так называемых «каталонских кампаний», или «альмугаваров». Отряды наемников различных национальностей под названием «кампаний», жившие только войной и поступавшие за известную плату к кому угодно для борьбы с кем угодно, были хорошо известны во вторую половину Средних веков; так, в том же XIV и XV веках английские и французские «кампании» принимали деятельное участие на Западе в Столетней войне. «Каталонские кампании», в состав которых входили не только каталонцы, но и жители Арагонии, Наварры, острова Майорки и некоторых других, боролись в качестве наемников на стороне Петра Арагонского во время войны, вспыхнувшей после Сицилийской вечерни. Когда в самом начале XIV века между Сицилией и Неаполем был заключен мир, каталонцы остались без дела; привыкшие жить войной, грабежом и насилием, подобные союзники в мирное время становились опасными для пригласивших их лиц, которые старались от них отделаться. Но и сами «кампании», не желавшие удовлетвориться мирными условиями жизни, искали нового случая продолжать свою бурную деятельность. Каталонцы избрали своим вождем Рожера де Флора, по происхождению немца; фамилия отца его была «Блюм» — цветок, что в переводе соответствует итальянскому и испанскому «Флор».

Рожер, бегло говоривший по-гречески, с согласия своих подчиненных предложил услуги Андронику II в его борьбе

с турками, сельджуками и османами, но поставил стесненному императору неслыханные условия: дерзкий авантюрист потребовал от Андроника руку его племянницы, дарование титула великого дуки (генерал-адмирала) и крупную сумму денег на оплату услуг его «компании». Андроник вынужден был согласиться, после чего испанские дружины, сев на суда, двинулись в Константинополь спасать Восточную империю.

Этот любопытный эпизод участия испанцев в решении судьб Византии подробно изложен как в испанских (каталонских) источниках, так и в греческих, например в сочинении современника и участника этого похода, каталонского хрониста Мунтанера. Согласно западным источникам, Рожер и его спутники являются отважными, благородными, делающими честь своему народу бойцами за правое дело; греческие же историки видят в каталонцах лишь грабителей, насильников и гордецов; Пахимер восклицает: «О если бы Константинополь не видал латинянина Рожера!» Историческая литература XIX века также уделяет много внимания каталонской экспедиции. Испанский исследователь Рубио-и-Льюч⁸³ сравнивает ее деяния с подвигами знаменитых испанских завоевателей Мексики и Перу в XVI веке, Кортеса и Писарро, он не знает, «какой другой народ может гордиться столь знаменательным историческим событием, как наша славная экспедиция на Восток», и оценивает последнюю как вечное свидетельство славы испанской расы. Немецкий историк Карл Гопф полагает, что «поход каталонцев является во всяком случае наиболее привлекательным эпизодом в истории государства Палеологов», поскольку вызывает драматический интерес. Английский историк Финлей⁸⁴ писал, что каталонцы, «если бы ими предводительствовал государь, подобный Льву III или Василию II, могли бы покорить сельджукских турок, задавить османскую силу в ее начале и довести двуглавого орла победоносной Византии до подножия гор Тавра и до берегов Дуная». В другом месте этот историк замечает: «Экспедиция каталонцев на Восток является удивительным примером успеха, который иногда сопровождает карьеру грабительства и преступления, наперекор всем обычным правилам человеческого здравого смысла».

В самом начале XIV века Рожер де Флор прибыл со своей «кампанией» в Константинополь; число участников экспедиции не достигало 10 000 человек; но зато приехавшие на Восток каталонцы и арагонцы привезли с собой своих жен, любовниц и детей. В Константинополе была с великой пышностью отпразднована свадьба Рожера с племянницей императора. После серьезных столкновений, происшедших в столице между каталонцами и генуэзцами, почувствовавшими в пришельцах своих соперников с точки зрения исключительных привилегий, которыми генуэзцы пользовались в империи, «кампания» была наконец переправлена в Малую Азию, где в это время турки осаждали большой город Филадельфию (на восток от Смирны). В соединении с отрядом императорских войск небольшая испано-византийская армия под начальством Рожера де Флора освободила Филадельфию от турецкой осады. Эта победа западных наемников была с восторгом встречена в столице; некоторые думали, что турецкая опасность для империи исчезла навсегда.

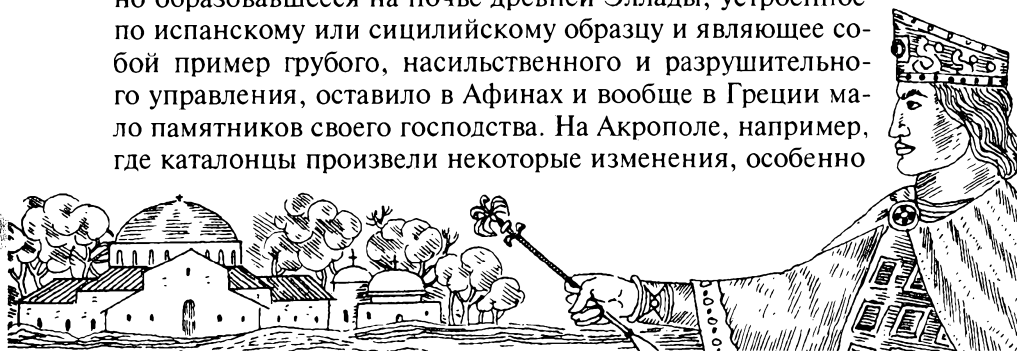
За первым успехом последовал ряд других удачных действий Рожера против турок в Малой Азии. Но непомерные вымогательства и произвольные жестокости каталонцев по отношению к местному населению, с одной стороны, и ясно выраженное намерение Рожера образовать в Малой Азии свое княжество, хотя бы и на условиях вассальной зависимости от императора, с другой, в высшей степени обострили отношения между наемниками, туземным населением Малой Азии и константинопольским правительством. Император отозвал Рожера в Европу, и последний со своей «кампанией», переправившись через Геллеспонт, занял важный пункт на проливе Галлиполи и весь Галлипольский полуостров. Новые переговоры Рожера с императором закончились тем, что Андроник пожаловал ему второй после императора титул кесаря — звание, которое до тех пор в империи не носил ни один иностранец. Новый кесарь, прежде чем снова двинуться в Малую Азию, отправился с небольшим отрядом в Адрианополь, где в то время находился Михаил IX. И тут по наущению Михаила во время пира Рожер и его спутники были перебиты. Когда весть об этом рас-

пространилась среди населения империи, то находившиеся в столице и других городах испанцы также подверглись избиению.

После этого раздраженные и пылающие жаждой мести каталонцы, сосредоточенные у Галлиполи, порвали союзные отношения с империей и двинулись на запад, предавая все вокруг мечу и огню. Страшному разорению подверглись Фракия и Македония. Не избежали горькой участи афонские монастыри; в числе других каталонцами был сожжен и русский афонский монастырь Св. Пантелеймона. Нападение каталонцев на Солунь (Фессалонику) не удалось. В качестве ответной меры за каталонские опустошения Андроник приказал захватить товары, находившиеся на каталонских кораблях в византийских водах. Арестованы были и сами торговцы.

Пробыв некоторое время в Фессалии, каталонцы двинулись на юг через знаменитое в древней истории Фермопильское ущелье в Среднюю Грецию, в пределы Афино-Фиванского герцогства, основанного там после Четвертого крестового похода и находившегося под управлением французов. Весной 1311 года произошла знаменитая битва в Беотии, на реке Кефиссе у Копайдского озера, превратившегося к XIV веку в болото. Каталонцы одержали решительную победу над французами, положили конец цветущему Афино-Фиванскому герцогству и утвердили испанское владычество, продолжавшееся в Фивах и Афинах восемьдесят лет. Известный уже нам храм Св. Девы Марии, древний Парфенон на Акрополе, перешел в ведение каталонского духовенства. Во второй половине XIV века испанский герцог Афин называл Акрополь «драгоценнейшим сокровищем, существующим в мире, которому все христианские государи вместе напрасно пытались бы подражать» (Миллер).

Каталонское Афинское герцогство XIV века, случайно образовавшееся на почве древней Эллады, устроенное по испанскому или сицилийскому образцу и являющее собой пример грубого, насильственного и разрушительного управления, оставило в Афинах и вообще в Греции мало памятников своего господства. На Акрополе, например, где каталонцы произвели некоторые изменения, особенно

в расположении укреплений, не открыто никакого их следа. Зато в народной памяти греков и их языке до сих пор живут воспоминания о жестокости и несправедливости испанских пришельцев. В некоторых областях Греции, например на острове Эвбее, чтобы упрекнуть кого-либо в незаконном и несправедливом поступке, говорят: «Этого не сделали бы и каталонцы». В Акарнании до настоящего времени название «каталонец» является синонимом «дикаря, разбойника, преступника». В Афинах «каталонец» рассматривается как бранное слово. В некоторых городах Пелопоннеса, когда хотят сказать о женщине, что она обладает плохим характером, груба, толста и т. д., еще говорят: «Она похожа на каталонку».

Впрочем, документы показывают, что годы каталонского владычества в Средней Греции характерны не только разрушениями. В это время был укреплен Акрополь, в Афинах открылся университет. Каталонские укрепления были возведены также в Средней и Северной Греции. Современный каталонский историк, лучший специалист по каталонской проблеме в Греции, Рубио-и-Льуч, писал, что «открытие каталонской Греции является, по нашему мнению, одним из самых неожиданных событий, какие современные исследователи встречали в политической истории Средних веков».

Смертельный удар каталонскому преобладанию в Греции нанесло наваррское вторжение 1379 года.

Успехи турок в Малой Азии

В самом начале XIV века каталонская «кампания» удачно боролась с османскими турками. Но эти удачи греко-испанского оружия продолжались недолго. Наступившая вслед за убийством Рожера де Флора кровавая эпопея движения каталонских дружин на Балканском полуострове и вспыхнувшая затем известная уже нам внутренняя междоусобная война между двумя Андрониками, дедом и внуком, отвлекли силы и внимание империи от восточной границы. Этим воспользовались османы и в последние годы Андроника Старшего и в правление Андроника Младшего одер-

жали ряд серьезных успехов в Малой Азии. Султан Осман и затем сын его Урхан завоевали там главные византийские города: Бруссу, которая сделалась столицей турецкого государства османов, Никею и Никомидию, после чего османы подошли вплотную к берегу Мраморного моря. Некоторые города западного побережья Малой Азии стали платить туркам дань. В 1341 году, когда умер Андроник III, турки-османы, можно сказать, являлись уже полными распорядителями Малой Азии с явно выраженным намерением перенести военные действия на европейскую территорию империи и угрожали даже самому Константинополю; по крайней мере, Фракия подвергалась непрерывным набегам с их стороны. Между тем сельджукские эмирства, чувствуя угрозу османов, вступали с империей в союзные отношения для борьбы как против латинян, так и против османов.

Византия и возвышение Сербии. Стефан Душан

Владения Византии на Балканском полуострове в конце XIII века обнимали всю Фракию и Южную Македонию с Солунию; страны, лежавшие далее на запад — Фессалия, Эпир и Албания, — признавали власть империи лишь отчасти и не везде одинаково. Зато на Пелопоннесе империя в правление Михаила Палеолога отвоевала у франков Лаконию на юго-востоке полуострова, а потом и центральную провинцию Аркадию. В остальных частях Пелопоннеса и в Средней Греции продолжали владычествовать латиняне. В Архипелаге Византии принадлежали лишь немногие острова в северной и северо-восточной части моря.

Параллельно с османской опасностью на востоке в первой половине XIV века возрастала угроза со стороны Сербии на Балканском полуострове. Сербы и родственные им хорваты появились на Балканах в VII веке при императоре Ираклии и расположились в западной части полуострова. Хорваты начали сближаться с Западом, приняли католичество и в XI веке утратили независимость, войдя в состав Венгерского королевства; сербы оставались верными Византии и Восточной церкви. В течение долгого времени, до второй половины XII века, сербы в противоположность болгарам

не составляли единого целого и не образовали единого государства; жили они независимыми областями — жупами, во главе которых стояли жупаны. Стремление к объединению появилось у сербов в XII веке и совпадало с болгарским движением, приведшим к основанию Второго Болгарского царства. Подобно тому как в Болгарии во главе движения встала фамилия Асеней, так в Сербии ту же роль сыграла фамилия Неманей.

Основателем сербского государства стал Стефан Неманя, сумевший соединить сербские земли под властью своей фамилии и провозглашенный «великим жупаном». Затем он, благодаря удачным войнам с Византией и болгарями, значительно расширил сербскую территорию и, выполнив свою задачу, сложил с себя власть и окончил жизнь монахом в одном из монастырей на Афоне. Как уже говорилось, во время Третьего крестового похода Стефан Неманя вел переговоры с проходившим по Балканскому полуострову германским государем Фридрихом Барбароссой, предлагая ему союз против византийского императора на условии, чтобы Фридрих позволит Сербии присоединить Далмацию и сохранить отвоеванные от Византии земли. Переговоры эти кончились ничем.

После междоусобной распри между сыновьями Стефана Немани один из них, по имени также Стефан, стал во главе государства и в первой четверти XIII века папским легатом был коронован, почему и известен в истории как Стефан Первовенчанный. С этих пор Сербское государство превратилось в королевство, а сам Стефан Первовенчанный стал «кралем» всех сербских земель. При нем же, также из рук папского представителя, сербская церковь получила самостоятельного главу в лице сербского архиепископа. Но эта зависимость Сербии от Римской церкви быстро прекратилась, и новое королевство осталось верным Восточной церкви.

После падения Латинской империи (1261 год) обстоятельства изменились: вместо нее вновь на политической карте появилась слабая Византийская империя. К этому времени Болгария, ослабевшая благодаря своим внутренним смутам, уже не представляла прежней силы, и самым

крупным государством на Балканском полуострове стала Сербия. Но тут сербские государи совершили ошибку: не забываясь о присоединении к Сербии западных сербских (хорватских) областей, то есть не закончив еще дела сербского национального объединения, они устремили свое внимание на юго-восток — на Константинополь. Во время внутренней войны между Андрониками, дедом и внуком, сербский «краль» поддерживал деда.

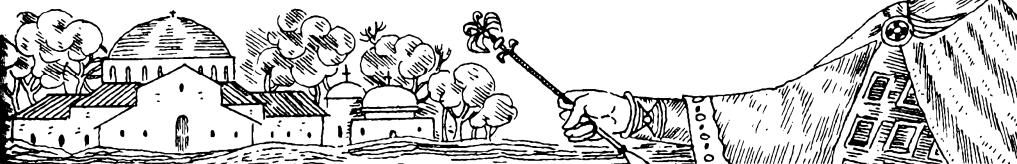

Большое влияние на дальнейшую судьбу Сербии оказала победа сербов в 1330 году над болгарами, бывшими в союзе с Андроником III, близ Вельбужда в Верхней Македонии. В этой битве принимал участие еще юный князь, будущий знаменитый сербский государь Стефан Душан. В результате Вельбуждской битвы был разорван греко-болгарский союз, и всякая возможность для Болгарии задержать дальнейшее усиление Сербии была уничтожена. С этих пор ведущая роль на Балканском полуострове оказалась в руках Сербского королевства.

Однако наивысшего расцвета и наибольшей силы достигла Сербия при Стефане Душане (годы правления 1331—1355). Еще за десять лет до своего вступления на престол он одновременно с отцом, с благословения архиепископа, был венчан на царство в качестве соправителя. Источники называли его по этому поводу «Стефан, младый краль», в противоположность «старому кралою». По словам профессора Флоринского, «это одновременное венчание отца и сына составляло знаменательное явление в сербской истории. В нем ясно сказывалось влияние Византии, где издавна господствовал обычай у императоров иметь при себе коронованных соправителей с тем же императорским титулом».

За первые десять лет правления, совпавшие со временем Андроника III, Стефан Душан, пользуясь тем, что император и Иоанн Кантакузин были отвлечены османской опасностью на востоке, занял Северную Македонию, а затем большую часть Албании. Таким образом, еще даже не продемонстрировав в полной мере своих планов относительно Византии, Стефан Душан показал, какого сильного врага в его лице приобрела империя на Балканском полуострове.

Продвижение албанцев к югу

В первой половине XIV века в жизни Балканского полуострова впервые начинают играть значительную роль албанцы, с которыми воевали и Андроник III, и Стефан Душан. Албания со времен античной древности никогда не представляла собою единого национального государства, и история албанцев всегда была частью истории тех или иных иностранных народов.

Предками албанцев были древние иллирийцы, жившие по восточному побережью Адриатического моря от Эпира к северу до Паннонии. Греческий географ II века н. э. Птолемей упоминает об племени албанцев с городом Албанополем. Имя этих албанцев было перенесено в XI веке на все другие остатки древних иллирийцев. Этот народ назывался по-гречески «албаны», «арбаны» или же «албаниты», «арбаниты». По-латински — *Albanenses*, *Arbanenses*. От латинской или романской формы происходит славянское «арбанаси», в современном греческом «арванитис», в турецком «арнаут». Сами себя албанцы называют «арбер» или «арбен». Позднее появилось новое название для албанцев — «шкипетары», этимология которого окончательно не определена. Издавна албанцы были христианским народом. В раннее византийское время албанцем, возможно, был император Анастасий, происходивший из главного иллирийского прибрежного города Диррахия (Дураццо). Не исключено албанское происхождение семьи византийского императора Юстиниана Великого, одного из наиболее выдающихся монархов поздней Античности.

Впервые албанцы как общее название народа упоминаются в византийских источниках с XI века, со времени норманно-византийских столкновений на полуострове. В эпоху Латинской империи и первых Палеологов албанцы последовательно входили в состав владений то Эпирского деспотата, то Второго Болгарского царства при Иване-Асене II, то никейского императора Иоанна Дуки Ватаца, то, наконец, Карла Анжуйского, величавшего себя уже «Божией милостью королем Сицилии и Албании». В тридцатых годах XIV века начинается движение албанцев к югу, сначала

ла в Фессалию; позднее, во вторую половину XIV и в XV веке, оно распространилось на Среднюю Грецию, Пелопоннес и целый ряд островов Эгейского моря.

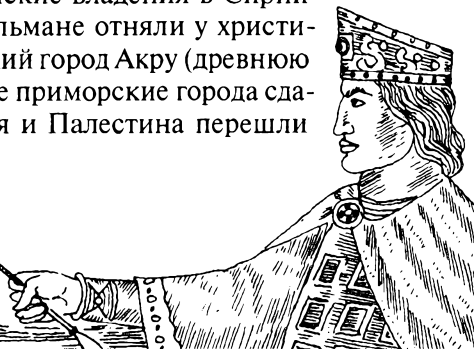
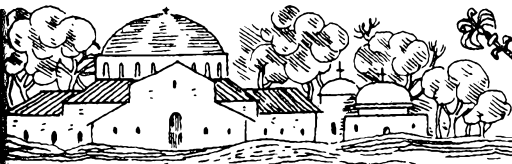
Увлеченный могучим потоком албанской колонизации, немецкий ученый первой половины XIX века Фальмерайер⁸⁵, выступивший со столь нагремевшей теорией о полном истреблении греческой национальности славянами и албанцами и произнесший знаменитые слова о том, что «ни единой капли настоящей, чистой эллинской крови не течет в жилах христианского населения современной Греции», писал во втором томе своей «Истории полуострова Мореи в Средние века», что со второй четверти XIV века населявшие Грецию греко-славяне были оттеснены и подавлены албанскими поселенцами, так что, по его мнению, восстание Греции XIX века, освободившее ее из-под ига турок, было делом рук албанцев. Во время путешествия этого ученого по Греции Аттика, Беотия, большая часть Пелопоннеса представляли собой целые ряды албанских поселенцев, иногда даже не понимавших по-гречески. Если кто-нибудь назовет всю эту страну, пишет тот же автор, новой Албанией, тот назовет вещь ее настоящим именем. Эти провинции Греческого королевства имеют с эллинизмом такое же близкое родство, как горная Шотландия с афганскими областями Кандагара и Кабула.

Венеция и Генуя

Что касается отношения Византии к двум западным торговым республикам, Венеции и Генуе, то правительство Михаила VIII, отдавая вообще бесспорное преимущество Генуе и вместе с тем порывая и восстанавливая, в зависимости от политических условий, связи с Венецией, умело пользовалось существовавшим между ними антагонизмом.

К концу XIII века все христианские владения в Сирии были потеряны. В 1291 году мусульмане отняли у христиан их последний важный приморский город Акру (древнюю Птолемаиду), после чего все прочие приморские города сдались им почти без боя. Вся Сирия и Палестина перешли в руки мусульман.

Для Венеции это явилось страшным несчастьем, поскольку она долгое время господствовала в торговле на юге Средиземного моря и теперь теряла свои доходы. Генуэзцы, стоявшие твердо на Босфоре, делали все, чтобы распространить свое влияние на Черное море, где они, очевидно, желали монополизировать торговлю; это особенно касалось Крыма, где были уже как венецианские, так и генуэзские колонии. Учитывая грозную опасность для своей торговой мощи, Венеция объявила войну Генуе. Что парадоксально, военные действия между ними часто велись на территории или в водах Византии. Венецианский флот, прорвавшись через Геллеспонт и Мраморное море, разорил поселения на берегах Босфора и предместье Галату, где жили генуэзцы. Генуэзская колония спаслась за стенами Константинополя, где император оказал генуэзцам деятельную поддержку, а жившие в столице венецианцы подверглись избиению.

После этого генуэзцы добились у Андроника II разрешения обнести Галату стеной и рвом; их квартал разукрасился целым рядом общественных и частных сооружений. Во главе колонии стоял назначаемый из Генуи подеста, ведавший интересами всех живших на территории империи генуэзцев и управлявший на основании определенных законов. Таким образом, по словам профессора Флоринского, «незаметно рядом с православным Царьградом возник небольшой, но хорошо укрепленный латинский городок с генуэзским подестой, со своим республиканским устройством, с латинскими церквями и монастырями. Теперь Генуя, помимо торгового, приобретает большое политическое значение в империи». Ко времени вступления на престол Андроника III Галата сделалась как бы государством в государстве, что стало особенно сильно ощущаться в конце его правления. При таких условиях прочного мира между Генуей и Венецией быть не могло.

Кроме этих двух крупных торговых республик, в конце XIII и XIV веке в Византии имели колонии и развивали торговую деятельность другие западные города — Пиза, Флоренция, Анкона, славянский Дубровник (Рагуза), Марсель и др.

Подводя итоги правления двух Андроников, деда и внука, придется прийти к печальным для Византии результатам. На востоке турки-османы сделались господами положения в Малой Азии; на Балканском полуострове Стефан Душан достиг вполне реальных успехов, свидетельствовавших о его широких замыслах на будущее. Каталонские «кампании» подвергли страшному опустошению целый ряд областей империи во время движения на запад. Наконец, рядом с Константинополем обосновалась и укрепилась экономически сильная и политически де-факто независимая генуэзская Галата.

Иоанн V (1341—1391), Иоанн VI Кантакузин (1341—1354)
и апогей сербского могущества при Стефане Душане

Еще при предшественнике Иоанна V — Андронике III Стефан Душан овладел Северной Македонией и большей частью Албании. Со вступлением на престол несовершеннолетнего Палеолога, когда империю стала раздирать опустошительная междоусобная война, завоевательные планы Душана расширились и обратились к самому Константинополю. Византийский историк XIV века Никифор Григора влагает в уста Иоанна Кантакузина такие слова: «Великий серб (Стефан Душан), подобно разлившейся и далеко перешедшей свои границы реке, одну часть империи Романии уже затопил многочисленными волнами, другую часть грозит затопить». Вступая в соглашения то с Кантакузином, то с Иоанном V, в зависимости от большей или меньшей выгоды, и пользуясь безвыходным положением империи, силы которой были подорваны внутренними распрями, Стефан Душан без труда покорил всю Македонию, кроме Солуни, и после осады взял Серес — важный укрепленный пункт в Восточной Македонии, лежавший на дороге из Солуни в Константинополь. Сдача Сереса имела важное значение: в руки Душана перешел укрепленный, уже чисто греческий город, немногим уступавший Солуни и служивший ключом на пути от нее к Константинополю.

Современные ему византийские источники связывают со взятием Сереса принятие Душаном царского титула и фор-

мальное проявление с его стороны притязаний на обладание Восточной империей. Иоанн Кантакузин, например, писал: «Краль подступил к Сересу и овладел им... После этого он, высоко возомнив о себе и видя себя обладателем большей части империи, провозгласил себя царем ромеев и сербов, а сыну своему предоставил титул краля». В письме из того же Сереса к венецианскому дожу Душан, среди других титулов, величает себя «господином почти всей Византийской империи». На греческих указах своих Душан подписывался красными чернилами: «Стефан во Христе Боге верный краль и самодержец (автократор) Сербии и Романии», или просто: «Стефан во Христе Боге верный царь и самодержец Сербии и Романии».

Планы Душана в отношении Константинополя отличались от уже известных нам планов болгарских царей IX и XIII веков, Симеона и Асений. Главной целью Симеона было освобождение из-под власти Византии славянских земель и образование из них единого славянского государства; «самая попытка его, — пишет профессор Флоринский, — овладеть Царьградом вытекала все из того же стремления уничтожить господство греков и заменить его господством славян». Этому взгляду, по мнению того же ученого, не может противоречить ни принятие Симеоном титула «Цесаря Българом и Гръком», который продолжали носить его преемники, ни известие источника о том, что «Симеон хотел занять византийский престол и условием мира с греками ставил признание его греческим императором. Все это только доказывает, что болгарский царь в своих удачных войнах с греками, повод к которым давали большей частью последние, пришел к мысли об окончательном уничтожении Византии. Он хотел владеть Царьградом и повелевать греками, но не как император ромейский, а как царь болгарский». Еще более патриотические цели преследовали Асени, которые стремились к освобождению и полной независимости болгарского народа, хотели основать болгарское царство, хотя бы и с включением в него Константинополя.

Иными целями руководствовался Стефан Душан, принимая титул царя (басилевса) и самодержца (автократора). Тут вопрос шел не только об освобождении сербско-

го народа из-под влияния восточного императора. Целый ряд данных не оставляет сомнения в том, что Душан задался целью создать вместо Византии новое царство, но не сербское, а сербско-греческое, что «сербский народ, сербское королевство, все присоединенные к нему славянские земли должны были сделаться только составной частью империи Ромеев, главой которой он провозглашал себя». Выставляя себя претендентом на трон Константина Великого, Юстиниана и других византийских государей, Душан прежде всего хотел стать императором ромеев, а потом сербов, то есть утвердить в своем лице сербскую династию на византийском престоле.

Для Душана важно было привлечь на свою сторону греческое духовенство завоеванных областей, так как он понимал, что провозглашение его царем сербов и греков может быть только тогда законным в глазах народа, когда оно будет освящено высшим авторитетом церкви. Сербский архиепископ, зависимый от константинопольского патриарха, сделать этого не мог; если бы даже была провозглашена полная независимость сербской церкви, то и тогда сербский архиепископ или патриарх мог бы венчать крاليا лишь сербским царем. Для освящения титула «царя сербов и ромеев», который влек бы за собой право на византийский престол, требовалось нечто большее. Константинопольский патриарх на такое венчание согласиться, конечно, не мог. В таких обстоятельствах Душан стал стремиться к тому, чтобы его новый титул был освящен одобрением высшего греческого духовенства завоеванных областей и греческими монастырями знаменитой Афонской горы.

В этих целях он подтвердил и расширил привилегии и умножил пожалования греческих монастырей в завоеванной Македонии, где под его власть перешли и принадлежавшие Афону находившиеся там поместья и подворья — метохи. Вслед за этим и самый Халкидский полуостров с афонскими монастырями перешел к Душану; святогорские старцы греческих монастырей не могли не понять, что с этого времени верховное покровительство над монастырями перешло от византийского императора к новому владыке, от которого и будет зависеть дальнейшее благосостояние мо-

настырей. Дошедшие до нас жалованные грамоты (хрисовулы) Душана греческим монастырям Афона, написанные по-гречески, свидетельствуют не только о подтверждении им прежних монастырских льгот, привилегий и владений, но и о пожаловании новых. Помимо хрисовулов отдельным монастырям есть указание на общий хрисовул, которым Душан благодетельствовал все афонские монастыри; в последнем хрисовуле мы читаем: «Царственность моя, принявши все находящиеся на св. горе Афоне обители, от всей души прибегшие и подчинившиеся ей, общим хрисовулом всем им доставила и оказала богатое благодеяние, дабы подвижающиеся в них монахи безмятежно и тихо совершали дело Божие».

На Пасху 1346 года наступил знаменательный день в сербской истории. В Скопии (Скопле в Северной Македонии), стольном городе Душанов, собрались именитые властители со всего Сербского королевства, все высшее сербское духовенство во главе с сербским архиепископом, болгарское и греческое духовенство завоеванных областей и, наконец, прот, то есть глава совета игуменов, управлявшего Афоном, игумены и старцы святой Афонской горы. Этому многоялюдному торжественному собору «предстояло узаконить и освятить совершенный Душаном политический переворот — основание нового царства».

Прежде всего собор 1346 года учредил сербское патриаршество, совершенно независимое от царградского патриарха. Такой сербский независимый патриарх был необходим Душану для самого акта его венчания на царство. Так как избрание этого патриарха происходило без участия вселенских патриархов, то место царградского патриарха должны были занять на соборе греческие епископы и святогорские старцы. Сербский патриарх был избран, а константинопольский патриарх, отказавшийся признать действия собора законными, произнес на Сербскую церковь анафему.

После избрания патриарха было совершено торжественное венчание Душана царским венцом. Вероятно, этому событию предшествовала церемония провозглашения его царем в Сересе вскоре после занятия этого города. После этого

при дворе Душана появился пышный придворный штат, соответствующий византийским обычаям. Новый «басилевс» приблизил к себе представителей греческой знати; греческий язык, по-видимому, получил равноправие с языком сербским, так что многие грамоты Душана написаны по-гречески. Согласно византийскому обычаю, Душан вместе с собой венчал на царство свою супругу; их десятилетний сын также был венчан «кралем всех сербских земель».

После коронации Душан целым рядом жалованных грамот (хрисовулов) выразил греческим монастырям и церквям свою благодарность и благорасположение и посетил со своей супругой Афон, где пробыл около четырех месяцев, богомольствуя во всех монастырях.

После венчания на царство единственной мечтой Стефана сделалось взятие Константинополя; ему казалось, что для этого после его побед и коронации препятствий уже нет. Увлеченный своей мечтой, Душан не сразу оценил усилившееся могущество турок, которые также стремились к византийской столице и с которыми плохо организованное сербское войско справиться было не в силах; кроме того, для овладения Константинополем нужно было иметь флот, которого у Душана не было. Поэтому он задумал для увеличения своих сил на море вступить в союз с Венецией, но эта идея была заранее обречена на неудачу — если бы Венеция могла завоевать Константинополь, то она завоевала бы его для себя. Попытка Душана войти в союзные отношения с турками также не удалась; к тому же интересы Душана и турок непременно должны были столкнуться. Вмешательство же во внутреннюю распрю империи никаких ощутимых результатов для планов Душана дать не могло. В последние годы его правления сербский отряд, сражавшийся на стороне Иоанна V Палеолога, был перебит турками. Для Душана настало время разочарования в своих смелых замыслах; ему стало ясно, что пути к Царьграду для него закрыты.

Известие позднейших дубровницких (рагузских) хроник о предпринятом Душаном в год его смерти громадном походе на Константинополь, не осуществившемся только вследствие внезапной кончины царя, не подтверждает

ся никакими современными свидетельствами и не признается лучшими знатоками эпохи за действительно бывшее событие. В 1355 году великого сербского государя не стало. Таким образом, Душану не удалось создать греко-сербское царство, которое должно было заменить Византийскую империю; он «успел образовать только Сербское царство, включавшее в себя многие греческие земли» (Флоринский) и распавшееся после его смерти, по выражению Иоанна Кантакузина, «на тысячи кусков».

Существование монархии Душана было настолько непродолжительно, что в ней, собственно говоря, по словам профессора Флоринского, «наблюдать можно только два момента: момент образования, продолжающийся во все время царствования Душана, и момент распада, начавшийся тотчас после смерти ее основателя».

«Через десять лет после этого, — пишет другой русский ученый, профессор А. Погодин⁸⁶, — можно было вспомнить о величии сербского царства как об отдаленном прошлом». Итак, третья, наиболее грандиозная и последняя попытка славян образовать на Балканском полуострове великую державу, со включением в нее Константинополя, закончилась неудачей. Для завоевательных планов воинственных османских турок Балканский полуостров теперь был открыт и почти беззащитен.

4. Политика Византии во второй половине XIV века

Турки

К концу царствования Андроника Младшего турки являлись почти полными хозяевами Малой Азии. Восточная часть Средиземного моря и Архипелаг находились под постоянной угрозой нападения турецких пиратов, как османов, так и сельджуков. Положение христианского населения полуострова, прибрежных местностей и островов было невыносимым. Торговля замерла. Турецкие атаки на афон-

ские монастыри вынуждали монахов эмигрировать в Грецию; один из них, Афанасий, основал в Фессалии монастыри «в воздухе» — знаменитые Метеоры. Король кипрский и магистр ордена госпитальеров, или иоаннитов, владевших с начала XIV века островом Родос, умоляли папу поднять западноевропейские государства в поход против турок. Но небольшие освободительные экспедиции, проведенные в ответ на призыв папы, несмотря на некоторый успех, не могли привести к желанному результату. Ближайшим стремлением турок было желание прочно утвердиться на европейском берегу. Выполнение намеченного ими плана облегчалось междоусобной войной в империи, которая, особенно в лице Иоанна Кантакузина, не переставала вмешивать турок в свои внутренние дела.

Обычно первое утверждение османских турок в Европе связывается с именем Иоанна Кантакузина, часто опиравшегося на них в своей борьбе с Иоанном Палеологом. Кантакузин, как известно, даже выдал свою дочь замуж за султана Урхана. По приглашению Кантакузина турки, являясь его союзниками, не раз опустошали Фракию. Никифор Григора замечает, что Кантакузин настолько же ненавидел ромеев, насколько любил варваров. Вполне возможно, что первые поселения турок на Галлипольском полуострове (Херсонесе) также произошли с ведома и с согласия Кантакузина. Григора пишет, что в то время, как в дворцовом храме должно совершаться христианское богослужение, допущенные в столицу османы у дворца пляшут и поют, «выкрикивая непонятными звуками песнопения и гимны Мухаммеда, чем они более привлекают толпу к слушанию себя, чем к слушанию божественных евангелий». Для удовлетворения финансовых требований турок Кантакузин отдал им даже деньги, присланные из Руси великим князем Московским Симеоном Гордым на исправление пришедшего в упадок храма Св. Софии.

Хотя частные поселения турок в Европе, а именно во Фракии и на Фракийском (Галлипольском) полуострове, уже существовали, по всей вероятности, с первых лет правления Кантакузина, однако они не казались особенно опасными, так как подчинялись, конечно, византийским

властям. Но в начале пятидесятых годов на Херсонесе Фракийском, около Галлиполи, в руки турок попал небольшой укрепленный замок Цимпа. Попытка Кантакузина при помощи денег заставить турок очистить Цимпу не удалась.

В 1354 году почти весь южный берег Фракии постигло страшное землетрясение, разрушившее целый ряд городов и укреплений. Воспользовавшись этим, турки заняли на Херсонесе несколько оставленных населением городов, в том числе Каллиполь (Галлиполи), который они, выстроив стены, соорудив сильные укрепления и арсенал и разместив большой гарнизон, превратили в высшей степени важный стратегический центр, сделавшийся опорным пунктом для дальнейшего продвижения по Балканскому полуострову. Опасность для Константинополя тотчас была понята населением, которое по получении известия о захвате турками Каллиполя впало в отчаяние. По свидетельству писателя Димитрия Кидониса⁸⁷, крики и плач раздались по всему городу.

«Какие речи, — пишет он, — преобладали тогда в городе? Не погибли ли мы? Не находимся ли мы все в стенах как бы в сети варваров? Не казался ли счастливец тот, кто перед опасностями тогда покинул город?» По словам того же автора, все, «чтобы избегнуть рабства», спешили уезжать в Италию, в Испанию и даже дальше — «к морю за Столбами», то есть за Гибралтарским проливом — может быть, в Англию? Русская летопись по поводу данных событий отмечает: «Въ льто 6854 (1346 год) перевезлися Измаилтяне на сю сторону в Греческую землю. Въ льто 6865 (1357 год) взяли у Греков Калиполь».

Венецианский представитель в Константинополе сообщал в это время своему правительству о турецкой опасности, о возможности перехода остатков империи в руки турок, о всеобщем недовольстве в Византии императором и правительством и о желании большинства населения подчиниться латинянам, и прежде всего Венеции. В другом донесении тот же представитель писал, что в видах защиты от турок константинопольские греки больше всего желают владычества Венеции или, если не будет его, «государя Венгрии или Сербии». Насколько последняя точка зрения вене-

цианского представителя отражала настоящее настроение Константинополя, сказать трудно.

Обыкновенно в исторической литературе и в школьных руководствах главным, почти единственным виновником первоначального утверждения турок на Балканском полуострове является Иоанн Кантакузин, призвавший их себе на помощь в своей личной борьбе за власть с Иоанном Палеологом. Создавалось впечатление, что вся ответственность за дальнейшее варварское хозяйничанье турок в Европе должна лежать на Кантакузине. Но конечно, не в нем одном заключается причина этого рокового для Византии и Европы события. Главную причину надо видеть в общем положении Византии и Балканского полуострова, которые не могли уже поставить никаких серьезных препятствий к неуклонному натиску турок на запад. Если бы Кантакузин не призывал их в Европу, они все равно туда бы пришли. По словам профессора Флоринского, прекрасного знатока данной эпохи, «турки сами по себе своими постоянными набегами проложили себе путь к завоеванию Фракии; успехам и безнаказанности их нашествий содействовало печальное внутреннее положение греко-славянского мира; наконец, ни у одного из политических деятелей разных государств и народов, действующих в данное время в пределах этого мира, не видно ни малейшего сознания грозной опасности от надвигающейся мусульманской силы; напротив, все стараются вступать с ней в компромиссы для узкоэгоистических целей, так что Кантакузин в этом отношении не представляет особого исключения».

Подобно Кантакузину, мыслью о союзе с турками были заняты в то время венецианцы и генуэзцы, «эти привилегированные защитники христианства против исламизма». Такого же союза с турками искал и великий «царь сербов и греков» Душан. «Никто, конечно, не станет совершенно оправдывать и Кантакузина; нельзя снять с него всей вины за печальные события, приведшие к утверждению турок в Европе, но не нужно забывать, что и не один он виноват. И Стефан Душан, быть может, также водил бы с собой турецкие полчища по полуострову, как водил их Кантакузин, если бы последний не предупредил его и не помешал ему

сойтись с Урханом. Такое уж было тогда тревожное, беспорядочное время!» (Флоринский)

Утвердившись в Галлиполи и пользуясь не прекращавшимися внутренними смутами в Византии и в славянских государствах Болгарии и Сербии, турки продолжили свои завоевания на Балканском полуострове. Преемник Урхана, султан Мурад I, после занятия целого ряда укрепленных городов в ближайших окрестностях Константинополя овладел такими крупными центрами, как Адрианополь и Филиппополь, и, двигаясь на запад, начал угрожать Фессалонике. В Адрианополь была перенесена столица турецкого государства. Константинополь постепенно окружался турецкими владениями. Император же платил дань султану.

Эти завоевания поставили Мурада лицом к лицу с Сербией и Болгарией, которые к тому времени уже потеряли свою былую силу благодаря внутренним раздорам. Мурад двинулся на Сербию. Навстречу ему выступил сербский князь Лазарь. Решительное сражение разыгралось летом 1389 года в центре Сербии, на Косовом поле. Вначале казалось, что победа была на стороне сербов. Рассказывают, что один из сербских храбрецов, Милош Обилич, или Кобилич, пробрался в турецкий лагерь, притворился перешедшим на сторону турок и, проникнув в шатер Мурада, убил его ударом отравленного кинжала⁸⁸. Возникшее после этого среди турок замешательство было быстро устранено сыном убитого Мурада Баязидом, который, окружив сербское войско, нанес ему полное поражение. Попавший в плен князь Лазарь был казнен. Год сражения на Коссовом поле может быть признан годом падения Сербии. Жалкие остатки сербского государства, продолжавшие еще существовать в продолжение семидесяти лет, не заслуживают названия государства. Сербия в 1389 году подчинилась Турции.

Через четыре года (в 1393 году), то есть уже после смерти Иоанна V, была завоевана турками столица Болгарии Тырново, а немного позднее вся болгарская территория вошла в состав Турецкой империи.

Незадолго до смерти престарелому и уже больному Иоанну V пришлось вынести новое унижение. Перед лицом турецкой опасности он приступил в Константинополе к ис-

правлению стен и возведению укреплений. Узнав об этом, султан приказал ему разрушить построенное, угрожая в случае отказа ослепить сына императора и наследника Мануила, находившегося в то время при дворе Баязида. Иоанн вынужден был покориться. Константинополь вступил в критическую пору своего существования.

Генуя, «черная смерть» 1348 года
и Венецианско-генуэзская война

К концу правления Андроника III генуэзская колония в Галате, достигнув крупного экономического и политического влияния, сделалась как бы государством в государстве. Пользуясь почти полным отсутствием флота у Византии, галатские генуэзцы заполнили своими судами все порты Архипелага и захватили всю ввозную торговлю на Черном море и в проливах. По свидетельству Никифора Григоры, таможенные доходы Галаты ежегодно достигали до 200 000 золотых, в то время как Византия с трудом получала с этих сборов едва 30 000 золотых. Понимая всю опасность для Византии со стороны Галаты, Иоанн Кантакузин, несмотря на раздиравшую государство внутреннюю смуту, приступил, насколько позволяли расстроенные финансы страны, к постройке военных и торговых судов. Встревоженные галатцы решили силой сопротивляться замыслам Кантакузина; они заняли господствующую над Галатой возвышенность и построили там стены, башню и различные земельные укрепления. Нападение генуэзцев на сам Константинополь окончилось, однако, для них неудачно. Выстроенные Кантакузином суда вошли в Золотой Рог для борьбы с генуэзцами, которые уже склонялись к миру ввиду силы нового византийского флота. Но неопытность греческих судовых начальников и разразившаяся буря, чем умело воспользовался генуэзский адмирал, привели к тому, что греческий флот был разгромлен, и галатцы после этого с торжеством разъезжали на разукрашенных судах мимо императорского дворца, издеваясь над императорским флагом, снятым с разбитых греческих кораблей. По условиям заключенного с генуэзцами мира спорные высоты над Галатой остались

в их руках. Генуэзская Галата стала еще более опасной для Константинополя.

Подобное усиление и до того уже преобладающего влияния генуэзцев при Палеологах не могло не отразиться на положении Венеции, видевшей в Генуе своего главного торгового врага на Востоке. Особенно остро сталкивались интересы этих республик на Черном море и на Меотиде (Азовском море), где генуэзцы утвердились в Каффе (в Крыму, современной Феодосии) и в Тане, у устьев Дона (у современного Азова). Босфор, то есть вход в Черное море, также находился в руках генуэзцев, которые, владея Галатой, устроили на берегу пролива род таможенного пункта, взимавшего торговые пошлины со всех не генуэзских судов, преимущественно венецианских и византийских, направлявшихся в Черное море. Целью Генуи было установить по его берегам торговую монополию. На островах и побережье Эгейского моря интересы Венеции и Генуи также сталкивались.

От немедленного столкновения республики удержала чума 1348 и следующих годов. Страшное моровое поветрие, так называемая «черная смерть», будучи занесена из глубины Азии на побережье Меотиды (Азовского моря) и в Крым, перебросилась, благодаря зачумленным генуэзским торговым галерам, вышедшим из Таны и Каффы, в Константинополь, где унесла, по несколько преувеличенному, вероятно, свидетельству западных хроник, 8/9 или 2/3 населения. Оттуда зараза перешла на острова Эгейского моря и на средиземноморское побережье. Из Византии генуэзские галеры, как рассказывают западные хроники, разнесли заразу по прибрежным городам Италии, Франции и Испании. «Есть нечто невероятное, — замечает М. М. Ковалевский⁸⁹, — в этом безостановочном странствовании зачумленных галер по средиземноморским портам». Из последних чума распространилась на север и запад и охватила Италию, Испанию, Францию, Англию, Германию и Норвегию. В это время в Италии Боккаччо писал свой знаменитый «Декамерон», который, как известно, начинается «классическим по своей картинности и размеренной торжественности описанием черной смерти» (Веселовский⁹⁰), когда здоровые лю-

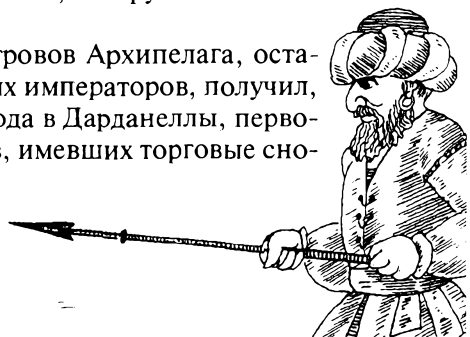
ди еще «утром обедали с родными, товарищами и друзьями, а на следующий вечер ужинали со своими предками на том свете» (Боккаччо).

Из Германии по Балтийскому морю и через Польшу чума проникла во Псков, Новгород, Москву, где жертвой ее в 1353 году стал великий князь Симеон Гордый, и распространилась почти по всей России. В некоторых городах, по свидетельству русской летописи, не осталось в живых ни одного человека.

Венеция тем не менее деятельно готовилась к войне. После того как ужасы морового поветрия несколько позабылись, республика св. Марка заключила союз с королем Арагонии, который, имея счеты с генуэзцами, согласился своими нападениями на берега и острова Италии отвлекать силы Генуи и тем самым облегчать действия Венеции на Востоке. После некоторого колебания к арагоно-венцианскому союзу против Генуи присоединился и Иоанн Кантакузин, обвинявший «неблагодарный народ генуэзцев» в том, что они забыли «страх Божий», что они опустошали моря, «как будто бы их обуяла мания грабежа», что они «старались непрестанно беспокоить моря и мореплавателей своими пиратскими нападениями».

Главный бой, в котором приняли участие около 150 кораблей греческих, венецианских, арагонских, генуэзских, произошел в начале пятидесятых годов в Босфоре и не дал решительного результата; обе стороны приписывали себе победу. Сближение генуэзцев с турками-османами заставило Иоанна Кантакузина отказаться от союза с Венецией и примириться с генуэзцами, которым он обещал не помогать впредь Венеции и соглашался расширить генуэзскую колонию Галаты. Однако утомленные войной Венеция и Генуя после нескольких столкновений заключили между собой мир, который, впрочем, продолжался недолго; снова вспыхнула между ними война, которую можно назвать Тенедосской войной.

Тенедос, один из немногих островов Архипелага, оставшихся еще в руках византийских императоров, получил, благодаря своему положению у входа в Дарданеллы, перво-

шения с Константинополем и Черным морем. С тех пор как оба берега пролива перешли в руки османских турок, Тенедос сделался прекрасным наблюдательным пунктом за их действиями. Венеция, уже давно мечтавшая о занятии этого острова, после целого ряда переговоров с императором наконец получила от него согласие на это. Но на уступку Тенедоса Венеции не могли согласиться генуэзцы, которые, чтобы воспрепятствовать выполнению этого плана, подняли в Константинополе восстание, низложив, как уже упоминалось, Иоанна V и посадив на престол на три года его старшего сына Андроника. Война между двумя республиками, изнурившая их самих и разорившая все государства, которые имели торговые интересы на Востоке, закончилась наконец в 1381 году миром в Турине, главном городе Савойского герцогства. Согласно заключенному договору Венеция должна была очистить остров Тенедос, укрепления которого были скрыты, а остров перешел в руки герцога Савойи, находившегося в родстве с Палеологами (по Анне Савойской, супруге Андроника III). Таким образом, ни Венеция, ни Генуя не получили этого важного стратегического пункта, к обладанию которым они так сильно стремились.

Испанский путешественник Перо Тафур, который посетил Константинополь в 1437 году, оставил весьма интересное описание Тенедоса: «Мы прибыли к острову Тенедос, перед которым бросили якорь и где мы высадились. Пока корабль приводили в порядок, мы пошли посмотреть остров. Там много зайцев, остров весь покрыт виноградниками, которые, однако, все повреждены. Порт Тенедоса кажется настолько новым, что можно подумать — он построен сегодня, надо сказать, мастерской рукой. Мол сделан из больших камней и колонн, и корабли имеют там хороший причал и места для якорной стоянки. Имеются и другие места, где корабли могут бросить якорь, однако это является лучшим, ибо расположено напротив проливов Романии. Над портом находится высокий холм, как бы увенчанный сильным укрепленным замком. Этот замок был причиной многочисленных конфликтов между венецианцами и генуэзцами до того дня, когда папа решил, что он должен быть разрушен и не будет принадлежать никому. Без сомнения,

это было неразумно, так как порт является одним из лучших в мире. Ни один корабль не может войти в проливы без того, чтобы не бросить сперва здесь якорь и найти проход, который очень узок. Турки, зная, сколько кораблей здесь останавливаются, вооружаются, устраивают засады и убивают много христиан».

Что же касается острого вопроса о торговой монополии генуэзцев в Черном море и Меотиде, особенно в колонии Тане, то, по условиям туринского мира, Генуя должна была отказаться от намерения закрыть венецианцам рынки Черного моря и доступ в Тану. Торговые нации возобновили свои сношения с расположенной в устьях Дона Таной, которая являлась одним из очень важных центров торговли с восточными народами. Мирные отношения Генуи с возвратившим престол престарелым Иоанном V были восстановлены. Византия снова должна была лавировать между двумя республиками, торговые интересы которых на Востоке, несмотря на заключенный мир, продолжали сталкиваться. Дальнейшая ее судьба, впрочем, зависела от османских турок.

5. Мануил II (1391—1425) и турки

В одном из своих посланий Мануил II писал: «Когда я вышел из ребяческих лет и не достиг еще возраста мужа, меня в то время окружала жизнь, исполненная тревожения и смуты; но по многим признакам она позволяла предвидеть, что наше будущее заставит смотреть на прошедшее, как на время ясного спокойствия». Эти предчувствия не обманули Мануила.

Мы уже знаем, в каком безотрадно унижительном положении находилась Византия или, лучше сказать, Константинополь в последние годы правления Иоанна V. В момент смерти последнего Мануил находился при дворе султана Баязида. Когда весть о смерти отца дошла до него, ему удалось убежать от султана и достичь Константинополя, где он и был коронован императором. По сведениям истори-

ка Дуки, Баязид, боясь популярности Мануила, раскаивался в том, что не умертвил его во время его пребывания при своем дворе. Отправленный в Константинополь к Мануилу посол Баязида, как рассказывает тот же Дука, передал новому императору от лица султана такие слова: «Если ты хочешь исполнять мои приказания, затвори ворота города и царствуй внутри него; все же, что лежит вне города, принадлежит мне».

Действительно, с этих пор Константинополь находился как бы в состоянии осады. Единственным облегчением для столицы было неудовлетворительное состояние морского дела у турок, которые, несмотря на то что владели обоими берегами Дарданелл, пока не были в состоянии совершенно отрезать Византию от сообщения через этот пролив с внешним миром. Особенно страшным был момент, когда Баязид, созвав хитростью в одно место представителей фамилии Палеологов во главе с Мануилом и славянских князей, имел, по-видимому, намерение сразу покончить с ними, чтобы, по собственным словам султана, «после очищения страны от терниев, под которыми он подразумевал нас (то есть христиан; об этом пишет Мануил), его сыновья могли плясать в земле христиан, не боясь окровавить своих ног». Однако представители правящих фамилий были пощажены, и суровый гнев султана поразил лишь многих знатных лиц из их свиты.

В 1392 году Баязид организовал морскую экспедицию против Синопа в Черном море. При этом во главе турецкого флота султан поставил императора Мануила. Поэтому венецианцы считали, что экспедиция направлена не против Синопа, а против венецианских колоний, расположенных южнее Дарданелл, в Архипелаге. Венецианцы думали также, что это не турецкая, а замаскированная греческая экспедиция, поддержанная турецкими войсками. Впрочем, этот эпизод не имел существенных последствий. Вскоре Византия и Баязид разошлись.

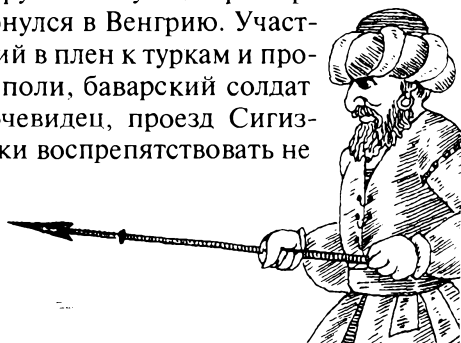
Под влиянием обстоятельств Мануил начал дружественные переговоры с Венецией. Баязид старался отрезать Константинополь от стран, где он запасался продовольствием. В столице начался голод. По словам византийского хрони-

ста, народ вынужден был разбирать свои жилища, чтобы собрать дрова, необходимые для выпечки хлеба. По просьбе византийских посланников Венеция отправила немного зерна в Константинополь.

Крестовый поход Сигизмунда Венгерского
и сражение при Никополе

Успехи турок на Балканском полуострове между тем снова остро поставили вопрос об опасности с их стороны для Западной Европы. Покорение Болгарии и почти полное подчинение Сербии привели турок к границам Венгерского королевства, король которого Сигизмунд, чувствуя полное бессилие и невозможность справиться личными силами с надвигавшейся турецкой угрозой, обратился за помощью к европейским государям. С наибольшим энтузиазмом отозвалась на призыв Франция; впрочем, она отправила на помощь Сигизмунду не такой уж и многочисленный отряд во главе с герцогом Бургундским. Польша, Англия, Германия и некоторые другие более мелкие государства также прислали незначительные отряды. К кампании присоединилась и Венеция. Что касается Мануила, то он, вероятно, обязался принять участие в издержках на предполагаемую экспедицию. Как раз перед Крестовым походом Сигизмунда Мануил, судя по всему, образовал союз с генуэзцами Эгейских островов, в частности с Лесбосом и Хиосом, а также с рыцарями-госпитальерами (иоаннитами) Родоса, иными словами — с христианскими аванпостами в Эгейском море.

Крестоносное предприятие окончилось полной неудачей. В 1396 году в сражении под Никополем (на правом берегу Нижнего Дуная) крестоносцы были наголову разбиты турками и отправились по домам. Спасшийся с трудом Сигизмунд на небольшом судне через устье Дуная и Черное море достиг Константинополя, откуда кружным путем через Архипелаг и Адриатическое море вернулся в Венгрию. Участник никопольской битвы, попавший в плен к туркам и пробывший некоторое время в Галлиполи, баварский солдат Шильтбергер⁹¹, описывает, как очевидец, проезд Сигизмунда через Дарданеллы, чему турки воспрепятствовать не

смогли. По его свидетельству, турки, узнав о проезде короля, выставили на берегу христианских пленников и с насмешкой кричали Сигизмунду, чтобы он сошел с корабля и освободил свой народ.

После победы под Никополею Байазид, чтобы поскорее покончить с Константинополем, решил разорить те немногие области, которые принадлежали империи уже почти номинально, но откуда осажденная столица могла получать помощь. Он без труда опустошил подчинившуюся ему Фессалию и, согласно турецким источникам, на короткое время даже захватил Афины. Его лучшие военачальники подвергли страшному разгрому Морею (Пелопоннес), где правил в то время брат Мануила.

Между тем в самой столице росло народное недовольство; утомленное и изнуренное население роптало, обвиняя в своих бедах и несчастьях Мануила, и стало обращать свои взоры на его племянника Иоанна, свергнувшего в 1390 году на несколько месяцев престарелого отца Мануила Иоанна V.

Экспедиция маршала Бусико

Мануил, понимая, что одними собственными силами ему с турками не справиться, решил обратиться за помощью к наиболее влиятельным представителям Западной Европы и русскому великому князю Василию I Дмитриевичу. Папа, Венеция, Франция, Англия и, может быть, Арагония сочувственно отнеслись к призыву Мануила. Однако это обращение дало Мануилу лишь некоторую и, надо прибавить, недостаточную сумму денег, если не считать надежды получить от Франции помощь людьми.

Просьба Мануила, отправленная к великому князю Московскому и встреченная в Москве сочувственно, была подкреплена просьбой от имени константинопольского патриарха. По-видимому, при московском дворе вопроса об отправке войска не поднималось; дело шло лишь о даянии, по словам русской летописи, «милостыни в такой нужде и беде сущим, во осаде сидящим от турков». Собранные деньги были отправлены в Константинополь, где и приня-

ты были с благодарностью. Но и это вспомоществование не могло принести Мануилу существенной пользы.

Правда, французский король Карл VI сдержал свое обещание и послал на помощь Константинополю отряд из 1200 человек, во главе которого поставил маршала Бусико. Бусико представлял собой одну из любопытнейших личностей Франции в конце XIV и начале XV века. Человек необыкновенной храбрости и решительности, он всю свою жизнь провел в далеких путешествиях и опасных предприятиях. Еще молодым человеком он отправляется на Восток в Константинополь, объезжает Палестину, достигает Синая и в течение нескольких месяцев находится в плену в Египте. По возвращении во Францию, услышав призыв к Крестовому походу от венгерского короля Сигизмунда, Бусико спешит к нему, с беззаветной храбростью бьется в несчастном сражении при Никополе и попадает в плен к Баязиду. Избегнув почти что чудом смерти и будучи выкуплен, Бусико возвращается во Францию, чтобы в следующем году со всей готовностью и энергией стать во главе отряда, отправляемого Карлом VI на Восток.

В состав отряда Бусико вошли представители наиболее выдающихся фамилий французского рыцарства. Бусико шел морем. Будучи предупрежден о приближении его судов к Дарданеллам, Баязид сделал попытку не пропустить маршала через пролив. Однако французам удалось пробиться через Дарданеллы, занятые турецкими судами, и достичь Константинополя, где флот Бусико был встречен с радостью. Бусико и Мануил сделали целый ряд опустошительных набегов по азиатскому побережью Мраморного моря и Босфора, откуда выходили даже в Черное море. Но эти удачи не меняли сути дела: избавиться Константинополь от гибельной опасности они не могли.

В таких обстоятельствах Бусико, видя критическое положение Мануила и его столицы, решил возвратиться во Францию; он убедил императора отправиться вместе с ним на Запад, чтобы побудить западноевропейских государей к более решительным шагам. Такие скромные экспедиции, какой была экспедиция Бусико, очевидно уже не могли помочь отчаянному положению Византии.

Путешествие Мануила II по Западной Европе

Когда поездка Мануила на Запад была решена, его племянник Иоанн согласился во время отсутствия императора взять на себя управление государством. В конце 1399 года Мануил и Бусико, в сопровождении свиты и духовных и светских лиц, покинули столицу и направились морем в Венецию.

Положение республики св. Марка было довольно затруднительно. Крупные торговые интересы на Востоке заставляли Венецию смотреть на новую появившуюся там силу турок не только с точки зрения христианского государства, но и с точки зрения своих коммерческих выгод. Поэтому иногда она даже заключала договоры с Баязидом. Уже одно это не позволяло Венеции выступить прямо и открыто на защиту погибавшей Византийской империи. Кроме того, торговое соперничество с Генуей на том же Востоке и отношения с другими итальянскими государствами отвлекали ее внимание. Однако как Венеция, так и другие итальянские города, которые посетил Мануил, встретили его с почетом и чувством живейшего участия. Виделся ли император с папой — точно не известно. Во всяком случае, когда Мануил покидал Италию, ободренный обещаниями Венеции, миланского герцога и буллами папы, он планировал посещение Парижа и Лондона с верой в спасительность своей далекой поездки.

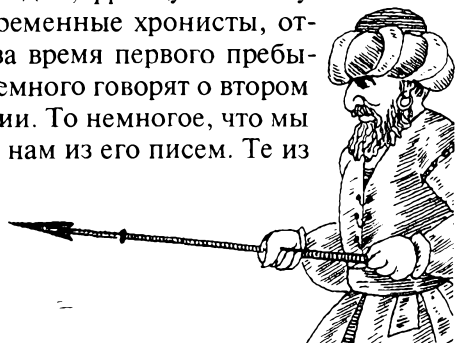
Император приехал во Францию в трудное и интересное время: это была эпоха Столетней войны. Существовавшее во время приезда Мануила перемирие между Францией и Англией могло быть в любой момент нарушено. Внутри Франции шла ожесточенная полемика и настоящая борьба между авиньонским папой и Парижским университетом, приведшая к умалению папской власти в стране и признанию единственного авторитета в церковных делах за королем. Наконец, сам король Карл VI был подвержен частым припадкам сумасшествия.

В Париже Мануилу была приготовлена торжественная встреча и богато убранное помещение в Лувре. В французской хронике описывается его внешность: среднего роста

и крепкого телосложения, с длинной, уже сильно поседевшей бородой, Мануил имел черты лица, внушавшие уважение, и представлял собой человека, достойного, по мнению французов, быть императором.

Более чем четырехмесячное пребывание Мануила в Париже дало скромные результаты: король и королевский совет пообщались помочь ему отрядом, во главе которого опять должен быть поставлен маршал Бусико. Удовлетворившись этим, император отправился в Лондон, где также с великим почетом был встречен и получил немало обещаний, в которых, впрочем, ему скоро пришлось разочароваться. В одном своем письме из Лондона Мануил сообщал, что «король даст нам помощь воинами, стрелками, деньгами и кораблями, которые доставят войско, куда нам будет нужно». Однако в действительности этого не случилось. Мануил, получив много подарков, знаков внимания и почета, но не добившись обещанной военной помощи, после двухмесячного пребывания в Лондоне вернулся в Париж. Английский историк XV века Адам Уск⁹² по этому поводу писал: «Я подумал: насколько больно, что этот великий и далекий восточный христианский государь, побуждаемый насилием неверных, вынужден был посетить далекие западные острова, прося против них помощи. О, Боже! Что с тобой, римская прежняя слава? Великие деяния твоей империи теперь разбиты; о тебе справедливо можно будет сказать изречение Иеремии: “Великий между народами князь над областями сделался данником” (Плач. I, 1). Кто когда-либо мог подумать, что ты, который, восседая обычно на престоле величия, управлял всем миром, дойдешь до такого унижения, что не будешь в состоянии оказать никакой помощи христианской вере!»

Вторичное пребывание Мануила в Париже продолжалось около двух лет. Сведений об этом пребывании императора в Париже дошло немного. Очевидно, французы к нему присмотрелись, привыкли, и современные хронисты, отметившие немало подробностей за время первого пребывания Мануила в Париже, очень немного говорят о втором периоде его пребывания во Франции. То немногое, что мы имеем по этому вопросу, известно нам из его писем. Те из

них, которые относятся к первому периоду его вторичного пребывания, отличаются бодрым настроением; но мало-помалу это настроение императора изменялось, так как он понимал, что на серьезную помощь ему рассчитывать было нельзя ни со стороны Англии, ни со стороны Франции. От этого второго периода у нас нет и императорских писем.

Но до нас дошли некоторые любопытные известия о том, чему посвящал иногда свои парижские досуги император. В прекрасно убранном замке Лувра, где жил Мануил, среди прочих украшений обратила на себя внимание императора роскошная ткань, род гобелена, с изображением на ней весны. В одну из свободных минут император сделал изящное, написанное в несколько шутовском тоне, дошедшее до нас описание этого изображения весны на «королевском тканом занавесе». Это сочинение Мануила сохранилось.

Битва при Ангоре и ее значение для Византии

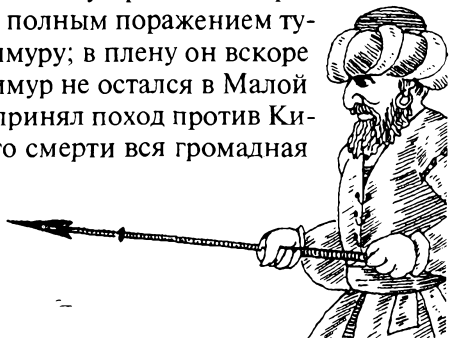
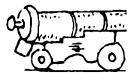
Безрезультатному пребыванию Мануила в Париже не было видно конца. Но тут событие, случившееся в Малой Азии, заставило императора быстро покинуть Францию и возвратиться в Константинополь. В июле 1402 года разыгралась знаменитая Ангорская битва, в которой Тимур (Тамерлан) разбил страшного для Византии Баязида и этим самым освободил Константинополь от опасности. Известие об этом столь важном для Мануила событии дошло до Парижа лишь через два с половиной месяца. Император быстро собрался в обратный путь и прибыл в столицу через Геную и Венецию через три с половиной года отсутствия. Славянский город на Адриатике Рагуза (Дубровник), надеясь, что император на пути домой в нем остановится, тщательно готовился к встрече. Однако же Мануил проехал без остановки. На память о своем пребывании во Франции Мануил пожертвовал монастырю Сен-Дени около Парижа рукопись Дионисия Ареопагита с миниатюрами, среди которых изображение императора, его супруги и трех сыновей. В настоящее время эта рукопись хранится в Лувре. Изображение Мануила имеет еще больший интерес потому, что турки находили в его чертах сходство с Мухаммедом, осно-

вателем ислама, и дивились этому. А Баязид, по словам византийского историка Сфрандзи, говорил о Мануиле: «Всякий, кто не знает, что он царь, сказал бы по одному виду, что он царь».

Безрезультатность поездки Мануила в Западную Европу для насущных нужд данного момента очевидна; последнее обстоятельство отразилось и в трудах историков и хронистов того времени, которые поняли и отметили этот печальный результат на страницах своих летописей. Но это путешествие сохраняет глубокий интерес, если на него мы взглянем с точки зрения ознакомления Западной Европы с состоянием Византийской империи в период ее падения. Во всяком случае, этот эпизод может быть отнесен к истории культурного общения Запада с Востоком в конце XIV и начале XV века, то есть в эпоху Возрождения.

Вышеупомянутая Ангорская битва имела важное значение для последних времен византийского государства. К концу XIV века распавшаяся монгольская держава вновь объединилась под властью Тимура, или Тамерлана (Тимур-Ленка, что в переводе с персидского обозначает «железный хромец»). Тимур предпринял ряд отдаленных опустошительных походов в Южную Россию, Северную Индию, Месопотамию, Персию и Сирию. Походы его сопровождались ужасными жестокостями; десятки тысяч людей были убиты; города разрушались; поля истреблялись. Византийский историк Дука пишет: «Когда монголы Тимура выходили из одного города, чтобы идти в другой, они оставляли его настолько покинутым и пустынным, что не было совсем слышно ни лая собаки, ни крика домашней птицы, ни плача ребенка».

Вступив после сирийского похода в пределы Малой Азии, Тимур столкнулся с османскими турками. Султан Баязид поспешил из Европы в Малую Азию навстречу Тимуру, и при городе Ангоре (Анкире) в 1402 году произошла кровопролитная битва, окончившаяся полным поражением турок. Сам Баязид попал в плен к Тимуру; в плену он вскоре и умер. После Ангорской битвы Тимур не остался в Малой Азии. Удалившись оттуда, он предпринял поход против Китая, на пути куда и умер. После его смерти вся громадная

монгольская держава распалась и потеряла свое значение. Турки были настолько ослаблены поражением при Ангоре, что в течение некоторого времени не могли предпринять решительных шагов против Константинополя и этим продлили еще на пятьдесят лет существование умиравшей империи.

Несмотря на незначительный успех, Мануил не отказался от своих планов и после возвращения из Западной Европы продолжал искать на Западе помощь против турок. Мы располагаем двумя весьма интересными письмами, адресованными Мануилом королям Арагона Мартину V (годы правления 1395–1410) и Фердинанду I (годы правления 1412–1416). В первом письме, переданном при посредничестве знаменитого византийского гуманиста Мануила Хрисолора⁹³, находившегося тогда в Италии, Мануил информировал Мартина, что по его просьбе отправил ему несколько ценных реликвий. Мануил просил также Мартина доставить в Константинополь деньги, собранные в Испании для поддержки империи. Миссия Хрисолора ни к какому результату не привела. Позже, во время путешествия в Морею, Мануил написал из Фессалоники новое письмо, адресованное на этот раз Фердинанду I. Из письма известно, что Фердинанд обещал деспоту Морей Феодору, сыну Мануила, прибыть в Морею с многочисленной армией для того, чтобы помочь христианам вообще и Мануилу в частности. Мануил выражал надежду на встречу с Фердинандом в Морее, однако Фердинанд в поход так и не собрался.

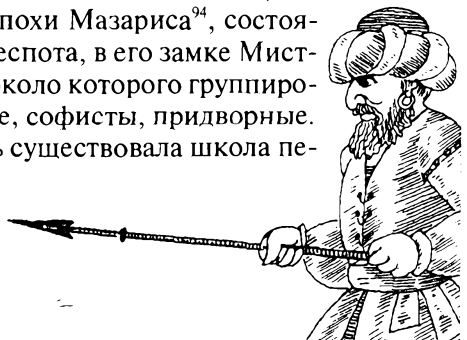
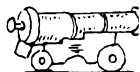
Положение в Пелопоннесе

В последнее пятидесятилетие существования остатков Византийской империи Пелопоннес неожиданно привлек внимание центральной власти. К этому времени владения империи сводились лишь к Константинополю, соседней с ним части Фракии, одному или двум островам в Архипелаге, городу Фессалонике (Солуни) и Пелопоннесу, то есть после Константинополя Пелопоннес оказался наиболее важной частью греческих владений. В то время как север Греции уже сделался добычей турок и был недалек уже момент, когда

под турецкое иго должны были подпасть и остальные области Древней Греции, в Пелопоннесе образовался центр греческого национального сознания, эллинского патриотизма, задавшегося несбыточной для исторических условий мечтой возродить государство и противопоставить его могуществу империи османов.

После Четвертого крестового похода Пелопоннес (или Морея) перешел во владение латинян. В начале правления восстановителя Византийской империи Михаила VIII Палеолога ахайский князь Гийом Виллардуэн за свое освобождение из греческого плена уступил императору три крепости: Монемвасию, Маину и недавно построенную Мистру. С этого времени греческая власть в Пелопоннесе медленно, но постоянно расширялась за счет латинских владений. В середине XIV века образовавшаяся там византийская провинция получила уже настолько важное значение, что была преобразована в отдельный деспотат и сделалась уделом ставшего как бы наместником в Пелопоннесе второго сына константинопольского императора. В конце XIV века Пелопоннес подвергся страшному разгрому со стороны турок. Отчаявшись собственными силами защитить страну, морейский деспот предложил даже уступить свои владения рыцарям ордена госпитальеров, занимавшим в то время остров Родос, и только вспыхнувшее по этому поводу народное восстание в Мистре, столице деспотата, не позволило ему выполнить свой план. Ослабление османских турок после Ангорской битвы дало возможность Пелопоннесу несколько отдохнуть и вселило надежду на лучшее будущее.

Главный город Морейского деспотата — Мистра, резиденция деспота на месте древней Спарты, в XIV и начале XV века являлся политическим и духовным центром возрождавшегося эллинства. Там находились гробницы морейских деспотов, там умер в глубокой старости и был погребен Иоанн Кантакузин. В то время как население области, по свидетельству современника той эпохи Мазариса⁹⁴, состояло из варваров, при дворе самого деспота, в его замке Мистре, образовался культурный очаг, около которого группировались образованные греки, ученые, софисты, придворные. Есть сведения, что в XIV веке здесь существовала школа пе-

реписчиков древних рукописей. Грегоровиус справедливо сравнивает двор Мистры с некоторыми итальянскими княжескими дворами эпохи Возрождения. При дворе морейского деспота во времена Мануила творил знаменитый византийский ученый-гуманист, философ Гемист Плифон⁹⁵.

В 1415 году Мануил лично посетил Пелопоннес, где деспотом был тогда второй его сын Феодор. Первой мерой императора для защиты полуострова от будущих нападений была постройка им стены с многочисленными башнями на Коринфском перешейке. Стена была возведена на месте укреплений V века до н. э., которые пелопоннесцы возвели при приближении Ксеркса. Эта стена была восстановлена в III веке н. э. императором Валерианом, который укреплял Грецию от возможных набегов готов. Наконец, эти укрепления были реконструированы при Юстиниане Великом, когда Греции угрожали гунны и славяне. В связи же с турецкой опасностью предшественник деспота Феодора поселил в пустынных местностях Пелопоннеса многочисленные колонии албанцев. За это ему воздает хвалу Мануил II в дошедшей до нас надгробной речи в память умершего деспота.

Проекты реформ Гемиста Плифона

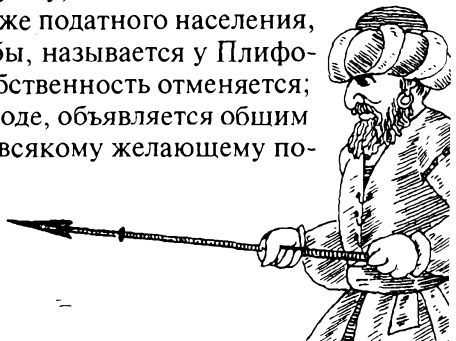
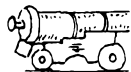
Относительно пелопоннесских дел до нас дошли два интересных источника совершенно разного характера. С одной стороны, это византийский ученый и гуманист Гемист Плифон, увлеченный всецело идеей о том, что пелопоннесское население представляет собою наиболее чистый и древний тип эллинской нации, что именно из Пелопоннеса «вышли самые знатные и знаменитые роды эллинов», совершившие «величайшие и славнейшие деяния». С другой стороны, это — Мазарис, автор «Путешествия Мазариса в Ад», сочинения, являющегося, по словам К. Крумбаха (сказанным, возможно, не без преувеличения), «худшим из до сих пор известных подражаний Лукиану». По своему содержанию это своего рода памфлет, в котором автор в язвительных тонах описывает нравы Пелопоннеса-Мореи. В противоположность Плифону Мазарис различает в населении Пелопоннеса семь национальностей: греков (у Ма-

зариса лакедемоняне и пелопоннесцы), итальянцев (то есть остатков латинских завоевателей), славян, иллирийцев (то есть албанцев), египтян (то есть цыган) и иудеев. Эти сведения Мазариса соответствуют исторической действительности. Хотя оба названные писателя, как ученый-утопист Плифон, так и сатирик Мазарис, требуют к себе осторожного, критического отношения, тем не менее оба они дают богатый и интересный культурный материал для понимания истории Пелопоннеса первой половины XV века.

Ко времени Мануила II относятся два любопытных проекта Гемиста Плифона о необходимости политической и социальной реформы для Пелопоннеса. Один проект был адресован на имя императора, второй — на имя морейского деспота Феодора. На эти планы эллинского мечтателя, совершенно оторванные от действительности и уже по одному этому не могшие войти в жизнь, впервые обратил внимание Фальмерайер во втором томе своей «Истории полуострова Морей».

Проект Плифона имеет в виду возрождение Пелопоннеса и для этой цели намечает план коренного изменения в системе администрации, в организации общественных классов и земельном вопросе. В представлении Плифона население должно делиться на три класса: 1) земледельцы (пахари, землекопы, например, для виноградников, пастухи); 2) те, кто доставляет средства для земледелия (быков, виноградные лозы, домашний скот) и 3) те, кто охраняет безопасность и порядок, то есть войско, власти и государственные чиновники; во главе же всех должен стоять государь (басилевс). Являясь противником наемного войска, Плифон стоит за образование туземного войска; причем для того, чтобы войско действительно могло уделять все внимание отправлению своих прямых обязанностей, Плифон делит население на две категории: на плательщиков налогов и на несущих военную службу; солдаты налогового обложения не подлежат. Часть же податного населения, освобожденного от военной службы, называется у Плифона илотами. Частная земельная собственность отменяется; «вся земля, как это следует по природе, объявляется общим достоянием для всего населения; всякому желающему по-

звояется сажать и строить дом, где он хочет, и пахать такое количество земли, какое он хочет и может». Таковы главнейшие положения доклада Плифона. Его проект, носящий на себе следы влияния идей Платона, которым так сильно увлекался византийский гуманист, навсегда останется интересным культурным памятником византийского возрождения эпохи Палеологов. Некоторые ученые отмечают в схеме Плифона аналогичные черты с некоторыми местами «Общественного договора» Руссо и с идеями сенсимонизма.

Таким образом, накануне, можно сказать, окончательной катастрофы Плифон предложил Мануилу II программу реформ для возрожденной Эллады. «В то время как Константинополь, — пишет французский византист Ш. Диль, — падает и рушится, греческое государство делает попытки родиться в Море. И сколь бы напрасными ни казались эти стремления, сколь бы бесплодными ни могли представляться эти желания, тем не менее это возрождение сознания эллинизма, это понимание и неясная подготовка лучшего будущего являются одним из самых любопытных и самых замечательных явлений византийской истории».

Осада Константинополя в 1422 году.

До начала двадцатых годов XV века отношения Мануила и преемника Баязида Мехмеда I, одного из благородных представителей османского государства, отличались доверием и миролюбием. Султан даже однажды проезжал, с ведома императора, через предместье Константинополя, где был встречен Мануилом. Оба государя, оставаясь каждый на приготовленной для него галере, вели с них между собой дружескую беседу и переехали таким образом через пролив на азиатский берег, где султан расположился в палатках; император же со своего корабля не сходил; во время обеда оба монарха посылали друг другу для пробы наиболее изысканные блюда. Однако при преемнике Мехмеда Мураде II обстоятельства изменились.

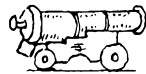
Престарелый Мануил в последние годы своей жизни удалился от ведения государственных дел, поручив последние

сыну Иоанну, который не обладал ни опытом, ни выдержкой, ни благородством отца. Иоанн настоял на поддержке одного из турецких претендентов на трон султана; попытка восстания не удалась; после чего разгневанный Мурад II решил осадить Константинополь, чтобы одним ударом закончить с этим давно желанным городом.

Но османы, не успевшие вполне восстановить силы после Ангорского поражения и ослабляемые некоторыми внутренними осложнениями, были к нанесению этого удара еще не готовы. В 1422 году турки осадили Константинополь. В византийской литературе существует специальное сочинение об этой осаде, принадлежащее перу Иоанна Канана⁹⁶ и озаглавленное «Рассказ о константинопольской войне 6930 года (=1422 год), когда Амурат-бей напал на город с сильным войском и чуть было не овладел им, если бы Пречистая Мать Божия его не сохранила». Большое мусульманское войско, снабженное разнообразными военными машинами, попыталось штурмом взять город. Однако приступ был отбит героическими усилиями столичного населения; осложнения же внутри османского государства заставили турок окончательно прекратить осаду. Избавление столицы от опасности, как всегда, было связано в народном представлении с покровительством Божией Матери, постоянной защитницы Константинополя. Между тем турецкие войска действовали не только под стенами столицы, а, сделав неудачную попытку овладеть Солунью, направились на юг, в Грецию, где, разрушив на Коринфском перешейке построенную Мануилом стену, произвели опустошительный набег на Морею. Соимператор Мануила Иоанн VIII провел около года в Венеции, Милане и Венгрии в поисках какой-либо помощи. По заключенному с турками миру император обязывался и впредь платить султану определенную дань и отдавал ему некоторые города во Фракии. Окрестная территория Константинополя стала еще меньше.

После этого в течение еще около тридцати лет столица влачила жалкое существование в тягостном ожидании неминуемой гибели.

В 1425 году престарелого, разбитого параличом Мануила не стало. С чувством глубокой печали громадная толпа на-

селения столицы проводила в могилу умершего императора. Такого стечения народа, по словам источника, не было еще никогда ни при одном погребении его предшественников. «Это чувство, — пишет Бергер де Ксиври⁹⁷, исследователь деятельности Мануила II, — покажется искренним тому, кто вспомнит о всех испытаниях, которые этот государь делил со своим народом, о всех его стараниях помочь последнему и о глубокой симпатии мыслей и чувств, которые он всегда сохранял к своему народу».

Центральным событием времени Мануила является разгравшаяся в глубине Малой Азии Ангорская битва, отдавшая на пятьдесят лет падение Константинополя. Но и это кратковременное отдаление османской опасности было достигнуто не силами византийского государя, а благодаря создавшейся на Востоке монгольской мощи. Главное средство, на которое рассчитывал Мануил, а именно поднятие Западной Европы на крестоносный подвиг, не могло дать желаемых результатов. Осада же и штурм Константинополя турками в 1422 году были прологом к осаде и штурму 1453 года. Но при оценке турецко-византийских отношений во время Мануила нельзя упускать из виду того личного влияния, которое император имел на турецких султанов и которое не раз отдаляло возможную грозу от гибнувшего государства.

6. Иоанн VIII (1425—1448)

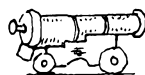
и турецкая угроза

При Иоанне VIII территория империи была ограничена самыми скромными размерами. Незадолго до смерти отца он уже уступил султану некоторые фракийские города. После того как Иоанн сделался в 1425 году единодержавным правителем, его власть простиралась, собственно говоря, над Константинополем и его ближайшими окрестностями. Прочие же части государства, как, например, Пелопоннес, Солунь, некоторые отдельные города во Фракии, находи-

лись в управлении его братьев в виде отдельных княжеств, почти совершенно независимых уделов.

В 1430 году была решена судьба Фессалоники (Солуни) — ее завоевали турки. Управлявший Солунью с титулом деспота один из братьев Иоанна VIII, чувствуя, что ему собственными силами не справиться с турками, продал город за известную сумму Венецианской республике, которая, получая в руки столь важный торговый центр, обязалась, по словам источника (Дуки), его «охранять, кормить, поднять его благосостояние и превратить во вторую Венецию». Однако подобного укрепления Венеции в Солуни не могли допустить турки. Под личным руководством султана они приступили к осаде Солуни, ход и результат которой хорошо изображены в специальном сочинении «О последнем взятии Фессалоники», принадлежащем перу современника описываемой драмы Иоанна Анагноста⁹⁸ (то есть Чтеца). Латинский гарнизон Солуни был незначителен; городское население относилось к своим новым венецианским господам как к чужакам. Турки штурмом взяли город и подвергли страшному разгрому и поруганию; население избивалось без различия пола и возраста; храмы обращались в мечети; однако церковь Св. Димитрия Солунского, главного патрона города, была временно оставлена христианам, хотя и в состоянии полного ограбления. Утрата Фессалоники произвела глубокое впечатление в Венеции и по всей Западной Европе. Приближение решающего момента чувствовалось, конечно, и в самом Константинополе.

До нас дошло описание Константинополя, сделанное возвращавшимся из Иерусалима паломником, бургундским рыцарем Бертрандоном де Ла Броквиером, который посетил столицу Палеологов в начале тридцатых годов, то есть вскоре после падения Солуни. Он хвалит хорошее состояние стен, особенно сухопутных, но вместе с тем указывает и на некоторое запустение города; он говорит, например, о развалинах и остатках двух существовавших прежде прекрасных дворцов, разрушенных, по преданию, одним императором, от которого потребовал будто бы этого турецкий султан. Бургундский паломник осматривал кон-

стантинопольские церкви и другие памятники столицы, присутствовал на торжественных церковных службах, видел в храме Св. Софии представление мистерии о трех юношах, брошенных Навуходоносором в печь огненную, восторгался красотой византийской императрицы, родом из Трапезунда, и рассказал императору, заинтересовавшемуся судьбой незадолго перед тем сожженной в Руане Жанны д'Арк, «всю правду» о знаменитой французской девушке. Он же, на основании своих наблюдений над турками, сообщает свое мнение о возможности их изгнания и даже возвращения Иерусалима. «Мне кажется, — пишет Бертрандон де Ла Броквиер, — что благородные люди и хорошее правительство трех названных мной народов, то есть французов, англичан и немцев, довольно значительны, и если они соединятся в достаточном количестве, то смогут пройти по суше до Иерусалима».

Ввиду грозящей опасности со стороны турок Иоанн VIII предпринял большую работу по восстановлению константинопольских стен. Целый ряд сохранившихся на стенах до нашего времени надписей с именем «Иоанна во Христе автократора Палеолога» свидетельствуют об этой трудной, продолжавшейся свыше десяти лет, последней попытке христианского императора восстановить когда-то казавшиеся неприступными укрепления Феодосия Младшего.

Но этого было недостаточно для борьбы с османами. Иоанн VIII, как и его предшественники, надеялся получить настоящую помощь против турок с Запада при содействии папы. Для этого император с греческим патриархом и блестящей свитой отправился в Италию, и результатом этой поездки было заключение знаменитой Флорентийской унии; в смысле же реальной помощи Византии поездка императора в Италию никакой существенной пользы не принесла.

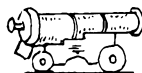
Папа Евгений IV своей проповедью Крестового похода сумел поднять на войну с турками венгров, поляков и румын. Составилось крестonosное ополчение под начальством польско-венгерского короля Владислава и известного венгерского героя — вождя Яна Гуниада. Но в происшедшей с турками битве у Варны в 1444 году крестonosцы

потерпели полное поражение. Сам Владислав пал в бою. Ян Гуниад с остатками войска отступил в Венгрию. Сражение под Варной является последней попыткой Западной Европы прийти на помощь гибнувшей Византии. После этого Константинополь был предоставлен своей собственной участи.

Сравнительно недавно опубликованные документы из архивов Барселоны показали агрессивные планы знаменитого мецената эпохи Возрождения, короля Арагона Альфонсо V Великолепного, скончавшегося в 1458 году. Объединив на короткое время в середине XV века под своей властью Сицилию и Неаполь, он планировал захватническую кампанию на Востоке, подобную грандиозным планам Карла Анжуйского; одной из его целей был и поход против турок. Он понимал, что, если возрастающее могущество османов не будет остановлено, у него никогда не будет спокойствия на морских рубежах его державы. Однако амбициозные планы Альфонса не были реализованы, а турки не испытали от этого талантливой и блистательного гуманиста и политика никаких серьезных неприятностей.

После турецкой победы под Варной не принимавший никакого участия в походе Иоанн VIII тотчас же вступил в договорные отношения с султаном, старался смягчить его подарками и сумел до конца своего правления сохранить с ним мирные отношения.

В то время как во внешней политике Византия при Иоанне VIII терпела постоянные и серьезные неудачи, в Пелопоннесе (Морее), в этом почти независимом от центральной власти уделе, греческое оружие одержало значительную, хотя и кратковременную победу. Кроме византийских владений в Пелопоннесе находились остатки латинских владений Ахайского княжества и некоторые пункты, особенно на самом юге полуострова, принадлежавшие Венеции. В начале XV века последняя задалась целью подчинить своему влиянию оставшуюся в латинских руках часть Пелопоннеса, для чего вступила в переговоры с различными правителями. С одной стороны, республика св. Марка желала овладеть построенной при Мануиле II стеной на Коринфском перешейке с целью оказать сопротивление турецким

нападениям. С другой стороны, Венецию привлекали туда торговые интересы, так как ресурсы страны в виде золота, серебра, шелка, меда, хлеба, изюма и прочего обещали крупные выгоды. Но планы венецианцев не сбылись. Войска греческого деспотата внезапно открыли военные действия, быстро заняли латинскую часть Пелопоннеса и этим самым положили конец франкскому владычеству в Морее. С тех пор, до момента завоевания турками, весь полуостров принадлежал правившим там представителям дома Палеологов; только Венеция сохранила за собой те пункты на юге, которыми она владела раньше.

Позже один из морейских деспотов, Константин, брат Иоанна VIII и будущий последний император Византии, пользуясь некоторыми затруднениями турок на Балканском полуострове, двинулся с войском через Коринфский перешеек на север, в Среднюю и Северную Грецию, где турки уже начали свои завоевания. Султан Мурад II тут же направился на юг, прорвал укрепленную стену на Коринфском перешейке, подверг страшному опустошению Пелопоннес и увел в плен большое число греков. Испуганный деспот Константин вынужден был заключить с султаном мир на продиктованных турками условиях и обязался платить султану дань.

При Константине Палеологе Мистру посетил знаменитый путешественник и археолог Кириак Анконский⁹⁹; он был любезно принят самим деспотом и его придворными. При его дворе Кириак встретил Плифона, «самого образованного человека своего времени», и Николая Халкокондила, сына его афинского друга Георгия, молодого человека, хорошо знавшего латинский и греческий. Николай Халкокондил не может быть не кем другим, как будущим историком Лаоником Халкокондилем¹⁰⁰, ибо имя Лаоник — это слегка измененное имя Николай. Во время своего первого пребывания в Мистре, при деспоте Феодоре Палеологе в 1437 году, Кириак посетил древние памятники Спарты и копировал греческие надписи.

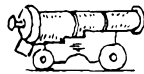
7. Константин XI (1449—1453) и взятие Константинополя турками

Территория, признававшая власть последнего византийского императора, ограничивалась Константинополем с его ближайшими окрестностями во Фракии и большей частью лежавшего в стороне от столицы Пелопоннеса, или Мореи, где правили братья императора.

Честность, благородство, энергия, храбрость и любовь к родине были отличительными чертами Константина, как о том свидетельствует его поведение во время осады Константинополя. Итальянский гуманист Франческо Филельфо¹⁰¹, знавший лично Константина еще до вступления его на престол, называет императора в одном из своих писем человеком «благочестивого и возвышенного ума».

Противостоял Константину молодой, двадцатиоднолетний султан Мехмед II, соединявший в своей натуре, наряду с суровой жестокостью и низменными пороками, склонность к науке и образованию, энергию, военный, государственный и организаторский таланты. Георгий Сфрандзи сообщает нам, что он занимался с увлечением науками, особенно астрологией, читал рассказы о подвигах и деяниях Александра Македонского, Юлия Цезаря и константинопольских государей, говорил, кроме турецкого, на пяти языках, может быть, и по-славянски. Восточные источники восхваляют его религиозность, правосудие, милосердие и покровительство ученым и поэтам. Стремление завоевать Константинополь всецело охватывало молодого султана, который, по словам источника Дуки, «ночью и днем, ложась спать и вставая, в своем дворце и вне его, всю свою заботу полагал на то, какими военными действиями и средствами овладеть Константинополем»; в бессонные ночи он на бумаге чертил план города и городских укреплений, намечая те места, откуда легче будет взять город.

До нас дошли изображения обоих противников: Константина Палеолога на печатях и в некоторых поздних рукописях, а Мехмеда II на выбитых в XV веке итальянскими мастерами в честь султана медалях и на его портрете, нари-

сованном известным венецианским художником Джентиле Беллини¹⁰², который в конце правления Мехмеда провел некоторое время (в 1479–1480 годах) в Константинополе.

Решив нанести последний удар Константинополю, Мехмед, однако, приступил к этому делу с полной осторожностью. Прежде всего на севере от города, на европейском берегу Босфора, в самом узком его месте, он построил сильное укрепление с башнями, величественные остатки которого видны еще и теперь (Румели-Хиссар); поставленные там пушки выбрасывали громадные для того времени каменные ядра.

Когда весть об укреплении на Босфоре распространилась, то среди христианского населения столицы, Азии, Фракии и островов, как пишет Дука, только и раздавались восклицания: «Теперь приблизился конец города; теперь знамения гибели нашего рода; теперь наступают дни антихриста; что будет с нами или что нам делать? Где святые, охраняющие город?» Другой современник той эпохи, очевидец событий, перенесший все ужасы осады Константинополя, автор ценного источника — «Дневника константинопольской осады» — венецианец Никола Барбаро¹⁰³ писал: «Это укрепление чрезвычайно сильно с моря, так что овладеть им нельзя никоим образом, ибо на берегу и на стенах стоят в громадном количестве бомбарды; с суши укрепление также сильно, хотя и не так, как с моря». Возведенное укрепление прекратило сообщение столицы с севером и с портами Черного моря, так как все иностранные суда, входившие в Босфор и выходившие из него, перехватывались турками, благодаря чему Константинополь, в случае осады, лишался подвоза хлеба, шедшего из черноморских портов. Для турок это было тем более легко сделать, что против европейского укрепления возвышались на азиатском берегу Босфора укрепления, построенные еще в конце XIV века султаном Баязидом (Анатоли-Хиссар). Затем султан опустошил, о чем уже говорилось, греческие владения в Морее, чтобы лишить морейского деспта возможности прийти на помощь Константинополю.

Константин сделал все возможное, чтобы достойно встретить своего могущественного противника в борьбе, исход которой, можно сказать, заранее был уже предрешен.

Император приказал из окрестностей столицы свезти в город возможные запасы хлеба и сделать ремонт городских стен. Греческий гарнизон города не превышал несколько тысяч. Видя приближение смертельной опасности, Константин обратился за помощью к Западу; но вместо желанной военной помощи в Константинополь прибыл римский кардинал, грек по происхождению, Исидор, бывший московский митрополит и участник Флорентийского собора, и в ознаменование восстановленного мира между Восточной и Западной церквями отслужил униатскую обедню в храме Св. Софии, что вызвало сильнейшее возбуждение среди городского населения. Тогда именно один из виднейших византийских сановников Лука Нотара произнес знаменитые слова: «Лучше видеть в городе власть турецкого тюрбана, чем латинской тиары».

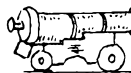
В защите столицы участвовали венецианцы и генуэзцы. Особенно большие надежды возлагались на прибывшего с двумя большими судами с острова Хиос начальника испытанного в боях генуэзского отряда Джованни Джустиниани. Доступ в Золотой Рог был прегражден, что не раз уже случалось в опасные минуты прежнего времени, массивной железной цепью.

Военные силы Мехмеда, сухопутные и морские, в состав которых входили, кроме турок, представители покоренных ими народов, в том числе и славян, бесконечно превосходили скромное число защитников Константинополя из греков и латинян, преимущественно итальянцев.

Наступило одно из важнейших событий мировой истории.

Самый факт осады и взятия турками «Богохранимого» Константинополя оставил глубокий след в источниках, которые на разных языках, с разных точек зрения описывают последние моменты Византийского государства и позволяют нам иногда буквально по дням и часам следить за развитием последнего акта захватывающей исторической драмы. Дошедшие до нас источники написаны на греческом, латинском, итальянском, славянском и турецком языках.

Главнейшие греческие источники различно относятся к событию. Участник осады, близкий друг последнего им-

ператора, известный дипломат, занимавший высокие посты в государстве, Георгий Сфрандзи, весь охваченный безграничной любовью к своему императору-герою и вообще к дому Палеологов и будучи противником унии, описал последние времена Византии с целью восстановить честь побежденного Константина, поруганной родины и оскорбленного греческого православия. Другой современник эпохи, грек Критовул¹⁰⁴, перешедший на сторону турок и пожелавший доказать свою преданность Мехмеду II, посвятил свою, написанную под сильным влиянием Фукидида, историю «величайшему императору, царю царей Мехмету». Критовул излагает последние судьбы Византии уже с точки зрения подданного нового османского государства, хотя, к своей чести, и не подвергает нападкам своих соотечественников. Грек из Малой Азии Дука, будучи сторонником унии, в которой он видел единственное спасение, писал об интересующем нас предмете с точки зрения, благоприятной Западу, особенно выставляя в критический момент заслуги и достоинства генуэзского вождя Джустиниани и умаляя, может быть, роль Константина, но вместе с тем продолжая любить и жалеть греков. Четвертый греческий историк последнего периода Византии, единственный афинянин, которого знает вообще византийская литература, Лаоник Халкокондил (или Халкондил), ставивший в центре своего изложения уже не Византию, а турецкое государство, задался новой и обширной задачей изобразить «необыкновенное развитие мощи молодого османского государства, возникавшего на развалинах греческих, франкских и славянских держав», то есть, другими словами, дать общий труд; поэтому сочинение Лаоника, не бывшего к тому же очевидцем последних дней Константинополя, имеет для осады и взятия его турками, по сравнению с другими источниками, второстепенное значение.

Из наиболее ценных источников, написанных на латинском языке, авторы которых пережили в Константинополе все время осады, можно назвать воззвание «ко всем верным Христу» с трудом избегнувшего турецкого плена кардинала Исидора, умолявшее всех христиан подняться на защиту гибнувшей христианской веры; затем донесение папе архи-

епископа Леонарда Хиосского, также спасшегося от пленения турками и видевшего в постигшем Византию великом бедствии кару за отступление греков от заветов католической церкви; наконец, стихотворная поэма в четырех песнях «Константинополис» итальянца Пускула, пробывшего некоторое время в турецком плену, подражателя Вергилия и отчасти Гомера, ревностного католика, посвятившего свое сочинение папе и убежденного, подобно Леонарду, в том, что Бог покарал Византию главным образом за схизму.

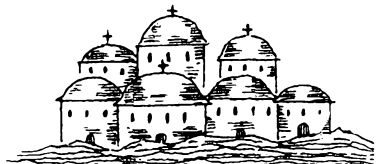
Итальянские источники дали нам уже упоминавшийся, написанный сухим, деловым языком на древневенецианском наречии «Дневник константинопольской осады», принадлежащий перу знатного венецианца Николы Барбаро, перечислявшего по дням происходившие во время осады столкновения греков с турками, и имеющий поэтому для восстановления хронологии осады первостепенное значение.

На древнерусском языке написана важная для нашего вопроса историческая повесть о взятии Царьграда, «о сем великом и страшном деле», «многогрешным и беззаконным Нестором Искиндером (Искандером)»¹⁰⁵, почти наверное русским по происхождению, бывшим в войске султана и правдиво и по возможности ежедневно описывавшего действия турок за стенами города и в самом городе после падения последнего. Падение Константинополя описано также в русских хронографах и летописях.

Наконец, существуют и турецкие источники, оценивающие великое событие с точки зрения торжествующего, победоносного ислама и его блестящего представителя Мехмеда II Завоевателя, а иногда представляющие собой собрание турецких народных легенд о Константинополе и Босфоре.

Из только что сделанного перечня главных источников видно, каким богатым и разнообразным материалом мы обладаем для изучения вопроса об осаде и взятии турками Константинополя.

В начале апреля 1453 года началась осада великого города. Успеху последней помогли не только несравненно более крупные военные силы турок. Мехмед II, этот, по словам Барбаро, «вероломный турок, собака-турок», был первым государем в истории, который имел в своем распоряжении

настоящий артиллерийский парк. Усовершенствованные, гигантских для своего времени размеров турецкие бронзовые пушки выбрасывали на далекое расстояние не менее гигантские каменные ядра, против сокрушительных ударов которых не могли устоять вековые константинопольские стены. Отмеченная выше русская повесть о Царьграде замечает, что «окаянный Махмет» прикатил к городским стенам «пушки и пищали и туры и лестница и грады деревянные и ины козни стенобитныя». Критовул прекрасно понимал решающую силу артиллерии, когда писал, что все сделанные турками подкопы под стены и подземные ходы «оказались излишними и только вызвали бесполезные расходы, так как пушки решили все».

20 апреля произошло единственное, можно сказать, счастливое для христиан событие за все время осады: в этот день прибывшие на помощь к Константинополю четыре гунуэзских судна разбили во много раз превосходящий их силы турецкий флот. «Легко можно вообразить, — пишет новейший историк осады и взятия византийской столицы Шлюмберже¹⁰⁶, — неопишемую радость греков и итальянцев. На мгновение Константинополь считал себя спасенным». Конечно, этот успех не мог иметь крупного значения для хода осады.

22 апреля город во главе с императором был поражен необычайным и устрашающим зрелищем: турецкие суда оказались в верхней части Золотого Рога. Ночью султану удалось переправить по суше, минуя железную цепь, корабли из Босфора в Золотой Рог; для этого специально был устроен в долине между возвышенностей деревянный помост, по которому суда на подставленных под них колесах и были перетащены при помощи большого числа находившихся в распоряжении султана, по выражению Барбаро, «каналей». Находившийся в Золотом Роге за цепью греко-итальянский флот оказался после этого между двух огней. Положение города стало критическим. План осажденного гарнизона сжечь ночью турецкие суда в Золотом Роге был своевременно изменнически открыт султану и предупрежден последним.

Между тем жестокая бомбардировка города, не прекращавшаяся в течение нескольких недель, довела до последней степени изнурения городское население, которое, в лице мужчин, женщин, детей, священников, монахов, монахинь, должно было днем и ночью под градом ядер заделывать многочисленные стенные бреши. Осада длилась уже пятьдесят дней. Дошедшая до султана весть, может быть специально для данного случая измышленная, о возможности прибытия на помощь городу христианского флота побудила его поспешить с решительным штурмом Константинополя. Кривовул, подражая знаменитым речам в «Истории» Фукидида, влагает в уста Мехмеда длинную, обращенную к войскам с призывом к храбрости и стойкости речь, в которой, между прочим, султан будто бы возглашал, что «для успешной войны есть три условия: желать (победы), стыдиться (позора поражения) и повиноваться вождям». Штурм был назначен в ночь с 28 на 29 мая.

Древняя столица христианского Востока, предчувствуя неизбежность роковой для себя развязки и зная о предстоящем штурме, провела канун одного из величайших исторических дней в молитве и слезах. По распоряжению императора крестные ходы, в сопровождении громадной толпы народа, певшей «Господи, помилуй», обходили городские стены. Люди ободряли друг друга, чтобы в последний час битвы оказать храброе сопротивление врагу. В своей сообщаемой нам Сфрандзи длинной речи Константин, побуждая жителей к храброй защите, ясно понимал predetermined гибель, когда говорил, что турки «опираются на орудия, конницу, (пешее) войско и численное превосходство, мы же полагаемся на имя Господа нашего Бога и Спасителя и, во-вторых, на наши руки и силу, которую даровало нам Божеское могущество». В то же самое время в конце речи Константин произнес такие слова: «Убеждаю и прошу вашу любовь, чтобы вы оказывали соответствующий почет и подчинение вашим вождям, каждый согласно своему чину, отряду и службе. Знайте же следующее: если вы искренне будете соблюдать все то, что я вам приказал, то с помощью Божьей я надеюсь, что мы избавимся от ниспосланной Бо-

гом справедливой кары». В тот же день вечером в Св. Софии было совершено богослужение, последняя христианская служба в знаменитом храме. На основании византийских источников английский историк Э. Пирс¹⁰⁷ дал волнующее описание этого события:

«Большая вечерняя церемония и служба, всегда выделяющаяся среди мировых исторических спектаклей, была последней христианской службой в храме Святой Мудрости... Император и большая часть приближенных присутствовали в здании, которое снова, но в последний раз было заполнено молящимися христианами. Не требуется большого усилия воображения для того, чтобы представить сцену. Интерьер храма был самым прекрасным произведением, которое создало христианское искусство. Красота его еще более усиливалась великолепными светильниками. Патриарх и кардинал, немалое количество представителей как Восточной, так и Западной церквей, император и знать, последние остатки некогда блистательной и смелой византийской аристократии, священнослужители и воины перемешались. Константинопольцы, венецианцы и генуэзцы — все присутствовали, все осознавали стоящую перед ними опасность. Все ощущали — перед лицом неминуемой опасности, — что противоречия, занимавшие их в течение многих лет, были слишком ничтожны, чтобы о них думать. Император и его свита приобшились Святых Тайн и попросалась с патриархом. Служба была, по сути своей, заупокойной литургией. Империя была в агонии, и как раз подобало, чтобы службой по ее отлетающему духу была эта публичная церемония в самом прекрасном храме в присутствии ее мужественного последнего императора».

Сфрандзи писал: «Кто расскажет о тогдашних слезах и стенаниях во дворце? Даже человек из дерева или камня не мог бы не заплакать».

Общий штурм начался во вторник между часом и двумя ночи с 28 на 29 мая. По данному знаку город был атакован сразу с трех сторон. Две атаки были отбиты. Наконец, Мехмед организовал со всей тщательностью третью и последнюю атаку. Особенно яростно нападали турки со стороны ворот Св. Романа, где было замечено присутствие импера-

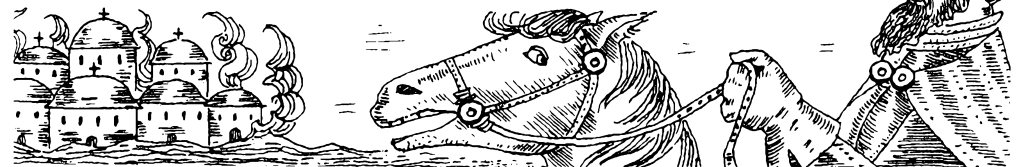

тора и окружавших его бойцов. К довершению всего один из самых главных защитников города, генуэзец Джустиниани, будучи тяжело ранен, должен был покинуть ряды войска. Его с трудом перевезли на корабль, которому удалось уйти на остров Хиос, где раненый скоро умер (если только он не умер еще в дороге).

Удаление Джустиниани было непоправимой потерей для осажденных. В стенах открывались все новые и новые бреши. Император героически сражался как простой воин и пал в битве. Точных известий о смерти византийского императора нет, так как ни один из историков осады при ней не присутствовал. Весьма скоро смерть его сделалась предметом легенды, затемнившей самый исторический факт.

После смерти Константина турки ринулись в город, производя ужасные опустошения. Большая толпа греков искала спасения в Св. Софии, думая, что там они будут в безопасности. Турки, взломав входные двери, ворвались в храм, избивали и оскорбляли укрывавшихся там греков без различия пола и возраста. В день взятия города, а может быть, на следующий день султан, торжественно вступив в завоеванный Константинополь, проследовал в Св. Софию и совершил в ней мусульманскую молитву. Св. София превратилась в мусульманскую мечеть. После этого Мехмед расположился во Влахернском дворце, резиденции византийских базилиевсов.

По единодушным указаниям источников, грабеж города, как обещал солдатам Мехмед, продолжался три дня и три ночи. Население подверглось жестокому избиению. Храмы во главе со Св. Софией и монастыри со всеми их богатствами были ободраны и осквернены; частное имущество расхищено. В эти дни погибло неисчислимое количество культурного наследия. Книги сжигались, или разрывались и растапывались, или за бесценок продавались. По свидетельству Михаила Дуки, громадное количество книг, нагруженное на телеги, было рассеяно по западным и восточным областям. За одну золотую монету продавали десятки книг — сочинения Аристотеля, Платона, книги богословского содержания и многие другие. С роскошно украшенных Евангелий срывали золото и серебро, а сами Евангелия или

продавали, или бросали. Все иконы сжигались, и на этом огне, как пишет Дука, турки варили мясо и ели. И тем не менее некоторые ученые признают, что «турки в 1453 г. поступили с большей мягкостью и гуманностью, чем крестоносцы, взявшие Константинополь в 1204 г.» (Успенский).

Народное христианское предание рассказывает, что в момент появления турок в храме Св. Софии шла литургия. Когда священник со Святыми Дарами увидел ворвавшихся мусульман, он вошел в разверзшуюся перед ним стену алтаря и исчез. Тогда, когда Константинополь снова перейдет в руки христиан, священник снова выйдет из стены и будет продолжать служить литургию.

В 1895 году Э. А. Гросвенор¹⁰⁸ писал: «В наши дни в квартале Абу Вефа в Стамбуле можно видеть небольшое, безымянное захоронение, о котором греки низших классов говорят, что оно принадлежит Константину. Результатом народного почитания стало появление вокруг него нескольких простых деревенских грубых украшений. Рядом с могилой днем и ночью горят свечи. Еще восемь лет назад она посещалась, хотя и тайно, как место молитвенных собраний. Однако оттоманское правительство вмешалось, введя суровые наказания. После этого могила оказалась практически заброшенной. Все это является не чем иным, как легендами, услаждающими доверчивых и набожных».

Обычно говорится, что через два дня после падения Константинополя в Архипелаг прибыл на помощь западный флот, однако после того, как стали известны новости о падении города, корабли немедленно отплыли назад. На основании некоторых новых данных этот факт отвергается. Ни папские, ни генуэзские, ни арагонские корабли никогда не отправлялись на Восток в поддержку Константинополя.

В 1456 году Мехмед завоевал Афины у франков. Вскоре после этого вся Греция с Пелопоннесом подчинилась ему. Античный Парфенон, где в Средние века находилась церковь Богоматери, был по распоряжению султана обращен в мечеть. В 1461 году в руки турок перешел далекий Трапезунд, столица самостоятельной империи. В это же время они овладели и остатками Эпирского деспотата. Византийская православная империя прекратила свое существова-

ние, и на ее месте обосновалась и разрослась Оттоманская (Османская) мусульманская империя, перенесшая столицу из Адрианополя на берега Босфора в Константинополь, называемый по-турецки Истамбул (Стамбул).

Дука, подражая известному выражению скорби Никиты Хониата после разгрома Константинополя латинянами в 1204 году, оплакивает событие 1453 года. Вот начало этого «плача»:

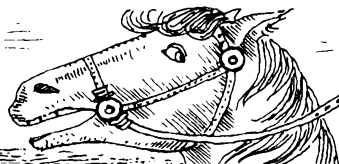
«О город, город, глава всех городов! О город, город, центр четырех стран света! О город, город, гордость христиан и гибель варваров! О город, город, второй рай, на западе насажденный, заключающий в себе всевозможные растения, сгибающиеся от тяжести плодов духовных! Где красота твоя, рай? Где благодетельная сила духа и плоти твоих духовных харит? Где тела апостолов Господа моего?.. Где останки святых, где останки мучеников? Где прах великого Константина и других императоров?»

Другой современник гибели Византии — польский историк Ян Длугош¹⁰⁹ писал в своей «Истории Польши»:

«Это поражение Константинополя, одновременно и жалкое, и печальное, было огромной победой турок и крайним поражением греков, бесчестием латинян. Благодаря этому католическая вера была задета, религия введена в смущение, имя Христа унижено и оскорблено. Один из двух глаз христианства был вырван. Одна из двух рук ампутирована, ибо библиотеки были сожжены дотла, а доктрины греческой литературы уничтожены. Без них ни один человек не может считать себя образованным человеком».

Далекий грузинский хронист благочестиво заметил: «В день, когда турки взяли Константинополь, солнце потемнело».

Падение Константинополя произвело сильное впечатление на Западную Европу, которую охватил страх перед дальнейшими успехами турок; конечно, гибель одного из самых главных центров христианства, хотя бы с точки зрения католической церкви и схизматического, также возбуждала негодование и желание поправить дело. Папы, государи, епископы, князья и рыцари оставили много посланий и писем, рисующих весь ужас создавшегося положения и призы-

вающих к крестоносной борьбе с победоносным исламом и Мехмедом II, этим «предвестником антихриста и вторым Синахерибом¹¹⁰». Во многих письмах оплакивается гибель Константинополя как центра культуры.

В своем воззвании к папе Николаю V западный император Фридрих III, называя падение Константинополя «общим несчастьем христианской веры», пишет, что Константинополь был «как бы настоящим жилищем литературы и занятий всеми изящными искусствами». Кардинал Виссарийон, оплакивая в одном из писем падение города, называет его «училищем лучших искусств». Знаменитый Эниа Сильвио Пикколомини, будущий папа Пий II, вспоминая о бесчисленных книгах, которые оставались в Византии и еще не были известны латинянам, называет завоевание города турками второй смертью Гомера и Платона. Некоторые представители XV века именовали турок тевкрами, считая их потомками древних троянцев, и предостерегали против планов султана напасть на Италию, которая привлекала его «своим богатством и гробницами его троянских предков».

Хотя, с одной стороны, в различных посланиях пятидесятих годов XV века и говорится о том, что «султан, как некогда Юлиан Отступник, должен будет наконец признать победу Христа», что христианство, без сомнения, достаточно сильно, чтобы не бояться турок, что будет готова «сильная экспедиция» и христиане смогут разбить турок и «прогнать их из Европы», — однако, с другой стороны, мы читаем в тех же посланиях о больших затруднениях в предстоящей борьбе с турками и о том, что одной из главных причин этих затруднений являются раздоры христиан между собой, «зрелище, которое придает храбрости» султану.

Меткую картину христианских взаимоотношений на Западе в то время дает в одном из своих писем к другу уже упомянутый нами Энио Сильвио Пикколомини, у которого читаем: «Я не надеюсь на то, чего желаю. Христианство не имеет более главы: ни папа, ни император не пользуются подобающими им уважением и повиновением; с ними обращаются как с вымышленными именами, разрисованными фигурами. Каждый город имеет своего собственного короля; князей же столько, сколько домов. Как же можно

убедить бесчисленных христианских правителей взяться за оружие? Взгляните на христианство. Италия, говорите вы, умиротворена? Не знаю, до какой степени. Между королем Арагонии и генуэзцами есть еще остатки войны. Генуэзцы и не пойдут биться с турками: говорят, что они платят последним дань! Венецианцы заключили с турками договор. Если же не будет итальянцев, мы не можем надеяться на морскую войну. В Испании, как вы знаете, много королей различной мощи, различной политики, различной воли и различных идей; но ведь не этих государей, живущих на краю Запада, можно увлечь на Восток, особенно тогда, когда они имеют дело с гренадскими маврами. Французский король изгнал врага из всего своего королевства; но он все же остается в тревоге и не посмеет послать своих рыцарей за пределы своего королевства из боязни внезапной высадки англичан. Что касается до англичан, они только и думают отомстить за свое изгнание из Франции. Шотландцы, датчане, шведы, норвежцы, живущие на краю света, ничего не ищут вне своих стран. Германцы, очень разделенные, не имеют ничего, что могло бы их соединить».

Ни воззвания пап и государей, ни возвышенные порывы отдельных лиц и групп, ни сознание общей опасности перед османской угрозой не могли сплотить разъединенную Западную Европу на борьбу с исламом. Турки продолжали двигаться дальше и в конце XVII века уже угрожали Вене. Это был момент наивысшего могущества Османской державы.

Династии Палеологов и Кантакузинов

	<i>Годы на престоле</i>	<i>Император</i>	<i>Соправители</i>
Михаил VIII Палеолог (1224 или 1225–1282), вступил на престол восстановленной Византийской империи	1261–1282	1261–1282	сын Андроник II (1261–1282), внук Михаил IX (1281–1282)
Андроник II Палеолог (1259–1332), сын Михаила VIII Палеолога	1261–1328	1282–1328	отец Михаил VIII Палеолог (1261–1282), сын Михаил IX Палеолог (1281–1320), внук Андроник III Палеолог (1325–1328)
Михаил IX Палеолог (1277–1320), сын Андроника II Палеолога	1281–1320	1294–1320	дед Михаил VIII Палеолог (1281–1282), отец Андроник II Палеолог (1281–1320)
Андроник III Палеолог (1297–1341), внук Андроника II Палеолога	1325–1341	1328–1341	дед Андроник II Палеолог (1325–1328)
Иоанн V Палеолог (1332–1391), сын Андроника III Палеолога	1341–1376 и 1379–1391	1341–1376 и 1379–1391	Иоанн VI Кантакузин (1347–1354), Матфей Кантакузин (1353–1357), сыновья Андроник IV Палеолог (нач. 1350-х – 1376 и 1379–1385) и Мануил II Палеолог (1373–1376 и 1379–1391), внук Иоанн VII Палеолог (1379–1391)
Иоанн VI Кантакузин (1293–1383)	1347–1354	1347–1354	Иоанн V Палеолог (1347–1354), Андроник IV Палеолог (нач. 1350-х – 1354), сын Матфей Кантакузин (1353–1354)

Андроник IV Палеолог (1293–1385), сын Иоанна V Палеолога	нач. 1350-х–385	1376–1379	отец Иоанн V Палеолог (нач. 1350-х – 1376 и 1379–1385), Иоанн VI Кантакузин (нач. 1350-х – 1354), Матфей Кантакузин (1353–1357), брат Мануил II Палеолог (1373–1385), сын Иоанн VII Палеолог (1377–1385)
Мануил II Палеолог (1350–1425), сын Иоанна V Палеолога	1373–1425	1391–1425	отец Иоанн V Палеолог (1373–1391), брат Андроник IV Палеолог (1373–1385), сын Иоанн VIII Палеолог (1421–1425), племянник Иоанн VII Палеолог (1377–1408) и его сын Андроник V Палеолог (1403–1407)
Иоанн VII Палеолог (ок. 1370–1408), сын Андроника IV Палеолога	1377–1408	1390	отец Андроник IV Палеолог (1377–1385), дед Иоанн V Палеолог (1379–1391), дядя Мануил II Палеолог (1377–1408), Андроник V Палеолог (1403–1407)
Иоанн VIII Палеолог (1392–1448), сын Мануила II Палеолога	1421–1448	1425–1448	отец Мануил II Палеолог (1421–1425)
Константин XI Палеолог Драгаш (1405–1453), сын Мануила II Палеолога, погиб при падении Константинополя	1449–1453	1449–1453	

- ¹ Имеется в виду переворот, в результате которого был свергнут император Никифор III Вотаниат (правил в 1078–1081 годах).
- ² «Алексиада» — памятник византийской литературы, охватывает период с 1056 по 1118 год, в том числе описывает события Первого крестового похода.
- ³ Никита Хониат (Акоминат; 1155–1213) — византийский историк, писатель, автор «Хроники», которая считается одним из основных и наиболее достоверных источников по истории Византии XII и начала XIII века.
- ⁴ Эдвард Гиббон (1737–1794) — английский историк. Самое значительное произведение — «История упадка и разрушения Римской империи».
- ⁵ Протосеваст («первопочтенный») — особый титул, применявшийся в течение XII века к детям императоров и севастократов (титул для лиц, находящихся в особой близости к императору), а также высших иностранных должностных лиц.
- ⁶ Шарль Мишель Диль (1859–1944) — французский византинист, автор труда «История Византийской империи».
- ⁷ Чезаре (Цезарь) Борджиа (1475–1507) — политический деятель эпохи Возрождения из испанского рода Борджиа, сын папы Александра VI. Отличался абсолютной беспринципностью и неразборчивостью в средствах при достижении своих целей.
- ⁸ Алкивиад (450–404 до н. э.) — древнегреческий афинский государственный деятель, оратор и полководец; известен вызывающим поведением по отношению к окружающим.
- ⁹ Все эти эпитеты принадлежат византинисту, академику Императорской Санкт-Петербургской академии наук Василию Григорьевичу Васильевскому (1838–1899). См. его работу «Византия и печенеги» в книге «Печенеги» («Ломоносовъ», 2013).

- ¹⁰ Евстафий Солунский (Фессалоникийский) (ок. 1115 — ок. 1195) — архиепископ Фессалоникийский, византийский историк и писатель, автор комментария к Гомеру. Никита Хониат называл его самым ученым человеком своего времени.
- ¹¹ Федор Иванович Успенский (1845—1928) — русский византист, академик Российской академии наук, в 1894—1914 годах директор Русского археологического института в Константинополе. Основной труд — «История Византийской империи».
- ¹² Василий II Болгаробойца (958—1025) — византийский император с 976 года. Получил прозвище Болгаробойца после победы в 1014 году над болгарской армией, когда, взяв в плен 15 000 болгар, приказал всех ослепить и отпустить на свободу, оставив в каждой сотне по одному поводырю.
- ¹³ Фердинанд Шаландон (1875—1921) — французский историк.
- ¹⁴ Поль-Эдуард-Дидье де Риан (1836—1888) — французский филолог, историк; основатель в Париже «Общества латинского Востока» (1875).
- ¹⁵ Генрих Гагенмейер (1834—1915) — немецкий историк-медиевист.
- ¹⁶ Луи-Рене Брейе (1868—1951) — французский историк-византист. Основной труд — «Византийский мир» (1947—1950).
- ¹⁷ Генрих фон Зибель (1817—1895) — немецкий историк и политический деятель.
- ¹⁸ Бернгард Куглер (1837—1898) — немецкий историк. Специалист по истории Крестовых походов.
- ¹⁹ Анри Пиренн (1862—1935) — бельгийский историк. Главная работа — «Магомет и Карл Великий» (1922).
- ²⁰ Сильвестр II, Герберт Орильякский (Аврилакский) (ок. 946—1003) — средневековый ученый и церковный деятель, папа римский (999—1003 годы). Его имя было окутано многочисленными легендами.
- ²¹ Димитриос Викелас (1835—1908) — греческий поэт, филолог, первый президент Международного олимпийского комитета (1894—1896).
- ²² Константин Яковлевич Грот (1853—1934) — филолог, историк, архивист, член-корреспондент Российской академии наук.
- ²³ Арнольд Брешианский (ок. 1100—1155) — итальянский религиозный и общественный деятель. Вел ожесточенную борьбу против высших иерархов церкви, проповедовал, что духовные лица не должны обладать богатствами и светской властью.

- ²⁴ Амалекитяне — древнее племя арабского происхождения. Его нападению подверглись евреи во время исхода из Египта. См.: Ис. XVII, 8–14.
- ²⁵ Петр Достопочтенный (ок. 1094–1156) — католический святой, монах-бенедиктинец.
- ²⁶ Гуго Фальканд (втор. пол. XII в.) — итальянский историк, автор хроники «История сицилийских тиранов».
- ²⁷ Оттон Фрейзингенский (ок. 1114–1158) — немецкий писатель, историк, внук императора Священной Римской империи Генриха IV и дядя Фридриха I Барбароссы; принял духовный сан, был избран епископом Фрейзингенским.
- ²⁸ Гийом (Вильгельм) Тирский (ок. 1130–1186) — французский историк, архиепископ Тирский.
- ²⁹ Густав Фридрих Герцберг (1826–1907) — немецкий историк, специалист по истории Греции и Византии.
- ³⁰ Франческо Коньяссо (1886–1986) — итальянский историк.
- ³¹ Имеется в виду один из авторов так называемых «Больших кельнских анналов» — исторических заметок, написанных на латинском языке в XII–XIII веках.
- ³² Генриг Гельцер (1847–1906) — швейцарский историк-византист, филолог.
- ³³ Бамбакорабд (*греч.*) — «Имеющий хлопковый прут» — насмешливое прозвище, данное императору его подданными.
- ³⁴ Вальтер Карл Норден (1876–1937) — немецкий историк.
- ³⁵ Петр Михайлович Бицилли (1879–1953) — историк, филолог, профессор Новороссийского и Софийского университетов.
- ³⁶ Жоффруа де Виллардуэн (ок. 1150 — между 1212 и 1218) — один из руководителей Четвертого крестового похода, автор хроники «Завоевание Константинополя».
- ³⁷ Луи де Мас-Латри (1815–1897) — французский историк и дипломат.
- ³⁸ Карл Гопф (Хопф) (1832–1873) — немецкий историк.
- ³⁹ Габриэль Аното (1853–1944) — французский историк и дипломат.
- ⁴⁰ Жюль Тессье (1836–1908) — французский историк.
- ⁴¹ Сибарис — древнегреческая колония, основанная в VIII веке до н. э. в Италии, на побережье Тарентского залива. Жители Сибариса славились богатством и любовью к роскоши (отсюда нарицательное значение слова «сибарит»).

- ⁴² Норман Хепберн Бейнс (1877—1961) — английский историк, византинист.
- ⁴³ Николай Месарит (1163 или 1164 — после 1217) — византийский церковно-политический деятель, писатель, поэт.
- ⁴⁴ Марино Сануто, Санудо Старший из Торчелло (ок. 1260—1338) — венецианский географ, путешественник и государственный деятель.
- ⁴⁵ Рамон Мунтанер (ок. 1270—1336) — каталонский хронист.
- ⁴⁶ Ныне монастырь Святого Пантелеимона, известный также как Россикон — один из двадцати так называемых «правящих» монастырей на Святой горе Афон в Греции. Монастырь находится в прямой канонической юрисдикции Константинопольского патриархата.
- ⁴⁷ Павел Владимирович Безобразов (1859—1918) — историк, ученый-византинист, публицист, прозаик, переводчик.
- ⁴⁸ Николай Яковлевич Марр (1864—1934) — востоковед и кавказовед, филолог, историк, этнограф и археолог, академик Императорской академии наук, академик и вице-президент АН СССР.
- ⁴⁹ Вениамин Тудельский (1130—1173) — раввин, предпринявший в 1165—1173 годах паломничество в Святую землю и посетивший по пути Константинополь.
- ⁵⁰ Эдвард Фриман (1823—1892) — английский историк и политический деятель, профессор Оксфордского университета.
- ⁵¹ Джон Багнелл Бьюри (1861—1927) — ирландский историк-византинист, искусствовед и филолог.
- ⁵² Максим Исповедник (580—662) — монах, богослов и философ, православный и католический святой.
- ⁵³ Фредерик Джон Фокс-Джексон (1845—1941) — английский историк-медиевист.
- ⁵⁴ Карл Крумбахер (1856—1909) — немецкий филолог-византинист.
- ⁵⁵ Карл Иоганн Генрих Нойман (1823—1880) — немецкий историк, географ и археолог, профессор университета Бреслау.
- ⁵⁶ Константин Манасси (1130—1187) — митрополит Навпакта, византийский поэт, оратор, историк. Автор стихотворной «Всемирной хроники» — исторического повествования от Адама до 1081 года, составленного по заказу Ирины, супруги севастократора Андроника Комнина.
- ⁵⁷ Фердинанд Грегоровиус (1821—1891) — немецкий историк и писатель, автор фундаментального труда «История города Рима в Средние века».

- ⁵⁸ Экзегеза — раздел богословия, учение об истолковании древних текстов.
- ⁵⁹ Сотирих Пантевген (не позднее 1097 — не ранее 1157) — византийский богослов, философ и церковный деятель, «нареченный» (то есть избранный, но не возведенный на кафедру) патриарх Антиохийский; учение Сотириха о жертве Христа было осуждено как еретическое на Константинопольском соборе 1157 года.
- ⁶⁰ Ормонд Мэддок Далтон (1866—1945) — английский искусствовед-ориенталист, археолог.
- ⁶¹ Чарлз Гомер Хаскинс (1870—1937) — американский историк-медиевист.
- ⁶² Уильям Миллер (1864—1945) — английский историк-медиевист, журналист.
- ⁶³ Тимофей Дмитриевич Флоринский (1854—1919) — филолог, историк-византист, политический деятель, член-корреспондент Императорской академии наук.
- ⁶⁴ Георгий Пахимер (1242— ок. 1310) — византийский философ, историк, математик, писатель и церковный деятель.
- ⁶⁵ Борис Амфианович Панченко (1878—1920) — историк-византист, автор фундаментального труда «Крестьянская собственность в Византии».
- ⁶⁶ Кола ди Риенцо (1313—1354) — итальянский политический деятель, сын трактирщика и прачки. Дважды, в 1347 и 1354 годах, возглавлял народные восстания, в результате которых Рим объявлялся республикой.
- ⁶⁷ Константин Йозеф Иречек (1854—1918) — чешский историк, автор ряда трудов по истории Балкан.
- ⁶⁸ Михаил Дука (ок. 1395— после 1462) — греческий историк; в капитальном труде «Византийская история» описывает последний период существования Византии и завоевание ее турками.
- ⁶⁹ Спиридон Ламброс (1851—1919) — греческий историк, профессор Афинского университета; премьер-министр Греции в 1916—1917 годах.
- ⁷⁰ Иоанн Евгеник (ок. 1400 — ок. 1453) — византийский писатель, богослов и государственный деятель, автор множества произведений в различных жанрах.
- ⁷¹ Георгий Сфрандзи (1401 — после 1478) — последний византийский историк, с 1451 года — великий логофет (глава царской канцелярии). Написанные им «Мемуары» охватывают период с 1413 по 1477 год.

- ⁷² Филофей (ок. 1465–1542) — старец псковского Спасо-Елеазаровского монастыря; предположительно автор концепции «Москва — Третий Рим».
- ⁷³ Жан Эберсол (1879–1933) — французский историк-византист, археолог.
- ⁷⁴ Викентий Васильевич Макушев (1837–1883) — историк, филолог, член-корреспондент Петербургской академии наук.
- ⁷⁵ Никифор Григора (ок. 1295–1360) — византийский историк, астроном, научный и религиозный полемист.
- ⁷⁶ Марин Санудо Младший (1466–1536) — венецианский государственный деятель, историк, автор дневников, которые являются ценным историческим источником.
- ⁷⁷ Микеле Амари (1806–1889) — итальянский историк, первый министр народного образования Итальянского королевства.
- ⁷⁸ Леопольд фон Ранке (1795–1886) — немецкий историк, с 1841 года официальный историограф Пруссии.
- ⁷⁹ Рене Гроссе (1885–1952) — французский историк, член Французской академии.
- ⁸⁰ Мариус Канар (1888–1982) — французский историк-востоковед.
- ⁸¹ Франц Дельгер (1891–1968) — немецкий историк-византист.
- ⁸² Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) — историк, славянофил.
- ⁸³ Антонио Рубио-и-Льюч (1856–1937) — испано-каталонский историк-медиевист, писатель.
- ⁸⁴ Джордж Финлей (1799–1875) — английский историк, автор обширного труда «История Греции от завоевания ее римлянами по настоящее время (146 до н.э. — 1864)».
- ⁸⁵ Якоб Филипп Фальмерайер (1790–1861) — австрийский историк, журналист, политик; считается одним из видных интеллектуалов XIX века в немецкоязычном мире.
- ⁸⁶ Александр Львович Погодин (1872–1947) — историк, филолог, профессор Варшавского, Харьковского и Белградского университетов.
- ⁸⁷ Димитрий Кидонис (1324–1398) — писатель, философ; близкий друг и советник императора Иоанна Кантакузина.
- ⁸⁸ В османских хрониках говорится, что Мурад пал от руки сербского воина, который притворился мертвым. Имя же Милош Обилич впервые появляется в источниках XVIII века.
- ⁸⁹ Максим Максимович Ковалевский (1851–1916) — историк, юрист, социолог; академик Санкт-Петербургской академии наук.

- ⁹⁰ Александр Николаевич Веселовский (1838—1906) — филолог, историк литературы, профессор Петербургского университета, академик Санкт-Петербургской академии наук.
- ⁹¹ Иоганн Шильтбергер (Шильдбергер) (1381— ок. 1440 года) — оруженосец немецкого рыцаря. В 1396 году попал в плен к туркам. В 1402 году был захвачен войсками Тамерлана. Всего провел в плену тридцать лет; вернулся в Германию в 1427 году. Сочинение Шильтбергера, посвященное пережитым приключениям, вышло уже после его смерти, в 1475 году, и выдержало множество изданий.
- ⁹² Адам из Уска (ок. 1352—1430) — валлийский хроникер.
- ⁹³ Мануил Хрисолор (ок. 1355—1415) — византийский философ, ритор, дипломат.
- ⁹⁴ «Мазарис» — византийская сатира XV века; повествование ведется от лица Мазариса, секретаря морейского деспота Феодора II Палеолога.
- ⁹⁵ Гемист Плифон (ок. 1360—1452) — византийский философ; считается, что идеи Плифона послужили одной из философских основ европейского Возрождения.
- ⁹⁶ Иоанн Канан — поздневизантийский историк XV века; иногда отождествляется с Ласкарем Кананом, византийским путешественником XV века по Северной Европе и по Исландии.
- ⁹⁷ Жюль Бергер де Ксиври (1801—1863) — французский историк, филолог.
- ⁹⁸ Иоанн Анагност — поздневизантийский хронист XV века.
- ⁹⁹ Кириак из Анконы (1391 — после 1449) — итальянский гуманист эпохи Возрождения. Считается одним из основателей археологии. Был первым, кто предпринял путешествия по странам классического мира с целью научных изысканий. Результаты путешествий изложил в труде «Комментарии» и дневниках.
- ¹⁰⁰ Лаоник Халкокондил (ок. 1423 или ок. 1430 — ок. 1490) — византийский историк, автор «Историй» в 10 книгах.
- ¹⁰¹ Франческо Филельфо (1398—1481) — итальянский гуманист эпохи Возрождения, филолог, дипломат; родственник Леонардо да Винчи.
- ¹⁰² Джентиле Беллини (ок. 1429—1507) — итальянский художник; был весьма популярен при жизни, почему и оказался в Константинополе, когда Мехмед II попросил прислать хорошего портретиста. Большая часть его работ погибла во время пожара во Дворце дождей в 1579 году.

- ¹⁰³ Никола Барбаро (1420—1494) — венецианский врач; оказался в Константинополе в качестве корабельного доктора. 29 мая 1453 года в день взятия города сумел бежать морем.
- ¹⁰⁴ Михаил Критовул (ок. 1410 — после 1467) — поздневизантийский историк, философ. После падения Константинополя наместник султана на острове Имврос. По заказу султана Мехмеда II написал туркофильское «Историческое сочинение» в 5 книгах.
- ¹⁰⁵ Мнения ученых об авторе «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 году» расходятся. Все сведения о нем содержатся в послесловии одного из списков «Повести», где говорится, что автором произведения был Нестор Искандер — славянин, попавший в плен к туркам, насильно обрезанный, принимавший участие в турецких походах, но тем не менее продолжавший втайне оставаться христианином. Часть исследователей считает это послесловие более поздней фальсификацией.
- ¹⁰⁶ Гюстав Леон Шлюберже (1844—1929) — французский историк-византист, археолог.
- ¹⁰⁷ Эдвин Пирс (1835—1919) — английский историк, журналист, адвокат.
- ¹⁰⁸ Эдвин Август Гросвенор (1845—1936) — американский историк.
- ¹⁰⁹ Ян Длугош (1415—1480) — польский историк, дипломат, автор «Истории Польши» в 12 томах.
- ¹¹⁰ Синаххериб — царь Ассирии, правил приблизительно в 705—680 годах до н. э. Отличался исключительной жестокостью.

Византия и крестоносцы.

Эпоха Комнинов (1081—1185) и Ангелов (1185—1204)

Предисловие	7
1. Характеристика императоров из дома Комнинов	8
2. Алексей I и внешняя политика до Первого крестового похода.	14
3. Борьба империи с турками и печенегами.	17
4. Первый крестовый поход и Византия	25
5. Внешняя политика при Иоанне II.	46
6. Внешняя политика Мануила I и Второй крестовый поход	52
7. Последние два Комнина. Алексей II и Андроник I	70
8. Характеристика императоров из дома Ангелов	76
9. Образование Второго Болгарского царства	79
10. Третий крестовый поход и Византия	83
11. Генрих VI и его восточные планы.	87
12. Четвертый крестовый поход и Византия.	90
13. Церковь при Комнинах и Ангелах	110
14. Внутреннее управление.	119
15. Просвещение, наука, литература и искусство	127
<i>Приложение</i>	
Македонская династия	146
Династия Дук	148
Династия Комнинов	149
Династия Ангелов.	150

Падение Византии.
Эпоха Палеологов (1261—1451)

Предисловие	153
1. Общее положение империи	154
2. Внешняя политика Михаила VIII	166
3. Внешняя политика Византии в царствование Андроников	179
4. Политика Византии во второй половине XIV века	196
5. Мануил II (1391—1425) и турки.	205
6. Иоанн VIII (1425—1448) и турецкая угроза.	220
7. Константин XI (1449—1453) и взятие Константинополя турками.	225
<i>Приложение</i>	
Династии Палеологов и Кантакузинов	238
<i>Примечания</i>	240

Васильев А.

- В19 Византия и крестоносцы. Падение Византии / Александр Васильев. — М. : Ломоносовъ, — 2014. — 256 с. — (История. География. Этнография). ISBN 978-5-91678-233-2

В книгу вошли две работы выдающегося русского и впоследствии американского византиниста академика Александра Васильева — «Византия и крестоносцы» (1923) и «Падение Византии» (1925). Острый и непредвзятый взгляд, четкий анализ причин развернувшихся событий, обширное привлечение источников — вот отличительные черты его книг. Мы видим, как Византийскую империю постепенно разъедают внутренние противоречия, как ее теснят с запада латиняне во главе с Венецией и с востока — турки, как, наконец, крестоносцы, забыв об Гробе Господнем, поворачивают Четвертый крестовый поход на Константинополь — блестящий город, не знавший себе равных в Европе, овладевают им и на разграбленном пепелище утверждают свое государство. Спустя пятьдесят лет Византийская империя возродилась, но силы ее были подорваны. К 1453 году вся она ужалась до размеров своей столицы, и тогда настал заключительный акт великой исторической драмы — штурм города султаном Мехмедом II и гибель последнего византийского императора Константина XI в рукопашной схватке... Так завершилась тысячелетняя история Византии.

УДК 94(495).04

ББК 63.3(0)4

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Александр Васильев

Византия и крестоносцы

Падение Византии

Редактор О. Иванов
Верстка А. Петровой

Подписано в печать 30.05.2014.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 16.
Заказ № 3064. Тираж 1000 экз.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru,
т/ф. 8(496)726-54-10

**Александр
Васильев**

Византия
и крестоносцы
Падение
Византии

В книгу вошли две работы выдающегося русского и впоследствии американского византиниста академика Александра Васильева — «Византия и крестоносцы» (1923) и «Падение Византии» (1925). Острый и непредвзятый взгляд, четкий анализ причин развернувшихся событий, обширное привлечение источников — вот отличительные черты его книг. Мы видим, как Византийскую империю постепенно разъедают внутренние противоречия, как ее теснят с запада латиняне во главе с Венецией и с востока — турки, как, наконец, крестоносцы, забыв об Гробе Господнем, поворачивают Четвертый крестовый поход на Константинополь — блестящий город, не знавший себе равных в Европе, овладевают им и на разграбленном пепелище утверждают свое государство. Спустя пятьдесят лет Византийская империя возродилась, но силы ее были подорваны. К 1453 году вся она ужалась до размеров своей столицы, и тогда настал заключительный акт великой исторической драмы — штурм города султаном Мехмедом II и гибель последнего византийского императора Константина XI в рукопашной схватке... Так завершилась тысячелетняя история Византии.

ISBN 978-5-91678-233-2

9 785916 782332